

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

9
'95

В НЕБЕСАХ МЫ ПЕТАЕМ О Д Н И Х

**Всегда в боевой
готовности верто-
летчики внутрен-
них войск МВД
России.**

**Фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.**

НА БОЕВОМ ПОСТУ

9'95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой
странице обложки
рядовой
Дмитрий СТЕПИН.

Фото
В.НИКОЛАЙЧУКА.

В НОМЕРЕ:

Зона особого внимания

КАРПОВ Б. Кавказский крест	2
МУЧАК И. С ним ходили в разведку	8
ИСТОМИН А. Бросок на Аргун	13
По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России	16

В годы войны

СЫСОЕВ Н., ЕЛАГИН В. Войска НКВД против самураев	19
--	----

Войска: проблемы, события, люди

МАКАРОВ А. Посторонним вход воспрещен!	22
--	----

Войска и общество

ЯКОВЛЕВ А.: "...В душе остаюсь офицером"	27
--	----

Ретроспектива

БЛИЕВ М. Чечню усмиряют три века	33
КРИВЕЦ В., ШТУТМАН С. Под стражей начальник кон- войной стражи	38
КУЗЬМИН С. Волки преступного мира	43

Проза. Поэзия

ЕРХОВ Е. "...Вся в крови душа"	51
ГОНЧАРОВ В. "Мой каждый день хоть чем-нибудь да людям пригодится"	56
ПЫЛЕВ С., САМОВАРЩИКОВ В. Последний приказ За- дорина	58

Книжная полка

БЕЛИКОВ И. От Рыкова до Щелокова	67
ЛЕОНОВ Б. "А я еще не вышел из войны..."	70

Калейдоскоп интересов

ГРУНТОВСКИЙ А. Русский бой удалый	73
АНДРЕЕВ М. Справедливость силы	76
Шахматный клуб	78

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1995

Сдано в набор 26.07.1995 г. Подписано к печати 28.08.1995 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1561. Тираж 5500.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 6000 руб. (индекс 70610), для пред-
приятий и организаций — 8000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, В-120,
Сыромятинский
проспект, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

Кавказский крест

В начале августа Президент России заявил, что "в нашей стране произошло событие большой важности. Переговоры по урегулированию ситуации в Чеченской Республике увенчались первым успехом".

Сводки из Чечни в российских газетах и на телевидении отошли на второй план. В центре внимания — Балканы, наступление хорватов в Сербской Краине. Военный обозреватель газеты "Сегодня" г-н Фельгенгауэр уже отыскивает параллели в двух войнах и умозаключения свои называет вызывающе просто — "Российские танки стреляют по сербам". Симпатичная Нелли Петкова удовлетворенно сообщает телезрителям, что в минувшую ночь федеральные войска в Чечне подвергались обстрелу "всего лишь" пять раз.

Милая, всего лишь одной пули, случайной, шальной или снайперской, достаточно, чтобы унести жизнь человека. Но, видно, день без выстрела на Земле возможен в песнях-мечтаниях, в молитвах сердобольных.

Наши гибнут в Чечне по-прежнему — в поминальном списке внутренних войск России пошла уже четвертая сотня фамилий.

Войска сидят в окопах на завоеванных в боях вершинах, в грозненских комендатурах, где выбитые еще зимой окна заложены мешками с песком. По ним стреляют. До мира еще далеко. Перемирие дудаевцы нарушают, ставя под сомнение правомочность его подписантов. Так называемые полевые командиры, вкусившие власти, основанной на силе оружия, признают только такую власть. Это в нормальном государстве есть нормальные, законные командиры. "Полевые" же командиры, выросшие на поле брани, — сорняки, они вне закона. Если они продолжают убивать российских солдат, не выдают пленных, как было обещано, если они диктуют свои условия и, увешанные оружием, улыбаются в объективы телерепор-

теров, значит, в государстве не действуют законы. В правовом государстве преступники должны быть схвачены, изолированы, наказаны. Их надо развенчать публично. На это должны быть направлены силы всех государственных структур, общественных организаций, "четвертой" власти, наконец.

Увы, у нас все вышло по-другому. Война в Чечне только начиналась, а самые ретивые борцы за демократию уже знали, где искать выгодные дивиденды. Известный правозащитник кинулся в дудаевский стан зарабатывать себе Нобелевскую премию (вместо нее дали г-ну С.Ковалеву чеченский орден). Депутат в рясе г-н Г.Якунин, лишенный церковного сана, во всеуслышание грозился привлечь к ответственности командиров частей российских войск за действия в Чечне. "Профессиональная вдова" г-жа Е.Боннэр рассуждала о войне, сидя в американском Бостоне, и призывала поднять на бунт солдатских матерей России. Ну очень крутая репортерша г-жа Е.Масюк, охотница до "жареной утятин", не жалея сил и средств гоняла по горам Чечни и за рубежами Отечества в стремлении получить интервью "с интересными собеседниками" из числа и без нее уже прославленных на весь мир чеченских полевых командиров.

Не остались равнодушными к войне в Чечне и "новые русские", тряхнули мощной в самом ее начале. Не шибко раскошелились, в казино проматывают поболее, но красивый жест сделали. Новогодние подарки в январском Грозном видеть приходилось. Пара банок кока-колы (помните стилижную песенку шестидесятых годов — "не ходите, дети, в школу, пейте, дети, кока-колу"), сигареты "Пегас" (сами-то "Мальборо" курят), зажигалка "Крикет" (одной такой на всю войну не хватило). Еще в новогоднем подарке был почти невесомый пакетик чипсов (один солдатик раскрыл его, схрумкал и вздохнул: "Эх,

Чечня: ни мира, ни войны...

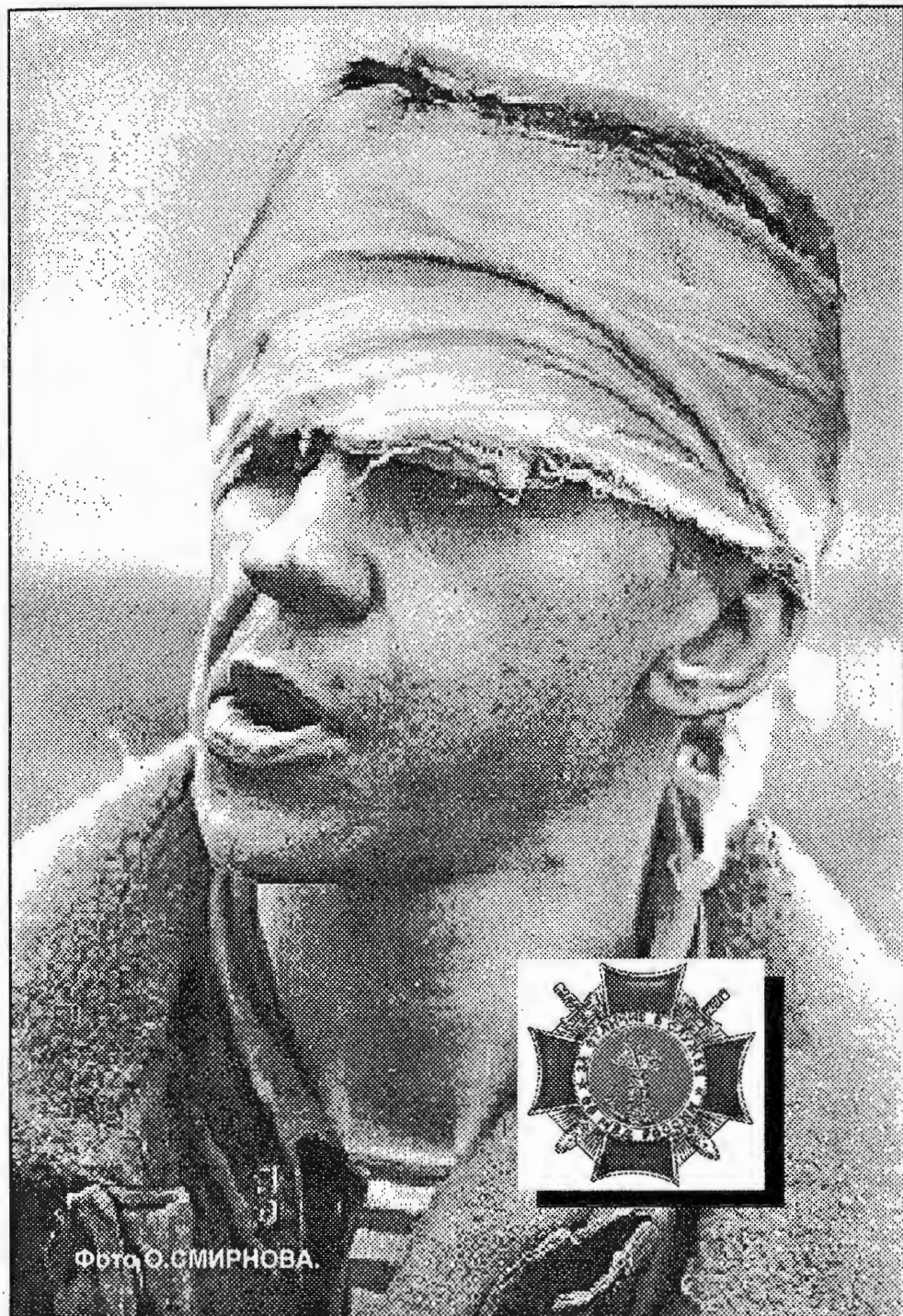

Фото О. СМЕРНОВА.

картошечки бы щас разварной кастрюлечку!). Кому повезло, досталась черная вязаная шапчонка, удобная, когда надеваешь ее под каску. Гостинцам солдаты поразовались — дети, они и на войне дети. Как говорится, всякое подаяние — дар Божий. Спасибо банкирам и коммерсантам за их "гуманитарку". И губернаторы из регионов, дары приносящие, были встречены радушно. Вот только смутило письмо от Инкомбанка, вложенное в коробку. Начиналось оно словами — "Дорогой воин Новой России!". Выпил один спецназовец 0,33 литра кока-колы, закурил "пегасину" и вслух стал рассуждать: "А почему, собственно, "Новая Россия"? Новая Зеландия есть, Новая Гвинея еще... Вот, блин, загнули "новые русские", страну уже переименовали по-своему!".

Старые россияне выходили навстречу российским солдатам и осеняли их крестом: "Храни вас Бог, сыночки! Избавьте нас от бандитов, а то ведь никакого житья от них нету". И сыночки, дорогие воины России, шли под пули, под минометный обстрел.

"Новые русские" не воюют — они откупаются кока-колой и чипсами. И детей своих отмазывают от армейской службы, великодушно уступая свое место в окопах сыновьям простолюдинов да потомственным военным, у которых в генах еще остались высокие понятия о чести и достоинстве, благородстве и самопожертвовании.

Тех, на ком еще держится Россия, смущают доброты вроде некоего питерского поэта и журналиста Александра Богданова. В январские дни с благотворительными оказиями доставлялись в Грозный сочиненные им и отпечатанные на чьи-то деньги листовки с подстрекательскими призывами: "Солдаты и призывники России! Каждый из вас не дурнее паровоза. У каждого может внезапно обостриться приступ аппендицита, разболеться позвоночник, как у инвалида детства. В любой момент можно избежать отправки на эту войну. В кавказской войне победителей не будет, а раненых и убитых уже тысячи. Парни, самовольно оставившие свои части! Дома лучше, чем на безжалостной чеченской бойне. Больные — по госпиталям! У каждого солдата и призывника — масса неизлечимых болезней. Ищите как

следует! Чем дольше болеешь, тем быстрее война закончится..."

Вот такая агитка. Да еще сбоку вирши подверстаны:

В руках сжимая меч и крест,
Сжигаем все, что было раем,
И слезы не своих невест
С лица ночами вытираем.

Мы сидели грозненской сырой ночью в холодном пристанище саперов из бригады оперативного назначения внутренних войск и говорили о том, что же двинуло нас на Кавказ, что заставляет выполнять приказ. У собеседников моих безудных наивность и неискушенность в этой кромешной жизни заметны невооруженным глазом. Но их горячее желание служить Отчеству, служить здесь, на воюющем Кавказе, среди опасности, грозящей ежеминутно, рождено не только мальчишеской бравадой безоглядной, но и осознанием своего высокого звания — "солдат России".

Один призывался из Мурманской области, скрыв на комиссии серьезную травму, обойдя охранительный родительский заслон. Родители его — медики, знали, что и как. Мать велела отнести в военкомат серьезную справку-оберег. Но отец, сам отслуживший в армии, как положено мужику-гражданину, сына понял. И благословил.

Другой наш юный собеседник был деревенский, костромской. Юра Коншин по прозвищу Зверь. Большой, русский с рыжиной, он был молодой и крепкий русский мужик, как раз переходивший в эту категорию из юношей, парней. Сидели мы, курили при свече, разговоры откровенные разговаривали. И за грубовато-рубленным обликом солдата явно-зримо виделась добрая, отзывчивая, широкая душа.

Юра рассказывал о своем деревенском приятеле, которому на пограничной службе выпала печально знаменитая 12-я заставка на "таджичке". Костромской крестьянин попал в бои, вытаскивал из-под огня раненых и убитых товарищей. Другану Юрке говорил, когда провожал в солдаты: "Всеми правдами и неправдами — туда не ходи!". Наверняка ведь тот же Степан, если бы пришлось, снова пошел на войну. И Юрка-Зверь не привык в этой жизни финтить. Этому достались внутренние войска. Войскам досталась Чечня. Юрка, православный, очень верующий в Бога,

перед январской командировкой выпросил у своего ротного ("он человек хороший") увольнительную. Поехал в Сергиев Посад, в Лавру. Поставил свечки за здоровье родителей, за свое здоровье.

Глуховатым, но твердым голосом Юра сказал мне в диктофон 14 января 1995 года:

— Я теперь верю, что до восьмидесяти семи лет доживу и со мной здесь ничего не будет. И хоть я иду здесь на задания, осторожно иду, я верю, что доживу до восьмидесяти семи лет.

— Ну, дай Бог!

— Так и будет, товарищ полковник, так и будет!

... Мы прилетели в Чечню 23 мая. 22-го сапер рядовой Юрий Вячеславович Коншин погиб. Он подорвался на растяжке, поставленной дудаевскими бандитами. Где та гадалка, что напорочила мальчишке долгую жизнь?

— Нич-че, прорвемся, товарищ полковник! — убеждал меня Старый — ефрейтор Димка Стариков.

Во время освобождения Грозного от бандформирований надо было взломать железные ворота одного из укрепленных бандитами объектов. На таран пошел комбатовский бэтр Ф-117. Экипаж спешился, лихой "руль" рядовой Денис Воложанинов с ходу снял препятствие, войска пошли вперед. Помню, мы боялись, что во время лобового удара пострадает пулемет на башне, но... лопнула труба кронштейна, на котором подвешено поворачивающееся сиденье стрелка. Старый, с которым мы уже успели познакомиться, встал под своими пулеметами на колени и произнес классически-сакраментальное: "Прорвемся!"

В Самашки прорвались... Мирное, по утверждениям все тех же правозащитников, село оказалось мини-Грозным. Наш 117-й там сгорел. Когда узнал об этом, первым делом спросил: "А Старый?" — "Старый сгорел под ним". — "А Денис, наш "руль"?" — "Ранен".

Мы прилетели на "Куликово поле" под Ассиновской вместе с самим Куликовым, в ту пору еще командующим внутренними войсками. Под сетчатым камуфляжным пологом штабной палатки он вручал группе отличившихся в боях солдат и командиров недавно учрежденные знаки "За отличие в службе". Среди тех, кто привинтил на камуфлированную куртку новенький

рубиновый крест со скрещенными мечами и Георгием Победоносцем, был и сержант А. Поносов. Вечером он заступил на дежурство по роте. После отбоя, когда в ночной мгле скрылись и близкий Бамут, и дальний Казбек, мы сели с Алексеем на лавочку возле палатки.

Всегда мучительно трудно выпытывать подробности боя у его непосредственных участников. Вдвойне тяжелее, если в том бою погиб кто-то из наших. Втройне больнее, если погибшего знал ты сам. И все же включаю диктофон:

— Леша, расскажи про Самашки.

— ... Раненых погрузили на 110-й. Эдик уехал с ними. Комбат сказал: "Кто здоров — на 117-й". Сели сержант из третьей роты, я, контуженный боец из роты саперов, омоновец, комбат. Внутри находились рядовые Пильященко, Успенский, наводчик Димка Стариков, водитель Воложанинов и радист из роты связи. Выехали мы на улицу, по которой шла третья штурмовая группа. Впереди на дороге стоял пустой БТР группы спецназа. Мы его объехали — следующий стоит, БТР роты разведки, тоже пустой. Он преграждал нам дорогу. Еще лежал убитый пулеметчик из третьей роты. Наш БТР встал, проехать нельзя было. Тут из двора кто-то из разведчиков крикнул: "Тут снайпер — прыгайте!" Мы спрыгнули. Тот же голос: "Сейчас ваш бэтр долбанут из гранатомета, убийте его!". Денис Воложанинов: "Давайте, я уберу бэтр". Но комбат сказал: "Не надо". Только он это сказал, снайпер ранил комбата. Мы прижались все к броне, я отвел комбата, посадил, дал перевязочный пакет. Пильященко и Успенский стали перевязывать комбата. Раздался первый выстрел из гранатомета, он попал шорохом по бэтру. Комбата вынесли. Успенский был легко ранен в голову. Вылез Димка Стариков, наводчик. Улыбнулся, лег между колес бэтра, между вторым и третьим, под "мостиком". Вылез Денис Воложанинов, раненный в затылок. Он на себя надел бронезилет и лег. Недолго ждать пришлось второго выстрела из гранатомета. Он был более точным. Связист был ранен первым выстрелом, его добил вторым. Погиб Димка Стариков — ему... голову, осколком. Осколок в голову попал. БТР загорелся. Ранило омоновца. Убило контуженного солдата из саперной роты. Сержант из третьей роты, кото-

рый был с нами, успел в здание к разведчикам заскочить...

Голову нельзя было поднять — снайпер стрелял. Голову высовываешь — точно над броней пуля сразу пролетает. БТР горел. Раненый Успенский поднял голову и сказал, что там гранатометы "Муха", четыре штуки. Я вытащил три штуки, четвертый не нашел. Он позже сказал, что тот был на командирском месте. Я когда полез, по дороге вытянул из бэтра ящик с патронами, достал "Муху". Потом еще сказали, что там раненый. Я "сидушки" (сиденья. — Б.К.) потушил, заглянул по ту сторону, а там в бэтре дыра сверху, там уже не раненый, а... непонятно что было уже.

Я вылез, сел за заднее колесо. Тут раздался третий выстрел — в то же место попал снаряд. БТР сильнее загорелся. Я подполз к комбату и сказал: "Товарищ майор, нужно уходить или... Сейчас БК начнет рваться". Он мотнул головой. Разведчики и группа спецназа прикрыли. Комбат с Пильященко вышли. Воложанинов Денис вышел, омовенец раненый. Все вышли. Я последний побежал из-за БТРа. Дальше... Там не БТР, а фейерверк — все рвалось, БТР загорелся, задние колеса у него загорелись. Вот из-за этого сильно оборел труп солдата из саперной роты, который погиб от выстрела гранатомета, и Димка Стариков... Вот и все.

Мы сидели в черной ночи, молча курили. Изредка в сторону Бамута метала свои огненные стрелы стоявшая неподалеку установка "Град", залпами по пять снарядов. Я вспомнил грозненский январь и наш 117-й бэтр. Неделю ездили на нем, влезали в напичканное оружием и боеприпасами нутро, где было страшно тесно, но зато тепло и уютно. Незлобиво ворчали на Старого, чья вертящаяся люлька то и дело заставляла нас, толстых и неповоротливых в бронезилетах и зимних куртках, ужиматься, что мы безропотно делали, дабы не мешать меткой стрельбе нашего наводчика. Покрикивали на Пильященко с его ящиком-радиостанцией, чья антенна так и норовила ткнуть в глаз — он обеспечивал связь комбату и забирался под броню всегда последним. Беспokoились за Дениса Воложанинова, боясь что простудится, без зимней куртки выскакивая на мороз. Представил этих парнишек в черных Самашках, в "мирном" селе, осыпающем свинцом и сжигающем заживо. Эх, ребяташки, больно до сердечных спазм за вас! И горжусь вами, нашими

российскими мальчишками — пермскими, алтайскими, вятскими... Не повыбило бы только таких на войнах времен перестройки. А ведь на глазах выбивают будущее России!

Их именуют "пушечным мясом" всякого рода пацифисты, правозащитники, эксперты из рядов борцов за демократию, дающие советы по военным вопросам Президенту, правительству, думцам. А парни наши — российские люди. Газета с добрым названием "Утро России" сопрождает свой комментарий к первым дням после подписания в Чечне блока военных соглашений такими вот словами: "За минувшую неделю отмечены случаи гибели российских военных..." "Отмечены случаи". Вроде речь идет об отравлении грибами или заражении вибрионами холеры.

Командующий внутренними войсками генерал-лейтенант Анатолий Романов брошен в объятия Масхадову на замещение. Да, государь император Александр II, было дело, обнял и даже поцеловал имама Шамиля. Но Шамиль-то был в плену! И выглядел он тогда, в Чугуеве, по свидетельству современников, бледнее обычного, когда вывели его перед строем русских войск. И в переписке дружеской состоял с пленившим его князем Барятинским, находясь в плену, сложивши оружие.

Постановили — оружие все незаконные вооруженные формирования в Чечне должны сдать. Да мы и это уже проходили — вспомните горбачевский указ о разоружении во время карабахской войны. Забыли? Списали в архив советскую историю?

Изучая историю войн нашего Отечества, никогда нелишне помнить, какой большой кровью оплачивали российские воины успех боевых кампаний. В 1901 году вышел "Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закавказском крае. 1801-1885". Редактировал его знаток истории Кавказской войны генерал-майор В.Потто. По подсчетам составителей сборника, общие боевые потери российской армии за 64 года войн на Кавказе составили: убитыми 804 офицера и 24143 нижних чина, ранеными 3154 офицера и 61971 нижний чин, пленными 92 офицера и 5915 нижних чинов. В число

безвозвратных потерь не включены военнослужащие, умершие от ран или погибшие в плену (например, в 1854 году Шамиль распорядился расстрелять группу пленных российских офицеров).

Еще больше умирало от болезней, погибало от набегов горцев на населенные пункты Кавказской линии, Лезгинской кордонной линии, укрепления Черноморского побережья Кавказа. Погибали и мирные жители, занимавшиеся освоением новых земель, обеспечением войск. Нападения совершались, как правило, когда рядом не было регулярных войск, отсутствовала должная вооруженная защита мирного населения. Набеги отличались жестокостью, войной "на уничтожение". Составители упомянутого сборника предполагали, что за время Кавказских войн безвозвратные потери военнослужащих и мирного населения Российской империи достигают не менее 77 тысяч человек.

Об ожесточенном характере кавказских боев говорит и тот факт, что среди погибших было 13 генералов и 21 командир части. Кавказская война уносила жизни лучших представителей российского общества, его интеллектуальной и творческой элиты — общеизвестно, сколько талантливых личностей, ставших в оппозицию к властям, было сослано на Кавказ в действующую армию.

Крест "За службу на Кавказе", хоть и носился офицерами ниже прочих наград, ценился всеми особенно. Обладатели его встречались в любом обществе Москвы, Петербурга или в российской провинции с почтением.

К сожалению, у нас не всегда так. Жалая бедных солдатиков, называют их "пушечным мясом". Военных клеймят как свирепых и безжалостных оккупантов. Вернитесь к строчкам горлопана-"поэта" из Питера: "В руках сжимая меч и крест, сжигаем все, что было раем...".

Меч-то военному человеку всегда положен. А вот насчет креста — это, г-н Богданов, вы зря. Не крестить мусульман мы пришли в их дудаевский рай, а замирать. Это Аум Синрике да Белое братство правдами и неправдами, не мытьем, так катаньем пытались совратить людей, загнать их в свою веру.

Не ропща на судьбу, тянут войска свою лямку на Кавказе. И, похоже, будут тянуть ее долго, всегда. И белые, и красные, и трехцветные соглашаются, что в кавказской войне победителей не будет. Хоть и

чувствуют себя победителями вооруженные люди под зелеными знаменами. Они выставляют себя героями на фоне всеобщей неразберихи в обществе, нерешительности и некомпетентности властей, не знающих даже, как толково распорядиться тем, что осталось. Российские деньги теперь будут лететь в Чечню, как в черную дыру. Российские военные будут сидеть вокруг этой зияющей прорвы и смотреть в нее бессмысленным, отрешенным взглядом.

Один знакомый генерал сказал правильные слова: "Если хотят получить восстановленную мирную Чечню, пусть первой статьей расходов на нее поставят содержание войск. Войска там будут всегда. Значит, обустройте их, накормите, дайте технику, вооружение, оденьте и обуейте. Войска должны стать стержнем всего — мира, правопорядка, стабильности. Только при таком условии можно начинать разборку руин и новое строительство".

Генерал не ссылаясь на исторический опыт, а ведь именно оттуда почерпнул здравую мысль. Ведь и Грозный был русской крепостью Грозная, прежде чем стать чеченской столицей, и горцы сами тянулись к русскому солдату, с которым жить-то можно очень и очень неплохо.

Русский солдат все вынесет — он двухильный.

В январе подорвались на минах два бронетранспортера разведгруппы внутренних войск. Трех раненых вертолетом отправили в госпиталь. Водитель одного из БТРов, рядовой Андрей Баранников, тоже раненый, уезжать из части отказался. Уже наутро он, с забинтованной головой, сокрушенно оглядывал свою машину. Взрыв был настолько силен, что у БТРа оторвало колесо. "Андрюха, тебе бы в госпиталь надо", — говорят участливо парню сослуживцы. — "А кто машину ремонтировать будет?" — "Да не волнуйся, все сделаем. У тебя же голова разбита, подлечись". — "Ничего, прорвемся!"

Прорвемся, Андрей! Через минные поля, через завалы, через горные перевалы. Через проклятия бесноватых, через оскорбления и унижения. Вот только не оказалось бы в конце трудного кавказского похода какой-нибудь подлой ловушки, непреодолимой пропасти, бездонной черной дыры.

Полковник Б.КАРПОВ.

С НИМ ХОДИЛИ В РАЗВЕДКУ

*Я из огня вчера вынес дружка.
Как эта тяжкая ноша горька.
Целую жизнь эту ношу носить...*

Марианна Захарова. "Русские матери".

ЗАСАДА

Майское солнце на Кавказе раскаляется добела. И хотя в горах ночью от теплой зимней куртки еще не откажешься, днем хочется снять все до последней нитки. Зимой имидж фронтовика дополняла обильная щетина на лице, а сейчас многие не только стали брить бороды, но и стричься под ноль. Жара невыносимая. Тем же, кто все-таки не торопился расставаться с символом боярской принадлежности, было на то высочайшее повеление командования: сбрить! И ведь надо же, именно в этот день.

Начальник разведки полка майор Дмитрий Чуханов, прибыв с очередного совещания, собрал своих разведчиков.

— Так, мужики, — по-свойски обратился он. — Сегодня всем сбрить бороды.

— Может, все-таки погодим до вечера, а, товарищ майор? — попросил за всех

старший лейтенант Александр Васюченков. — На разведку съездим, а уж потом...

— Ты-то чего переживаешь? У тебя еще и щетина не выросла, — перебил его Чуханов. — Если уж носить, так шикарную бороду, а не три волосины в два ряда. Бери пример с меня. Вот. — Он потрогал гладко выбритый подбородок.

Сбрить, так сбрить.

Так и уехали на разведку, словно новые пятаки, даже пыльный, давно не стиранный камуфляж казался чище.

Такие рейды для разведчика с четырехлетним стажем майора Чуханова — дело привычное. Тем более что и в Бачи-Юрт не впервой дорожку прокладывать, приходилось бывать уже и там.

В районе этого населенного пункта на Гудермесском хребте полку предстояло расположиться батальонными опорными пунктами, перекрывая боевикам путь на

342

Грозный и Гудермес. А Дмитрию Чуханову была поставлена задача разведать обстановку в интересующем командование районе, провести рекогносцировку маршрутов выдвижения полковых колонн. О том, что там нет боевиков, было достоверно известно, но что их мелкие группы могли появиться в любой момент — никто не исключал. Кавказ — дело тонкое.

Заброшенная ферма на подъезде к Бачи-Юрту у разведчиков подозрений не вызывала. Оставался в стороне и сам поселок, хаотично разбросавший в долине небольшие домики, слегка прикрытые дымкой.

Выехали на сопку, огляделись. Для оборудования позиций место и впрямь отличное. И вдруг — по противоположному склону на горку взбираются три мотоцикла с колясками, седоки — с автоматами. То ли разведка, то ли маневренная группа дудаевцев облюбовала высоту для осмотра местности. Расстояние порядочное, но и те и другие поняли: это противник. Разведчики бросились к стоявшим рядом бронетранспортерам, мотоциклисты моментально отреагировали на это автоматным огнем. Бойцы ответили из всех имеющихся стволов. На мотоциклах против бэтээров не очень-то повоюешь. После лихорадочного обмена огнем бойцы роты разведки даже не успели определить, были ли потери среди боевиков, как те ретировались в долину. Тактика их волчьей войны известна: зацепить, спровоцировать преследование, заманить в ловушку и накрыть. Устояли разведчики от соблазна пуститься в погоню. Но все-таки золотое правило "Прийти и уйти незамеченным, избежать всяких боевых столкновений" майору Чуханову выполнить не удалось.

— По местам! — скомандовал начальник разведки. — Возвращаемся в часть.

Через секунду бронетранспортеры, приминая колесами сухую, как проволока, траву и поднимая клубы пыли, выскочили на дорогу и на огромной скорости мимо Бачи-Юрта взяли курс на Грозный.

Автоматная очередь прозвучала неожиданно и совсем рядом. Словно бэтр по сухому валежнику проехал. Стреляли из притаившихся на обочине построек фермы. А когда граната, выпущенная из "Мухи", с шипением пронеслась между двумя мчавшимися бронетранспортерами, а далее, срикошетив от земли и под-

нимая облако пыли, запрыгала по склону, пока не взорвалась где-то на высоте — сомнений не оставалось: стреляют действительно по ним. Остановившиеся боевые машины оказались под перекрестным огнем. Из засады разведчиков расстреливали в упор.

Прапорщик Виталий Нор еще не успел спрыгнуть с брони, как увидел, что сидевший рядом боец сполз в открытый люк с простреленной головой. Другие солдаты тем временем прыгали в мучнистую дорожную пыль, и кто не валился замертво, не дожидаясь команды, занимал позицию в небольшом овражке. Нор подбежал к переднему бронетранспортеру, когда на его броне уже никого не оставалось. Находившийся поблизости майор Чуханов, так и не успевший отдать ни единой команды, прямо на его глазах вдруг остановился как парализованный.

— Товарищ майор, что с вами? — подскочил к нему кто-то из солдат. — Вы ранены?

По враз побелевшему лицу начальника разведки из-под каски-сферы вдоль носа стекала алая струйка крови. Не промолвив ни слова, Чуханов отстранил солдата, пытавшегося ему помочь, сошел с дороги на обочину, лег в пыльную траву, положил рядом снайперскую винтовку и, скрестив руки на груди, закрыл глаза...

А вокруг бушевал бой. В его горячке Виталий Нор даже не сразу почувствовал, что ранен. И только когда изготовился для стрельбы лежа, понял — подняться уже не сможет. Боевики остервенело поливали свинцом придорожную ложбину, совсем рядом рвались гранаты. Услышав очередной щелчок капсуля-воспламенителя, Виталий крикнул: "Граната!". Бойцы, которые на тренировках, услышав подобный сигнал, бросались врассыпную от того места, где падала смертоносная болванка, лежали неподвижно. "Наверное, все ранены", — подумал прапорщик. Кто-то рядом отвечает на огонь боевиков короткими очередями, КПВТ и вовсе заклинило — работает пулемет одного из бронетранспортеров. А ко второму рядовой Николай Черевань тем временем стаскивал раненых: Александра Окамова, Виктора Сухинина. Прапорщик Нор, цепляясь руками за траву-проволоку и оставляя на ней кровавый след, полз к дороге, преодолевая боль и волоча свои неподвижные ноги.

— Товарищ прапорщик, — крикнул Червань, помогая Нору взобраться в открытый боковой люк, — со стороны Бачи-Юрта бэзмпэшка боевиков. Майор Чуханов погиб. Уезжать нужно, а я один его затащить не могу.

Виталий Нор виновато посмотрел на свои неподвижные ноги. Лежавшие без движения Окаемов и Сухинин тоже не помощники...

Сержант Виктор Сухинин от полученных ран скончался в госпитале в тот день, когда в Отдельной дивизии оперативного назначения хоронили его погибших товарищей.

Сколько мужества нужно матери, чтобы все это пережить! После телесобобщений о пролитой на чеченской войне крови Мария Васильевна решила: "Все, поеду и заберу сына из этого ада". А в Грозном она встретила с сослуживцами Виктора, его командирами. И смягчилось, успокоилось материнское сердце при виде сына, живого и здорового. А тут еще и он сказал:

— Посмотри, мама, какие у меня друзья, какие командиры. Разве я могу их оставить и уехать с тобой? Я не хочу прятаться за твоей юбкой.

Виктор решил свой крест нести до конца. И она поверила, что с сыном действительно ничего не может случиться. И вдруг: "Прости, мама, не уберег!" — эти слова сказал ей командир разведгруппы Демис Давыдов. Убитая горем женщина бросилась навстречу сержанту, вошедшему в кабинет начальника штаба полка, обняла его и не отпускала от себя целый день...

— Как вы выезжали в тот раз на разведку, о чем говорили? Было ли какое-нибудь недоброе предчувствие? — допытывался я у раненых, участников этого боя.

— Да нет, ничего особенного. Все было как всегда, — опускает глаза в раздумье прапорщик Нор. — Разве только то, что в этот день мы все сбрили бороды...

"БУБНОВЫЙ ТУЗ ЕЩЕ НЕ КОЗЫРЬ"

Тяжело терять друзей. Тех, с которыми знаком уже более десятка лет, с которыми разговаривал за неделю до того рокового боя и верил: таких мужиков действительно "пуля боится и штык не берет". Не испугался коварный свинец.

Это погожее майское утро враз померкло, когда я узнал, что погиб Дима Чуханов. А днем, когда пелена наворачивающихся слез еще застилала глаза и расплывался белый клочок бумаги на глянцевом столе, я взялся писать этот очерк. Две недели назад, когда Дмитрий Никитович только что возвратился из Санкт-Петербурга, мы встретились в кабинете начальника штаба полка. Полтора года он отучился на заочном отделении в юридическом институте МВД и урвал несколько дней от войны, чтобы съездить за экзаменационным заданием на очередную сессию.

— В Чечню не собираешься? — спросил я его.

— Через неделю уезжаю, а что? — поинтересовался и он в свою очередь.

— Хочу о тебе написать. Может, удастся перед отпуском съездить в командировку и помотаться с тобой по Чечне.

— Да не нужно обо мне писать, — неожиданно возразил Чуханов. — Обо мне и так много писали, и когда орден получил, и позже. Чего обо мне писать-то...

От такой его категоричности я даже несколько опешил. Разговор закончился так же внезапно, как и начался. Его отговорки я растолковал как нежелание лишний раз светиться в такой сложный период. Разведка ведь. Но надежда, что через некоторое время удастся побеседовать более предметно, оставалась.

Увы, теперь не суждено.

— Каким он был, майор Чуханов? — спрашиваю у разведчиков и спецназовцев, хотя сам знал его, казалось, прекрасно.

— Надежный мужик, с ним не страшно ни под пулями, ни в рукопашной, — говорит бывший командир взвода разведки, ныне командир роты капитан Сергей Ткаченко. — Поколесить с ним по горячим точкам мне довелось изрядно.

— Веселый был, никогда не унывал.

— Строем нас в парилку водил, — улыбаясь, добавляет прапорщик Нор.

Да, любил Дмитрий Никитович хорошую баньку. И умел он превратить банный день в праздник. В шутку говорил: "Если работа мешает раз в неделю посетить парную, значит, нужно бросать такую работу". В каждой командировке Чуханов добровольно брал на себя обязательство первым делом обустроить баньку, чем за-

служивал безграничное уважение солдат и офицеров полка. Сооружал все из подручных материалов. И где только порой доски доставал, кругом ведь одни камни были. При перемене дислокации аккуратно разбирал и перевозил на новое место. Вы думаете, Грозный исключение? Ничуть не бывало. Даже в условиях дефицита воды начальник разведки умудрился оборудовать парную в строительном вагончике. И комфортно, и при переезде удобно: подцепил баню к ЗИЛу и перетащил к новому месту дислокации. 19 февраля Дмитрий Никитович уезжал из Грозного после окончания первой командировки, а накануне по установленной им же традиции топил "дембельскую баню". Но, видать, на этот раз и он перестарался. Фанерная обшивка не выдержала жара, задымилась теплоизоляция между стенками, потушить которую так и не удалось. Последняя "дембельская парилка" не состоялась. Дмитрий Никитович уехал расстроенным.

Даже дома вместе с сослуживцами частенько организовывал паломничество в баню. Офицеры вспоминают, как однажды в очередной такой поход в их компанию напросился какой-то полковник. Чуханов все нагнетал в тесное пространство парилки горячий пар, до изнеможения стегал себя березовым веником, а полковник никак не хотел отставать от него. Но все видели, что давалось ему это нелегко.

— Пожалей, Дмитрий Никитович, ведь полковник как-никак. Да и возраст все-таки. Совсем уж запарил бедного.

— Ничего, — отвечал Чуханов. — Бубновый туз еще не козырь. Пусть покажет, на что способен.

Часто повторял эту поговорку. Человек проверяется в деле. Дмитрий Никитович и в подчинение к себе подбирал парней, с которыми можно пойти в разведку. А те, в свою очередь, скоро убеждались, насколько надежен и сам майор Чуханов. Таким он был до конца своей жизни.

Таким он и останется в памяти сослуживцев. Хотя воинская жизнь и выравнивает всех в шеренгах и по ранжиру, подводя к какому-то общему знаменателю, Дмитрий очень быстро и заметно вырос из этих рамок и выгодно отличался от других. Еще будучи командиром взвода, он уже был чуточку командиром роты, будучи командиром роты, уже был чуточку комбатом. Вроде незаметно, но, обладая

каким-то Божьим даром, становился центром всеобщего внимания, все безоговорочно признавали его порядочность, профессионализм, добросовестность — что, наверное, и составляло его авторитет. Чуханов не столько командовал людьми, сколько вел их за собой. Так случилось и в ту бакинскую командировку, после которой Дмитрий Никитович получил орден "За личное мужество".

В скупых строчках представления к награде записано: "Выполняя боевую задачу... при прорыве части из блокированного пункта временной дислокации проявил мужество и героизм". Детальными боевыми эпизодами дополняют очевидцы. Когда со стороны боевиков, блокирующих площадь, прозвучали первые выстрелы и экстремисты начали теснить группу военнослужащих, обеспечивающих выход основных сил части, Чуханов первым бросился им на помощь. С одним только пистолетом в кобуре — на огонь боевиков. За командиром, несмотря на выстрелы, устремились и подчиненные. Столь дерзкой выходы со стороны капитана с горсткой военнослужащих боевики не ожидали. И дрогнули, поспешно скрылись в толпу, не решаясь больше на провокации. Выход основных сил части был обеспечен.

Чуть позже, при передвижении пешей колонны солдат, Чуханов увидел, как с тыла на военнослужащих на огромной скорости мчались грузовик и автобус. Побежав навстречу, Дмитрий Никитович попытался остановить их. Но водители не сбавляли скорость, не охладили их пыл и предупредительные выстрелы. Когда до мчавшихся машин оставалось несколько десятков метров, Чуханов, рискуя быть раздавленным, упал на проезжую часть и меткими выстрелами из пистолета по колесам остановил машины буквально в нескольких сантиметрах от себя. Спасенные им военнослужащие не сразу и сообразили, что произошло. Попасть по колесам автомобиля ему, чемпиону внутренних войск по пулевой стрельбе из пистолета Макарова, наверное, не составляло труда, а вот броситься безоружным под пули или лечь под колеса мчащегося грузовика — это уже поступок. Поступок человека, рискующего собственной жизнью ради спасения подчиненных. После возвращения из этой командировки офицеры заговорили о Чуханове с особым уважением. Но он оставался таким же простым и

743

скромным, не любил, когда о нем рассказывают легенды.

— Он что, действительно был таким до бесшабашности смелым и отчаянным? — спрашиваю у его бывшего подчиненного капитана Сергея Ткаченко.

— Если тебе уже тридцать пять, а дома трое детей, — задумчиво ответил тот, — бесшабашности и юношеского максимализма уже не остается. Когда я узнал, что погиб Чуханов, я не мог в это поверить. Он никогда не лез на рожон, всегда был рассудительным, принимал взвешенные решения. Но вот когда складывалась критическая ситуация, когда нужно было действовать смело и решительно, хладнокровия и отваги ему было не занимать. Оттого и другие рядом с ним чувствовали себя уверенно и надежно.

Оттого, наверное, и сержант Сухинин не уехал с матерью из Грозного, а остался вместе со всеми. А капитан Ткаченко сказал, что с Чухановым он занимался действительно настоящим мужским делом. Все, кто его знал, на вопрос: "Каким был Чуханов?", отвечали: "Он был Мужчиной".

Почти год войны набегал на личном календаре майора. Первый раз он выехал в горячую командировку в сентябре 89-го, последний — в мае 95-го. Год — это только официально зафиксированные в личном деле дни, проведенные в условиях режима ЧП. А сколько было других командировок, сопряженных с реальным риском для жизни. Еще задолго до чеченского пожара, когда приграничные земли уже терзали банды, освобожденные от закона и совести дудаевским режимом, — командировка в Дагестан. В составе резерва МВД Дагестана десятки раз выезжали для тушения вспыхивающих очагов противостояния на национальной почве. В горном селении Агвали крестьяне стали делить пастбище. Вражда между родами дошла до того, что съехались родственники со всей России. На иномарках, с обрезками и автоматами — они пошли стенка на стенку. Для разрешения этого конфликта туда на вертолете была выброшена группа в составе двух офицеров и трех солдат во главе с майором Чухановым. И встали они буфером между двумя воинственно настроенными группами. Несколько дней дипломатических усилий понадобилось Дмитрию Никитовичу, чтобы противостоящие стороны отказались от своей затеи разрешить спор при помощи оружия.

ПОСЛЕДНИЙ СБОР

Невыносимо тяжело хоронить близких людей. В погожий весенний день, когда все вокруг возвращается к жизни, приходится думать о смерти. Начальник разведки полка майор Дмитрий Чуханов в последний раз собрал своих друзей. Не только те офицеры, которые нынче в строю, отдали последние почести, но и все, кто когда-либо служил с Дмитрием Никитовичем. Из госпиталя пришли выздоравливающие, получившие ранения на той войне. Теревит пустой рукав рубашки рядовой Евгений Горбунов, потерявший руку под Хасавюртом. Еле переставляет обгоревшие ноги начальник штаба полка подполковник Владимир Токарев. Медленно, медленно движется цепочка военнослужащих в холле Дома офицеров вдоль застывших в последнем строю воинов ОДОНа. Взгляд невольно останавливается на сбившихся кучкой ребятишках, мал мала меньше. Саше, старшему сыну Чуханова, еще не исполнилось и одиннадцати, младшему, Кириллу, — чуть больше пяти. Дочь Светлана средняя. Господи, сделай так, чтобы не становились сиротами дети наших товарищей. Воинский долг Дмитрий выполнил до конца. А отцовский?

Без малого полтора десятка лет семья офицера ютилась в однокомнатной квартире. Слава Богу, год назад получили просторную, светлую, трехкомнатную. Ирина Львовна, вдова, согласна бросить ее, вернуться обратно в однокомнатную, в счастливую семейную жизнь. Но, увы, не вернуть время вспять.

Траурная медь рвет сердце на части.

— Посмотри, посмотри сюда, там папа. Не будет у нас больше папы, — бесслезно стонет бабушка, пытаюсь наклонить голову несмышлениша к крохотному окошку в цинковом гробу. А оно, это стеклышко, словно залитое слезами, навечно запрятало родное лицо. И слезами наполняются глаза Кирилки. Стоит он, мужичок, ростом чуть выше папиной могилки и понять не может: все плакали, плакали, и вдруг замолчали. Стоят и не уходят от небольшого холмика, засыпанного цветами...

Майор И. МУЧАК.

Грозный — Москва.

Из кавказского блокнота

БРОСОК НА АРГУН

Звездная ночь перед этой операцией из-за раннего подъема выдалась короткой. Солнце еще только начинало вступать в свои права, а личный состав уже занимал места на боевых машинах. Под аккомпанемент монотонно работающих двигателей командиры подразделений отдавали указания, выстраивая технику в колонну. Команда "Вперед!" — и боевые машины, разорвав-вспушив колесами и траками толстое пыльное одеяло, помчались по безлюдным улицам чеченской столицы. Миновали лежащие в руинах кварталы, колонна свернула на нежно-зеленый ковер травы. Оперативной части внутренних войск предстоял путь до Аргуна.

Вынырнув из плотного тумана, осевшего в низине сразу за поселком Комсомольский — словно границу пересекли. Позади осталась относительно мирная территория, освобожденная от боевиков, впереди... Раздетые по пояс десантники в полный рост вставляли в своих окопах и сопровождали взвзшую колонну сочувствующими взглядами: "Ни пуха вам, братаны". Они несколько дней вели ожесточенные бои за подступы к Аргуну, преодолевая ожесточенное сопротивление дудаевцев.

Свою задачу выполнили, кольцо вокруг города сомкнули. Настал черед действовать нам: "К черту".

Миновали карьер и узкую ленту речушки, часть вышла в заданный район. С металлическим лягом и натужным рычанием приданные танки заняли огневые позиции и начали обстреливать засеченные огневые точки и места скопления боевиков в городе и примыкающей к нему промзоне. Отбабахав, приземистые Т-72 смело вышли на равнину, увлекая за собой остальную технику, группирующуюся в несколько колонн. У края яблоневого сада, который скоро выполз навстречу, стальные громадины остановились, по законам войсковой тактики предоставляя право первого шага саперам и разведчикам. Так и продвигались, медленно прощупывая местность. Что так же беспрепятственно можно будет пройти весь город, не надеялись. По данным разведки, здесь было сосредоточено крупное формирование бандитов. И кроме того — ремзавод, на котором восстанавливали поврежденную бронетехнику. Вот она, промзона, рукой подать. Поступила команда: всем подразделениям прекратить движение.

Операцию по освобождению Аргуна от незаконных вооруженных формирований планировалось провести в несколько этапов. На каждый день назначался очередной рубеж, который необходимо было занять до наступления темноты. Задачу первого дня часть выполнила. Однако в запахе оставалось еще часов шесть светлого времени. Среди бойцов нет-нет да и звучал вопрос: "Чего встали?". Наверное, над этим ломали головы и командиры: оставаться на месте или выйти на рубеж второго дня? В ожидании команды на дальнейшее наступление солдаты и офицеры достали коробки с бундесверовским сухпаем. Поначалу ели молча. На голодный желудок не очень-то хочется философствовать. Чуть подкрепившись, самые дошлые стали рассматривать консервные банки, а острословы не преминули завернуть что-то вроде того, что нас начинает подкармливать недавний вероятный противник.

— Что-то я не пойму, — включился в разговор боец, скрябая ложкой по пустому донышку консервной жестянки. — Ты возражаешь против этого или обижаешься, что мало присылают?

— Я, вообще-то, не против, пусть присылают, — не сдавался тот. — Но ты на дату выработки глянь. Сами жрать они вряд ли решились бы, на помойку выбросить вроде жалко. Вот и спихнули нам. В газетах небось тоже читали, что в таких условиях может выжить только российский солдат, значит, думают, и это сожрет. А, может, какие опыты на выживание над нами проводят. Нам сейчас все ненужное спихивают. И добро не пропало, и перед международной общественностью нарисовались.

— Может, ты и патриот "завтрака туриста", — облизнул ложку его оппонент, — лично я не против. Пусть надо мной экспериментируют. Когда шумиха вокруг войны была, так и снабжали получше. А что сейчас? Гречка у меня уже не только в желудке, в печенках сидит.

— У вас хоть готовят хорошо, — невесело улыбнулся капитан, старший приданного подразделения химиков-огнеметчиков. — У нас же в части навалит котелок "парашки", и будь здоров. Хоть сам ешь, хоть бродячим шавкам выбрось.

Матерные слова капитана в адрес тылов утонули в раскатном грохоте выстрела танка, на который как эхо сухощавым буханьем сразу же отозвался КПВТ головно-

го бронетранспортера. Начавшийся очередной обстрел пригорода всех утвердил в догадках, что в этот день наступление будет продолжено.

После команды боевые машины на высокой скорости преодолели открытый участок местности между садом и промзоной и остановились только возле крайних построек. Штурмующие подразделения спешились. Группы, используя складки местности и укрываясь за зданиями, стали просачиваться в промзону.

С Богом, ребята!

Время на командном пункте полка тянется долго. Все молчат, напряженно вслушиваются в тишину и нервно поглядывают на онемевшие радиостанции. Вдруг командирская оживает, старший одного из подразделений докладывает, что на территории завода обнаружена ремонтная база боевиков. Люди покинули ее буквально несколько минут назад. Разогретая на ужин каша еще не успела остыть.

Данные разведки подтверждались. Но противник все уклонялся от открытой схватки. Возможно, бандиты готовили "сюрпризы" непосредственно в городе, хитрили, заманивая в ловушку.

На ночьле расположились на территории одного из предприятий. Волчьи повадки дудаевцев известны: действовать под покровом ночи и небольшими группами. Вот и предстояло командирам организовать круговую оборону и охрану места дислокации части.

К счастью, ночью обошлось без ЧП. "Чуть утро осветило пушки", проснувшиеся бойцы выбрались из облюбованных ночлежек: бэтээров, кунгов, кузовов и кабин автомашин. Танкисты ночевали в спальниках прямо на броне своих машин. Протирая глаза и жмурясь от яркого утреннего солнца, солдаты и офицеры с зубными щетками и мылом спешили к бочке с прогорклой грозненской водой. Помнят, оказывается, и на войне, что после еды во рту нарушается кислотно-щелочной баланс. Но, к большому сожалению, тем, у кого нет под рукой зубной щетки или бочки с водой, "Орбит" без сахара еще более недоступен.

После недолгого утреннего моциона части, вопреки ожиданиям всего личного состава, не представилась возможность и дальше развивать наступление в своем

345

секторе. Оказывается, соседи слева не вышлри к намеченному рубежу, во время обстрелов были ранены несколько человек. По распоряжению вышестоящего начальника полку предстояло сначала выполнить их задачу, а уж потом вернуться в свой сектор.

Следующий пункт, который заняла часть, был совхоз "Южный". И здесь кварталы стояли пустые, безжизненные. Лишь несколько женщин и стариков вышли на встречу войскам. Они-то и поведали служивым, что за две недели до штурма Аргун посетил лично генерал-президент Дудаев. Смысл его речи перед горожанами не трудно угадать. "Придут русские, — говорил он, — станут грабить, убивать, насиловать". К сожалению, многие поверили, собрали скарб, ценные вещи и спешно уехали. Похоже, бандитам только этого и требовалось. Последние несколько дней в городе и совхозе хозяйничали они: ходили по дворам, забирали что плохо лежит, стреляли кур.

Ничто так не изматывает — и физически, и психологически — как неизвестность. Ожидание, что дома, расположенные на твоем пути, вот-вот оживут и встретят тебя смертоносным свинцом, — это топка, сжигающая тысячи нервных клеток.

Но самый опасный для солдата момент наступает позже. Спасаясь от перегрузки, сознание старается скинуть оковы напряжения, и как червоточинка появляется мысль о том, что опасность уже позади. Именно в такие минуты притупляется инстинкт самосохранения, и боец начинает совершать ошибку за ошибкой: выходить на открытую местность, подниматься в полный рост, в полглаза осматривать окрестности. Плата за психологическую слабость может быть очень высокой — жизнь.

В Н-ской части просчетов старались не допускать. Впереди штурмовой группы, с которой шел я, уверенно, слаженно действовали разведчики: прапорщик Геннадий Романов, ефрейтор Александр Чечулин, сержант Андрей Волгудский. Четкая спайка, один прикрывает другого, никаких лишних движений, никакого бездумного ухарства.

Сопrotивления по-прежнему не было, но БТРы продолжали опасливо вертеть башнями, готовые в любую минуту ответить на огонь боевиков. Чтобы исключить возможность удара с тыла, солдаты со-

вместно с бойцами ОМОНа осматривали каждый дом, каждую постройку, встречающуюся на пути. Если какие-то двери оказывались запертыми, приходилось применять универсальную отмычку для всех замков — автоматную очередь.

— Посмотри, с кем воюем, корреспондент. — Прапорщик Сергей Сучков протянул мне фотографию.

На полароидном снимке красовались четверо улыбающихся чеченцев. Одеты в цивильное, на плече одного — ПК, на поясе висит солидных размеров кинжал, под мышкой у другого — автомат со связкой магазинов, еще у двоих — по гранате в каждой руке.

Прочесав паутину улиц, подразделения вышли на рубеж пятого дня. Теперь было ясно: боевики спешно бежали из города, оставив четыре склада с боеприпасами, импровизированный госпиталь в подвале одной из школ, где валялись окропленные свежей кровью бинты и санитарные носилки. Бежали, даже не успев наткнуть своих излюбленных ловушек — растяжек. Так что саперам довольно легко удалось обезопасить тонны мин, выстрелов к РПГ, снарядов и других боеприпасов.

Операция завершилась. Солдаты и офицеры смело шли вперед и были уверены, что, если случится бой, он будет жарким и наверняка для кого-то последним. Не они, спасая шкуры, отступали без схватки, не они, а их противник не решился бороться за город. Но это не умаляет солдатской доблести и ратных заслуг.

Когда военнослужащие Н-ской части внутренних войск организовывали оборону занятого города, опорные пункты облетела весть: боевикам не удалось уйти тихо-мирно. Отступая, их нестройные боевые порядки попытались прорвать внешнее кольцо окружения. Бой приняли десантники.

— Дудаевцы разбиты, но у братьев по оружию есть потери. Погибли четыре человека, — закончил рассказ офицер, организовывающий взаимодействие с армейцами.

— Пусть им земля будет пухом, — пробашили в ответ хриплые голоса...

Лейтенант А. ИСТОМИН.

Грозный — Аргун.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

В последний день июля, в четыре часа утра, в здании миссии ОБСЕ в Грозном представители России и Чечни подписали Соглашение о прекращении огня и ведении боевых действий, расформировании НВФ и поэтапном выводе федеральных войск. За полгода проведения Вооруженными Силами и внутренними войсками МВД Российской Федерации специальной операции по восстановлению конституционного строя в Чеченской Республике впервые появилась реальная перспектива мирного урегулирования конфликта.

Однако уже **1 августа** надежды на скорое окончание войны в Чечне рухнули. В течение суток отдельные группы боевиков, не желающие сложить оружие, более тридцати раз обстреливали пункты временной дислокации и позиции федеральных войск. Таким образом Джохар Дудаев и его вооруженные сторонники дали понять, что они делают ставку на конфронтацию и продолжение ведения боевых действий.

"Непримиримые" не прекращают оказывать психологическое давление на военнослужащих внутренних войск и мирное население. На митингах в населенных пунктах Гудермес, Новогрозненский, Джалка, Шали, Аргун постоянно звучат требования о выводе федеральных войск и предоставлении Чеченской Республике независимости.

Боевики предпринимают активные действия по внедрению своих людей в создаваемые отряды самообороны.

2 августа на командном пункте группировки внутренних войск состоялось совещание командиров тактических групп и воинских частей по вопросу реализации Соглашения и о порядке сдачи боевиками вооружения и боевой техники.

Начальником штаба НВФ А. Масхадовым подписан приказ о прекращении боевых действий с 0 часов 2 августа.

Вместе с тем командованием НВФ дано указание отрядам "непримиримых" не пропускать части и подразделения внутренних войск, прибывающие в Чечню для замены. Боевикам рекомендовано устраи-

вать на дорогах засады, блокировать колонны женщинами и детьми.

В течение дня 23 раза были обстреляны позиции и блокпосты внутренних войск, 19 раз открывался огонь в Грозном. Во время одного из таких обстрелов был смертельно ранен рядовой **Игорь ЯСИНОВСКИЙ**. Впервые прозвучали выстрелы в г. Аргун, где боевики обстреляли из подствольных гранатометов комендатуру.

3 августа в н.п. Ассиновская состоялся поминально-примиренческий митинг, на который были приглашены представители зарубежных средств массовой информации, администрации района, духовенства, командования тактической группы внутренних войск.

Свои митинги проводили и сторонники Джохара Дудаева. Антироссийские лозунги звучали в населенных пунктах Аргун, Гудермес, Алхан-Юрт, Шелковская.

Боевиками активно используется тактика проникновения в населенные пункты Чечни с целью создания отрядов самообороны до начала реализации Соглашения по блоку военных вопросов.

5 августа продолжалась работа по разъяснению гражданам Чеченской Республики документов совместной наблюдательной комиссии о порядке добровольной сдачи оружия НВФ, ополченцами и частными лицами и выводе федеральных войск. С этой целью офицеры по работе с личным составом организовали встречи с администрацией и жителями населенных пунктов Ножай-Юртовского района, распространение документов совместной наблюдательной комиссии (СНК), в том числе и с использованием звуковещательной установки.

Часть отрядов НВФ, заявив о своем неподчинении А. Масхадову, в нарушение условий заключенного Соглашения по блоку военных вопросов не выполняют приказ о прекращении боевых действий. Более 20 раз они подвергали огневому воздействию пункты временной дислокации, позиции и блокпосты внутренних войск.

6 августа части и подразделения внутренних войск во взаимодействии с

ОМОНОм и СОБРом МВД России выполняли поставленные задачи по охране и обороне объектов, сопровождению автомобильных колонн, проводили разведывательно-поисковые мероприятия, совершенствовали инженерное оборудование позиций и объектов, системе огня, несли патрульно-постовую и комендантскую службу.

Отмечена значительная концентрация боевиков в Сунженском районе, в частности в населенных пунктах Серноводск, Нестеровская, Ассиновская, Слепцовская.

Во время обстрела боевиками позиций одной из частей наших войск погиб **младший сержант Альберт КУЛИК**.

8 августа в Грозном состоялись консультации рабочих групп российской и чеченской делегаций по подготовке Соглашения по политическому урегулированию. Однако практическая реализация договоренностей по военному блоку вопросов фактически не начата. Определенные трудности возникли в согласовании механизма сдачи оружия, а также в вопросах обмена военнопленными и насильно удерживаемыми лицами.

В Шали состоялась встреча членов СНК с администрацией района. Конкретных результатов в вопросе о сдаче боевиками оружия переговоры не дали.

При обстреле боевиками одного из блокпостов внутренних войск погиб **рядовой Алексей КРЫЛОВ**. В госпитале от полученных ранений скончался **младший сержант Михаил ИВКО**.

9 августа в ходе продолжающихся в Грозном переговоров по блоку политических вопросов командованием объединенной группировки федеральных войск был сделано официальное заявление о том, что российская делегация располагает достоверными данными о готовящейся боевиками крупномасштабной провокации против федеральных войск. Командующим объединенной группировкой федеральных войск было отвергнуто предложение чеченской стороны о немедленном обмене пленными по принципу "всех на всех", поскольку чеченская делегация представила список лишь семи российских военнослужащих и реальной работы по представлению полных данных о количестве и местонахождении пленных не проводит.

Указом Д. Дудаева "определен" порядок сдачи НВФ оружия, который полностью противоречит требованиям достигнутых в ходе переговоров соглашений.

На совещании в с.п.Рошни-Чу некоторые полевые командиры НВФ заявили о необходимости прекращения переговоров в Грозном и продолжении ведения

боевых действий против федеральных войск.

Продолжается прибытие вооруженных боевиков в Грозный и другие населенные пункты равнинной части Чеченской Республики: Аргун, Шали, Ачхой-Мартан, Курчалой и Майртуп. Они организуют митинги, провокации против федеральных войск и мирного населения, предпринимают попытки замены существующей администрации на продудаевскую.

Отмечена значительная концентрация боевиков в населенных пунктах Ведено, Махкеты, Гуни, Первомайское. Это создает угрозу нападения на колонны федеральных войск во время их вывода, а также блокирования частей и подразделений в предгорных и горных районах Чечни.

В результате подрыва БТРа на mine погибли **старший лейтенант Альберт ЛИСИН** и **рядовой Сергей ШМАКОВ**.

10 августа основные усилия частей и подразделений наших войск были сосредоточены на подготовке к отражению вооруженного нападения на занимаемые позиции и охраняемые объекты, ведении активной разведки и обеспечении общественного порядка в Грозном.

Командование объединенной группировки федеральных войск заявило официальный протест по поводу срыва выполнения чеченской стороной достигнутых в ходе переговоров соглашений по блоку военных вопросов.

11 августа в населенных пунктах Новогрозненский и Герзель-Аул состоялись продудаевские митинги. Их участники высказывали угрозы в адрес русскоязычного населения и чеченской оппозиции.

В населенных пунктах Серноводск и Ассиновская местные жители, обеспокоенные угрозой возможной расправы со стороны боевиков, предлагают создать отряды самообороны без консультаций с членами СНК района.

За истекшие сутки позиции и блокпосты внутренних войск были обстреляны 13 раз. **Ранено десять военнослужащих.**

12 августа в здании миссии ОБСЕ в Грозном продолжились переговоры. Командование объединенной группировки федеральных войск заявило, что используемая чеченской стороной тактика затягивания переговоров под видом решения "спорных" вопросов свидетельствует о стремлении сорвать реализацию Соглашения и затормозить работу СНК. Чеченской делегацией не представлены списки незаконно удерживаемых лиц, карты минных полей и не указано количество находящегося на руках у боевиков оружия.

Во время одного из двадцати двух обстрелов, которым боевики подвергли по-

зиции наших войск, погиб рядовой Александр ГЛАЗЫРИН.

13 августа. Продолжается развал правоохранительных органов Чеченской Республики. В населенных пунктах Шали, Дарго, Самашки, в некоторых селах Урус-Мартановского и Ачхой-Мартановского районов боевики демонстративно захватили власть в свои руки. Бездеятельность чеченских правоохранительных органов привела к тому, что боевики беспрепятственно передвигаются с оружием по всем населенным пунктам республики.

На собрании старейшин Надтеречного района была принята резолюция, основные требования которой: создание в районе зоны мира, запрещение въезда на территорию района А. Масхадова и других лидеров дудаевского режима, запрещение проведения митингов, прекращение сдачи оружия оппозицией до полного разоружения НВФ, организация совместных с федеральными войсками блокпостов, проведение в ближайшее время выборов в представительные и исполнительные органы власти Надтеречного района.

В населенных пунктах Зондак-ара, Хочи-ара, Гундерген, Беной, Ведено состоялись сходы местных жителей, на которых избраны представители в отряды самообороны. Все они — из числа боевиков.

14 августа в Грозном состоялась встреча сопредседателей СНК. Обсуждался предложенный российской стороной план реализации Соглашения по мирному урегулированию ситуации в Чеченской Республике (по блоку военных вопросов). А. Масхадов отказался подписать план, не согласившись с предложенным в нем вариантом о власти в населенных пунктах Чеченской Республики.

Боевики открыто высказывают свое намерение захватить в ближайшее время Грозный. В городе концентрируется значительное количество боевиков, которые в ожидании условного сигнала о начале активных действий ведут разведку мест дислокации войск, органов территориального управления и милиции.

Мэр Грозного Б. Гантемиров ввел в город своих вооруженных сторонников — около 500 человек из Урус-Мартановского района.

Серноводск фактически превращен боевиками западной группировки в базовый район НВФ, где созданы запасы продовольствия, оружия и боеприпасов, а также условия для обучения и отдыха.

16 августа комендатуры Ленинского, Старопромысловского, Заводского, Октябрьского районов Грозного, городов Аргун, Гудермес и Шали во взаимодействии со специальными моторизованными

воинскими частями, СОБРОм и ОМОНОм выполняли задачи комендантской службы, осуществляли прием населения, разминирование объектов, вели патрулирование и специальные мероприятия по выявлению и изъятию оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. В течение суток комендатуры и блокпосты наших войск были обстреляны боевиками более 20 раз.

17 августа на переговорах в Грозном сопредседатели СНК пришли к соглашению о практической работе по разоружению НВФ в населенных пунктах, где полковые командиры боевиков отказываются сдавать оружие.

18 августа в Грозном состоялась встреча сопредседателей СНК, посвященная проблеме взаимного обмена незаконно удерживаемыми лицами. Позиции сторон остались прежними: обмен производить по принципу "всех на всех" после выяснения судьбы каждого пленного.

В Ножай-Юртовском районе уничтожено оружие, сданное боевиками, выкупленное у частных лиц и захваченное военнослужащими федеральных войск в ходе боевых действий.

За истекшие сутки позиции федеральных войск были обстреляны боевиками 22 раза. Командующий объединенной группировкой федеральных войск генерал-лейтенант А. Романов в жесткой форме потребовал от начальника штаба НВФ А. Масхадова прекратить обстрелы федеральных войск.

20-30 августа. В последние дни месяца боевики активизировали свои действия. Увеличилось количество обстрелов позиций и блокпостов федеральных войск.

Едва не привел к срыву переговоров по мирному урегулированию в Грозном вооруженный налет банды "дудаевского коменданта" Алауди Хамзатова на Аргун. Но в результате проведенной внутренними войсками МВД России специальной операции попытка неудачливых последователей Басаева захватить этот пригород Грозного была решительно пресечена.

Во время обстрелов боевиками позиций и блокпостов войск погибли младший сержант Константин КАРЦЕВ, рядовые Алексей ЕРЕМИН, Сергей ЛИСОВ и Юрий КУЗНЕЦОВ.

На 28 августа в Чечне внутренние войска потеряли 317 человек убитыми и 1595 ранеными.

Подборку подготовил
подполковник С. КОЛЕСНИК.

К 50-летию разгрома
милитаристской Японии

Войска НКВД против самураев

С разгромом гитлеровских полчищ и капитуляцией фашистской Германии в мае 1945 года вторая мировая не закончилась. Продолжались боевые операции наших союзников — США и Англии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Планета, измученная многолетней бойней, жаждала мира. Верное обязательство, данным на Ялтинской конференции руководителей трех великих держав, Советское правительство 8 августа 1945 года объявило войну Японии.

Для скорейшего окончания военной кампании Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР сосредоточила в Забайкалье и на Дальнем Востоке мощную войсковую группировку. Она усиливалась освободившимися на советско-германском фронте войсками: 403 тысячи человек личного состава, 2119 танков и САУ, 7137 орудий и минометов, включая более 600 "катюш". В том, что перевозки такого огромного количества войск и вооружения были осуществлены в намеченные сроки и без потерь, есть заслуга, и немалая, частей внутренних войск по охране железных дорог. Достаточно сказать, что в 1945 году все стальные магистрали Дальнего Востока обеспечивались войсковой охраной.

Замысел советского командования предусматривал стремительное наступление войск Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов в Маньчжурии по сходящимся в ее центре направлениям. Основные удары планировалось нанести с территории Монгольской Народной

Республики на восток и из Приморья на запад с целью окружить главную группировку войск Квантунской армии, рассеять ее и последовательно уничтожить по частям. Намечалось также проведение Южно-Сахалинской и Курильской военных операций.

Наступление Красной Армии началось в ночь на 9 августа 1945 года. Ни упорное сопротивление противника, ни горные хребты, ни проливные дожди не смогли остановить стремительного продвижения наших войск.

Охрана тылов фронтов поручалась внутренним войскам. Для этой цели было создано три оперативных группы войск НКВД. Тыл Забайкальского фронта обеспечивала группа генерал-майора Павлова, 1-го Дальневосточного — полковника Казака, 2-го Дальневосточного — генерал-майора Абизова. Общее руководство действиями внутренних войск на Дальнем Востоке осуществлял начальник Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии генерал-лейтенант Горбатов.

На Дальний Восток заблаговременно, наряду с частями и соединениями Красной Армии, была переброшена 3-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД, ранее дислоцированная в Средней Азии. Части этого соединения также обеспечивали безопасность тыла 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов.

А обстановка в тылу наступающих советских армий была весьма сложной. Недобитые группы из разгромленных японских соединений, подчас довольно многочисленные, укрывались в лесах и горах, совершали налеты на колонны войск, склады. В докладе начальника оперативной группы войск НКВД по охране тыла фронтов при Главкоме советских войск на Дальнем Востоке генерал-майо-

ра Павлова о результатах боевой и оперативно-служебной деятельности приводится такой факт. 15 августа 1945 года группа японских солдат атаковала дивизионный госпиталь 2-й Краснознаменной армии. Самураи, пользуясь внезапностью, зверски вырезали около половины личного состава сотрудников медучреждения и раненых...

Вот с такими диверсионными формированиями, сопротивляющимися подразделениями противника приходилось вести борьбу на территории Маньчжурии внутренним войскам. Примеров их успешных боевых действий немало. Вот некоторые из них, зафиксированные строгим языком архивных документов.

В ожесточенный бой с противником вступил 2-й батальон 289-го полка внутренних войск НКВД северо-западнее населенного пункта Тяньюань. Воины вели разведку, прочесывание местности и неожиданно столкнулись с японским отрядом в несколько сот человек. Противник имел численное преимущество в живой силе и вооружении. Однако чекисты не дрогнули. В ходе многочасового боя они уничтожили до 300 самураев, оставшиеся в живых бежали в горы. Были взяты значительные трофеи. Батальон же потерял 7 человек убитыми и 4 ранеными.

2-й батальон 44-го стрелкового полка войск НКВД во главе с подполковником Сергутиным и майором Еремеевым за пять дней августа 1945 года ликвидировал в райо-

На снимке: через Большой Хинган.

Фото из фондов Центрального музея внутренних войск МВД России.

не Сяохе три группы японских солдат и офицеров численностью 160 человек, которые все были пленены.

3-й батальон 26-го полка войск НКВД под командованием старшего лейтенанта Багадистого в период с 5 по 9 сентября северо-западнее городка Муданьцзян ликвидировал три группы японцев общей численностью 550 человек, из них убито — 152, взято в плен — 398.

8-й роте 289-го полка была поставлена задача по ликвидации вражеского гарнизона, засевшего в укрепленном районе. Неожиданно воинов, шедших в атаку, встретил кинжальный огонь японского дзота. Старшина Ческидов не растерялся. Скрытно приблизившись к огневой точке, он меткими выстрелами подавил ее и поднял своих боевых товарищей в атаку... "Будучи тяжело раненным, — доносил о подвиге мужественного старшины командир 3-й стрелковой дивизии внутренних войск полковник Казак, — Ческидов продолжал командовать группой. Бойцы в рукопашной схватке уничтожили вражеский гарнизон... От ран Ческидов скончался". По ходатайству командования геройский старшина был представлен к высокой государственной награде посмертно.

Подразделениям войск НКВД приходилось вести борьбу и с многочисленными бандами хунгузов (шайки бандитов, занимавшиеся на территории Маньчжурии грабежами и разбоем). Стычки с ними порой носили весьма и весьма ожесточенный характер.

Непосредственное участие в боевых действиях и обеспечении успешных операций Красной Армии принимали многие части войск НКВД по охране железных дорог, в частности, 27-й, 29-й дивизий, 32-й бригады, 33-й горно-стрелковой бригады. Так, бойцы гарнизонов 107-го полка 27-й дивизии, охранявшие мосты через реки Иман и Вака, с 9 по 12 августа несли службу под сильным артиллерийским огнем противника и совместно с железнодорожниками обеспечили бесперебойные перевозки войск, военной техники и народнохозяйственных грузов по Дальневосточной магистрали. За проявленные стойкость, отвагу и мужество Главком советских войск на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А.В.Василевский своим приказом поощрил личный состав этих гарнизонов.

Высокую оценку получили и многие другие части и подразделения внутренних войск, способствовавшие успешному разгрому ударной силы японского милитаризма — Квантунской армии.

Японское правительство 14 августа вынесло решение о капитуляции. Но Квантунская армия отказалась сложить оружие. Сражения на фронтах продолжались с прежним размахом. И только 19 августа японское командование отдало приказ о прекращении военных действий.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора "Миссури" в Токийском заливе состоялась подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии, что означало конец второй мировой войны.

В ознаменование этого исторического события была учреждена медаль "За победу над Японией". Более 220 отличившихся соединений и частей получили почетные наименования Хинганских, Амурских, Уссурийских, Сахалинских и т.д. Свыше 300 соединений, частей и кораблей были удостоены орденов.

Некоторые из этих соединений и частей по решению правительства в сентябре 1945 года передавались в войска НКВД. Им поручалась охрана лагерей японских военнопленных.

Всего в войска было передано 5 дивизий, что составило около 20 полков. Среди них оказались управление 192-й Оршанско-Хинганской Краснознаменной стрелковой дивизии и 427-й Минский орденов Кутузова и Александра Невского полк. Они были переименованы соответственно в 76-ю Оршанско-Хинганскую Краснознаменную дивизию конвойных войск НКВД и 432-й Минский орденов Кутузова и Александра Невского полк конвойных войск НКВД. Впоследствии традиции этого соединения и части перешли к 36-й дивизии и 236-му полку конвойных войск. Ныне носителем славных традиций 192-й стрелковой дивизии является Московский Оршанско-Хинганский Краснознаменный округ внутренних войск МВД России.

Подполковник Н.СЫСОЕВ,
заместитель начальника
Центрального музея внутренних
войск МВД России,

полковник в отставке В.ЕЛАГИН,
старший научный сотрудник.

Капитан А.МАКАРОВ.
Фото И.АКИМОВА.

Жизнь маленьких поселков, отдаленных от хлопотных, суетных, а ныне порой и пугающих примет "расейской" цивилизации, до монотонности размеренна и нетороплива. Особый ритм — в чем и колорит, и экзотика, и провинциальность. Только когда добегает сюда, до своей конечной остановки, редкая электричка из города, появляются на перроне местного "вокзала" люди, неспешно расходясь по облепившим станцию, словно пчелы улей, домикам — и снова тишина. День в этих краях кончается рано, и как только сгущаются сумерки, загораются в поселке лишь прожектора на вышках двух колоний усиленного режима, которые пока еще охраняют внутренние войска, и тусклый свет в оконцах. По улицам шибко не разгуляешься. Да и некуда, в общем-то, податься. Но соседство с зонами не страшит коренных жителей — привыкли. Человек ко всему привыкает — и к хорошему, и к плохому. К тому же здесь, в глубинке, ИТК — наверно, последние стабильно и относительно бесперебойно работающие учреждения, где можно заработать на кусок хлеба. И потому, облачившись ранним-ранним утром ("ох, рано встает охрана!") в форму цвета хаки, многие спешат в подразделение и в колонию так же буднично, как в больших городах торопятся на заводы и фабрики (а в последнее время — в офисы и банки).

Вот идет прапорщик Игорь Макухин, мужчина серьезный, степенный, уважаемый. Сегодня, как, впрочем, и всегда, его у порога проводили на службу жена и две дочки. После смены — непременно встретят, так уж повелось с первого дня: добрая семейная традиция, которую не сломали ни застойные процессы, ни свежие ветры перестроечных перемен, ни попытки построить социалистический капитализм в каждом, отдельно взятом подворье. Но это вечером, а днем... Днем под контролем Игоря Макухина сотни осужденных, и за каждым — глаз да глаз нужен. Или как там писали в былые времена на мобилизующих плакатах: "Не доглядишь оком — заплатишь боком". Чисто зоновский бартер — все натурой. Хотя...

— Что бы там ни судачили по углам и в газетах, — признается прапорщик, — а колония — место культурное. В городе крутого беспредела и откровенного хамства куда больше, нежели за колючей проволокой.

Дожили. Можем себя поздравить. Или же опять привычка срывается? Ведь к глубинке Макухин начал привыкать еще на срочной, когда служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Громкая вывеска, а, по сути, лес без конца и без края и единственная примечательность — гордо вздернутый нос ракеты в шахте...

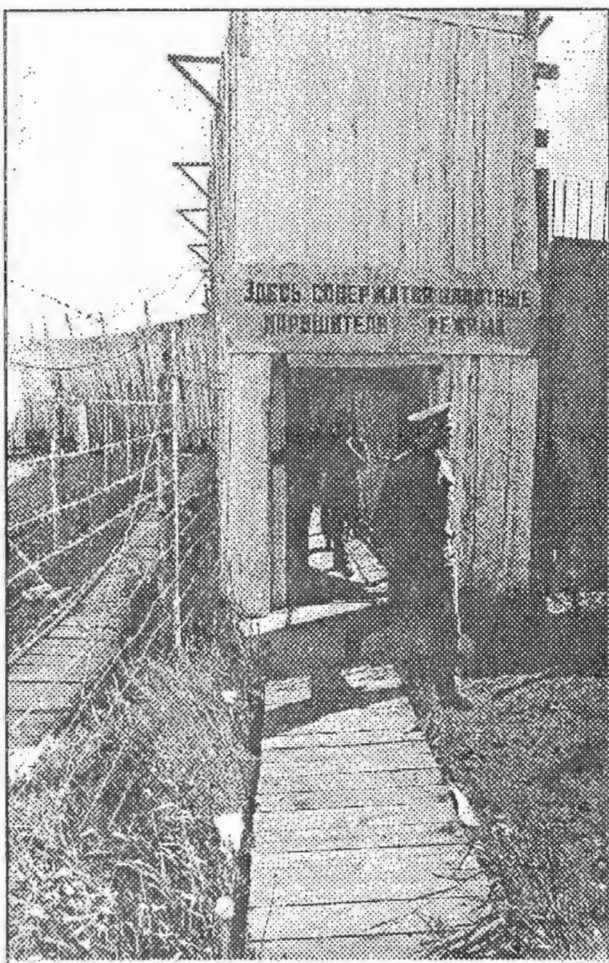
Следом той же тропкой шагает на службу прапорщик Александр Гонцов. И не потому, что все дороги ведут в... колонию, а просто живет он неподалеку от Макухиных. (Впрочем, в поселке трудно не быть соседями: на одной окраине чихнешь — с другой доброго здоровья пожелают). Не торопится. За пятнадцать лет службы путь до ИТК выверил до минуты. Даже точнее. А в карауле Александр первый человек — начальник. Хотя на службе, наверно, последних нет: уберет кто-либо свое плечо из-под общей ноши — остальным тяжелее станет, а то и вовсе завалить дело можно. И все же, как ни крути, должность особая. По-своему — командная. И поэтому совсем не с легким сердцем расстается (осталось несколько месяцев, не больше) прапорщик с внутренними войсками — столько связано с ними. В основном хорошего. Конечно же, волнуется, как судьба сложится в будущем, как дело пойдет. Не зря же говорят: не послужишь — не узнаешь. Могут быть и проблемы...

Зато ефрейтор Алексей Аполосов ни о чем подобном не думал. Когда тебе девятнадцать, все вокруг просто и ясно и для тягостных мыслей в голове места нет. А коли уж появляются, то опять же ненадолго. Да и что горевать, если впрямь повезло нешуточно: срочную службу довелось в часе езды от родного дома. Более того — даже подчиненная есть, которая за тебя в огонь и в воду. Поведать об этом, правда, она не может, но хвостом в знак согласия повилиает элементарно. По бумагам Лона — немецкая овчарка. Хотя насчет ее чисто арийского происхождения есть большущие сомнения, но разве в этом дело: Алексей — интернационалист. Главное, чтобы человек, то есть друг человека был хорошим. Сидит себе рядышком Лона, уши торчком, изредка подрагивают, вторя шорохам, а хозяин, специалист службы розыскных собак третьего класса ефрейтор Аполосов, поглаживая ее по массивной голове, с юношеской легкостью делает расклад своей жизни на долгие годы вперед. И мечтает о том вре-

мени, когда пойдет он, уволившись, работать в милицию. Кинологом. Чтобы и себе в удовольствие, и гражданам на пользу трудиться. Тем паче что там, в органах, его уже ждут. Кадровик из РОВД, к которому он заглянул в увольнении, сказал напрямки: милости просим, товарищ Аполосов, мы выходцам из внутренних войск всегда рады и, полагаю, сработаемся. Хорошо сказал. После таких слов легко на душе и беззаботно, ибо вся перспектива как на ладони. Чувствуя настроение хозяина, Лона доверчиво смотрит на него, будто попросить хочет: "Возьми и меня с собой в милицию. Не подведи".

В эти минуты осужденный З. думал о воле. Впрочем, он о ней думал всегда, вот уже семь лет, все эти дни, серые, тоскливые, однообразные. Подъем, построение, работа. Подъем — звонок, отбой — звонок. А до последнего нужно было трубить еще семь годков. Если, конечно, не удастся самому себе амнистию устроить. От государства-то ее не очень дождешься, уж больно много дров наломал, потому и срок крутой схлопотал. А оторваться хочется — спасу нет...

Еще один герой этой истории — водитель "вольво" пребывал в превосходном настроении. И то верно, чего унывать, коли и машина отличная, и дорога ровная. Пусть у него не та "вольво", на которых "новые русские" старой закваски разъезжают, жуткие бабки наваривая, зато она легко тащит огромный кузов леса и длинный прицеп в придачу. А отечественные КаМАЗы и МАЗы только пыль позади глотают. И не один ли черт, где загружаться — в колонии или на комбинате? Его дело маленькое, шоферское — сел да поехал; ночь ли, полночь — ходку сделал и назад. Так и крутишься, плюсуя тонно-километры, а стало быть, и рубли. Далеко до его зарплаты тем военным, что зону стерегут и его машину осматривают, запуская и выпуская. Ни за что бы с ними не махнулся...

На службе всякое бывает. И прапорщик Игорь Макухин заступил сегодня в караул часовым. Самым обыкновенным. Однако не место красит человека... Просто нужда заставила — личного состава хронический некомплект. Но это, как известно, не основание для того, чтобы периметр колонии оголять. Трезво рассудил замкомвзвода прапорщик Макухин: служба, она и в Африке служба. Лишь бы не было побегов. А уж самолюбие как-нибудь потерпит.

Хитрый прибор "Лаванда". Ты его к машине приложишь, а он вслушивается чутко, не бьется ли среди груза сердце человеческое, не затаился ли осужденный? Дыхание, пожалуй, еще можно задержать, а вот сердцу не прикажешь: замри! Да и Лона свой хлеб с усердием отработывает. Ей "Лаванда" абсолютно неинтересна, то ли дело чужой запах.

Запах осужденного. Запах пота, страха и ненависти. И ефрейтор Аполосов рядом фонариком укромные уголки высвечивает. Все при деле, сосредоточенны и собранны. Один лишь прапорщик Александр Гонцов нервничает: додумались, черти, такие машиницы запускать. Мало того, что сама дура — длинная, хоть на велосипеде объезжай, так еще и прицеп сзади болтается. Вряд ли в шлюзе между воротами поместится. А уж когда после осмотра из колонии выезжать будет, в этот момент наверняка все ворота настезь отворить придется. Сквозной проход — прямо-таки Невский проспект. Хоть пополам пили "вольву" эту и по частям выпускай, порциями. А посему — ты, воин, с автоматом сюда становишься, а ты — выход перекрываешь. И для тебя это теперь государственная граница. И бдить!

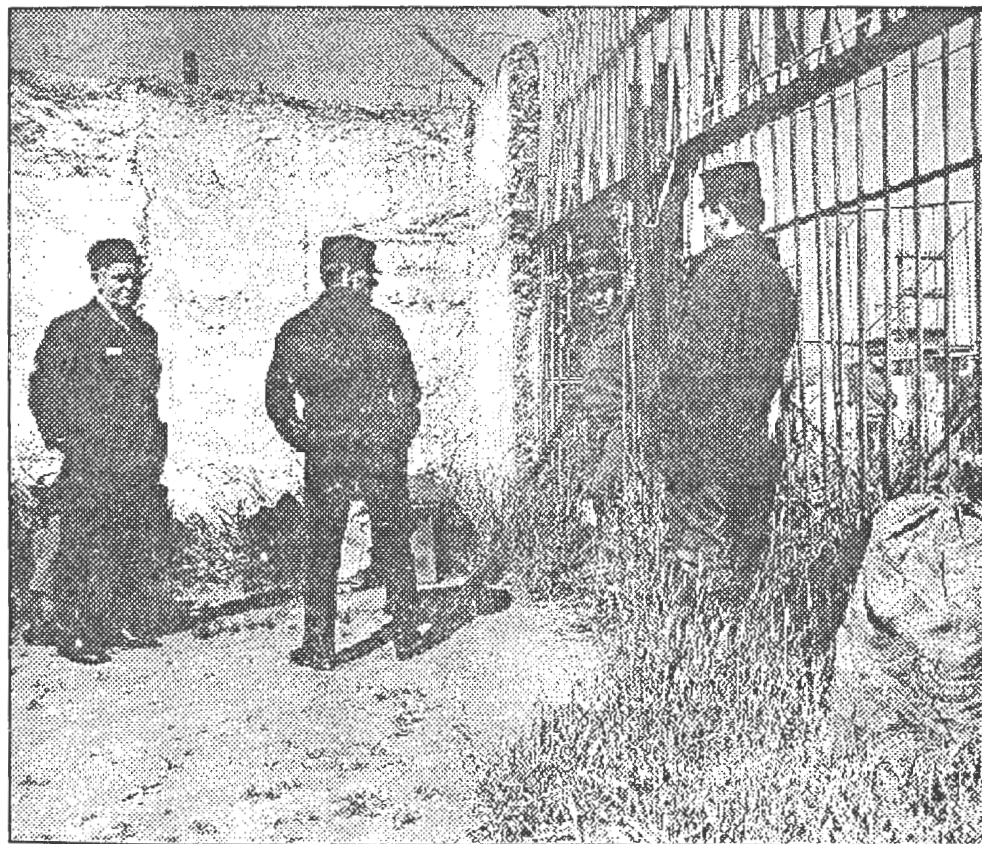
Лона, потянув носом воздух, пристроилась у колеса, дабы поселковым и городским собакам на волю колониальный привет отправить.

— Фу! — укоризненно одернул ее Аполосов. — Ищи!

Приказ начальника — закон для подчиненной.

Водитель особнячком стоит, пока до-смотр тянется, на солнышке греется. Взгляд насмешливо-равнодушный. Во жизнь пошла, куда ни сунься — везде таможня. Жди, теряя драгоценное время, покуда добро дадут. Ну да ладно, ничего не попишешь, пусть ковыряются: кузов и прицеп под завязку поддонами забиты. Экспортный груз, валютный, для Скандинавии. Очень уж скандинавы наши поддоны уважают. Классная древесина, не губить же, извода под корень, свои леса, в сагах воспетые.

У осужденного З. шапка-петушок на уши натянута. Черная шапка, черный бушлат, черная рама "вольво", черный закуток между рамой и кузовом. Вжался он в черное железо и одновременно и о Черном море мечтает, и дрожит как осиновый лист. Сам еще здесь, а душа уже на воле. Вот раскроются сейчас ворота, и поедет он с минимальным комфортом на заветное морское побережье — косточки прогреть. Лучше уж с минимальным комфор-

том ехать, чем с максимальным сидеть. И не верит он, что собака его учуять способна. Не должна: бушлат маслом и солярой насквозь пропитан, хоть выжимай — черта с два унюхаешь. А приборчик? Ерунда, знаем мы эти отечественные поделки из подручных средств для плана — кустарщина. Примус толковый собрать не могут, норуют из-за границы выписать, а тут...

Досмотр продолжается по отработанной схеме. Начкар и ефрейтор с собакой сзади, Макухин спереди. Шофер в стороне, его дело — сторона. Водит Макухин лучом фонарика по раме, от угла до угла, от колеса к колесу. Лона прицеп обнюхивает. Все ближе и ближе подходит. И тут чиркнул Игорь лучом фонаря по желобу между рамой и кузовом, и заплесало пятно света на гражданине в черной шапочке петушком.

— Саша, сюда! — крикнул Гонцову. — Пассажира обнаружился.

Подбежали Александр и ефрейтор с овчаркой.

— Вылазь, — кричат, — приехали, твоя станция!

— Гражданин осужденный, выходите, пожалуйста, — вторит басом Макухин.

“Как приехали?! Почему выходите?! Ведь воля-то вольная — вот она, рядышком, рукой подать”, — и пополз ошалевший осужденный по желобу между рамой и кузовом к воротам. Уперся головой в кабину, затих.

— Предупреждаю: применим собаку, — гнет свою линию начальник караула.

Вжался в черный металл беглец-бедолага, скукожился не дыша. Первой не выдержала Лона — выдвинула весомый аргумент: цапнула его за бок. Слегка, для острастки. Подействовало с ходу.

— Все! — заорал. — Выхожу, гражданин начальник!

Прибежал по тревоге взмыленный наряд из колонии, увел задержанного. Накрылась его самостоятельная амнистия. А шофер (куда только безразличие улетучилось!) вокруг караульных бегаёт, суетится, даже перед Лоной заискивает и все объяснить пытается:

— Я ж водила, а? Меня загрузили — и вперед. Что слона африканского, что дерево везу, какая разница? Груз, одним словом, а, мужики? Я ж и ведать не ведаю, когда он пролез ужом...

— Выпускай его, — махнул солдату у ворот начкар. — Пусть катится.

Тихо-тихо поехала на этот раз “вольво” в свою Скандинавию. Как тут разгонишься, коли у шофера руки дрожат?

Дальше — вновь по схеме. Заместитель командира подразделения майор Алексей Вострецов объявил прапорщикам Александру Гонцову и Игорю Макухину, ефрейтору Алексею Аполосову благодарность в приказе. Плюс поощрение деньгами, когда они, Бог даст, в кассе заведутся. Лоне — дополнительная косточка перепала на ужин.

Солнце над колониями покатилося к горизонту. Последний лучик, будто нарочно, задержался на самопальном плакатике, что на воротах прибит: “Посторонним вход воспрещен!” Надо было бы дописать: “А своим — выход!”. Хотя они, осужденные, и так в курсе. И все же пробуют время от времени. Скоро прожектора зажгутся, осветят периметр, маковку церкви, бараки и цехи. В цехах работа кипит. Одна колония поддоны делает — для внешних потребностей. Другая гробы — для внутренних нужд. И то и другое — в дефиците. Местные жители по домам сидят, у телевизоров. Тихо в поселке.

На дороге, что вдоль ИТК петляет, подалее от вышек тормознула машина с прибабасами и наворотами, долго сигналит, пугая ворон в еловом лесу. Вылезший из легковушки южанин, как муэдзин с минарета, протяжно кричит в сторону бараков:

— Гоги! Го-о-ги...

Наконец Гоги отзывается:

— Тут я, куда денусь, э?

Это уж точно.

— Гоги, как жизнь?

— Хорошо живу, ты-то как, Серго?

— Плохо, — жалуется водитель. — Чем занимаешься?

— В кооперативе работаю, — доносится от бараков.

— И я в кооперативе! — удивляется Серго...

И снова тишина. Обычный день. Обычный караул. Через несколько часов служивым опять на посты. Ни свет ни заря. “Ох, рано встает охрана!”.

*Северо-Западный округ
внутренних войск МВД России.*

Анатолий ЯКОВЛЕВ:

“...В душе остаюсь офицером”

Судьбы офицеров, уволившись из войск в запас или отставку, складываются по-разному. В приснопамятные застойные годы пределом мечтаний отставного военного была тихая, скромная должность со столь же скромным окладом — «приварком» к пенсии, сад-огород (это если сумел вовремя заполучить вожделенные шесть соток) да еще рыбалка и походы по грибы. А вот нынешнее бурливое, непонятное, даже тревожное время затягивает в круговорот российской действительности не старых еще мужчин, снявших погоны, но не потерявших ни военной выправки, ни военной выучки, ни военной привычки к порядку, организованности и дисциплине. Устраиваются по-разному — от валютного «вратаря» в банках, казино, ресторанах до руководителей солидных предприятий, фирм. Последних, правда, много меньше числом. Зато какие интересные личности, какие причудливые извивы судьбы! Сегодня мы знакомим наших читателей с подполковником запаса Анатолием Михайловичем ЯКОВЛЕВЫМ, президентом Внешнеэкономической акционерной компании «ТЕРМИНАЛ». Он прослужил во внутренних войсках более двадцати лет, командовал полком, преподавал в военном училище. О своей службе, о работе в гражданских условиях, о взглядах на сегодняшний и завтрашний день России он рассказал нашему корреспонденту, рассчитывая на то, что беседа найдет отклик в среде читателей, и прежде всего офицеров, обдумывающих нынешнее свое положение в войсках и обществе.

“Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ЛЮДИ УМНЫЕ НЕ БЕЖАЛИ ИЗ ВОЙСК, А КРЕПИЛИ ВОЙСКА”

В самом начале нашей беседы он оговорил главное условие — не делать из него героя. Более того, просил предостеречь нынешних офицеров от опрометчивых шагов.

— Когда ко мне пришел мой старый сослуживец и мы заговорили с ним о трудоустройстве наших отставников, я сразу сказал ему: “Их надо остановить, офицеров”.

Первое — их надо остановить! Не надо людям бегать. Остановить можно одним. Вспомните лаконичную и выразительную рекламу банка “Империал”, когда птицам подрезают крылья, чтоб не улетали, а высочайший совет короток — “Кормить лучше надо. Тогда не улетят”. Надо решить социальные вопросы, обеспечить защищенность законом. И не только тех, кто ушел в запас или отставку. Они сегодня вообще бесправны. Ваш покорный слуга, например, получал квартиру в гражданских условиях три года, вместо положенных по закону трех месяцев. И это я, скажем прямо, человек пробивной, контактный. А не такой оборотистый, не такой моторный вообще обречен... Сегодня в

гражданских условиях офицеру выжить непросто. И не надо строить иллюзий, несмотря на любые примеры, которые могут привести. Одного устраивают "баксы", получаемые за охрану склада или какого-то офиса. Отдежурил такой через двое суток на третьи, и доволен. И это сорокапятилетний подполковник! Обидно и стыдно, что так используем наш людской потенциал.

Я знаю, что сегодня лучше перекалфицированного офицера работника просто нет. Когда создавался наш "Терминал", мы столкнулись с кадровой проблемой. Вы удивитесь: "Как?! В нашей пока еще многолюдной и образованной стране нет специалистов?" Они есть, и очень грамотные. Но надо собирать людей, по духу, по морали, по нравственности близких тебе. С другими будешь расходиться обязательно.

В России сейчас все занимаются деланием денег. Неважно как. Вспоминаю один показательный случай. Продает человек зонтики оптом, привез откуда-то из-за рубежа. Я взял один, поглядел: "Им же ни от дождя, ни от солнца не закроешься". Он смеется: "А кто тебе сказал, что им надо от дождя или солнца закрываться? Его надо продать. И отбежать быстро!" Вот их психология. Даже не знаю, как назвать того деятеля — "бизнесмен", "коммерсант", "новый русский". Скорее всего, просто прощелыга, воспользовавшийся нынешней рыночной неразберихой, хаосом.

А мы хотим делать работу, черновую, трудную, но которая будет способствовать развитию российских производительных сил.

"СЕГОДНЯ НАДО ЗАБОТИТЬСЯ О ТОМ, ЧТОБЫ РАБОТАЛИ ЗАВОДЫ"

— Этим вопросом сегодня практически никто не занимается. Почему не идут реформы, почему сплошное торможение, откуда все беды? Слишком большое количество интересов пришло на наш рынок — индивидуальных, групповых, предприятий и так далее. Вся деятельность направлена на одно — получить прибыль. Но все стараются это сделать без черновой созидательной работы. Рынок ценных

бумаг появился, но там очень много спекуляций. Банковское дело разворачивается, но обоснований для таких крупных оборотов в банках нет — тоже возникают вопросы, кто греет на этом руки?

Мы же занимаемся работой, по конечному результату которой каждый может сказать, какая нам цена. Фирма "Терминал" покупает предприятию сырье, комплектацию, оплачивает всю перевозку, запускает завод, который вдруг захирел, лишившись государственной опеки, привычных форм финансирования, отлаженных связей с поставщиками сырья, с покупателями продукции. До знакомства с "Терминалом" этот завод работал на 7-8 процентов, с нашей помощью — на 90 процентов паспортной мощности. Продает продукцию за рубеж, привозит деньги. И осваивает их только в России. Вот что важно. Все ведь дело в том, что нас с вами все время обманывают, говоря известное заклинание: "Заграница нам поможет". Нам не нужны никакие иностранцы! Мы им нужны. Они искусственно создают нам проблемы. Кроме того, что они отсюда выкачивают деньги, интересов просто нет. А ведь у нас все есть у самих. И второе направление нашей деятельности — развивать и реализовывать свой собственный потенциал.

Планы наши строятся по очень простой схеме. Сначала появляется проблема. Потом идея, как ее решить, которая воплощается в документы: проекты, экономические обоснования, проектно-сметную документацию и все остальное. Потом появляется схема финансирования. Мы работаем с десятками оборонных предприятий в машиностроении, химической промышленности, атомной энергетике. Вышли и в сельское хозяйство, где можем получать продукцию, способную вполне конкурировать с импортными товарами. Здесь надо четко осознать простую вещь — крестьянин должен выращивать что-то, переработчик, причем профессионально подготовленный, — перерабатывать сырье. И кто-то должен реализовывать готовую продукцию, тоже профессионально. Кто-то эти звенья должен скрепить, чтобы цепь не прервалась, чтобы на наш российский рынок пришел наш российский качественный товар, так необходимый стране, людям. Если раньше это делал, плохо ли, хорошо ли, Минсельхоз через свои структуры, то нынче они порушены. Мы взяли за это дело и решили

наши проекты осуществить в двух регионах — в Краснодарском крае и в Чувашской Республике.

Помните историю с никому не нужными зонтиками, что вроде фиговых листков? А вот у нас деньги появляются от конкретной производительной работы — от посадки помидоров и огурцов, сбора алычи и винограда, переработки молока и мяса. Вся цепь в наших руках и под нашим контролем: инвестирование через кредитные ресурсы, привлечение иностранных партнеров (в том объеме, в той части, где это выгодно нам, — с их первоклассным высокопроизводительным оборудованием для сбора сырья, его переработки, упаковки готовой продукции), развертывание розничной торговой сети. Появляются деньги от производства. И пойдут они не на удовлетворение личных потребностей. Когда я вспомнил набившую оскомину телерекламу, я имел в виду человека, который у станка стоит. Его-то и надо кормить, чтобы не улетел. Надо, чтобы он работал и производил. Иначе завтра нашим предпринимателям и бизнесменам торговать будет нечем. Что, так и будут лезть в газ, в нефть, в лес? Сейчас все туда лезут, потому что там действительно огромные деньги. Все хотят грести их лопатой. А когда нагребут изрядно — приобретают недвижимость за границей, вкладывают в иностранные банки. А кроме того, швыряют их направо и налево, удивляя мир щедростью и размахом жизни "новых русских".

Мы же выбрали другой путь — мы не торопимся. Просто, когда пришел я в гражданскую жизнь, первое, что сказал себе и всем: "Через самую низкую зарплату, но на честных деньгах, через все трудности, но пройти надо каждому лично, пропустить все через себя. Что дорого достается — высоко ценится".

"Я — ИСКЛЮЧЕНИЕ. МОЖЕТ, ПРИЯТНОЕ, МОЖЕТ, НЕПРИЯТНОЕ"

Он умный оптимист, этот Яковлев. Увлекающийся и хладнокровный. Философствующий и вкалывающий. Умеющий расположить к себе и жесткий. Он и служил двадцать лет без дураков. Первый заместитель командующего внутренними вой-

сками как-то во всеуслышание заявил на его счет: "Этому подполковнику скоро носить лампасы". Был и конкретный разговор с командиром дивизии, который уже видел в Яковлеве своего заместителя.

Такие оценки генералов надо было заслужить. За плечами Яковлева уже были отличный взвод, рота, батальон. На готтентское он никогда не приходил. В лейтенантские годы были сотни караулов — бессонные ночи, километры и километры, найденные по тропе нарядов. При этом он видел в постовой ведомости не просто список военнослужащих, наряженных для выполнения задачи. Это были его люди, его коллектив. Проверяющие, выставившие роте отличную оценку в очередной раз, удивлялись-подозревали: "Ты, наверное, нарушения скрываешь? Разве может быть рота без единого взыскания за год?" — "Сами видите — может".

Батальон он принял после окончания Военной академии имени Фрунзе. Батальон сложный, периметровый, с тремя-четырьмя ежегодными ЧП. Сделал отличным. Едва назначили начальником штаба полка, поставили задачу менять систему охраны. Просчитали силы и средства в полку, переработали, вернее, заново сделали все планы. Причем планы эти были не для сейфа, не для комиссий — для ежедневной конкретной работы. По планам людей готовили к службе и службу эту выполняли. И полк прожил год без ЧП.

Командиры были обязаны опираться в своей повседневной работе на партийные и комсомольские организации. Он и опирался. Сегодня он размышляет: "Может, это и плохо, что развалив их, нового ничего не создали. Кто воспитывает людей, создает нужный деловой настрой? Длинный рубль? Его в войсках нет. Идеи вдохновляющие? И здесь разброд".

Была в биографии Яковлева и служба в полку — инициаторе социалистического соревнования. Служившие во внутренних войсках в эпоху "развитого социализма" хорошо помнят, каким потом давалось пресловутое инициаторство. Кто-то при этом делал ставку на показуху, старался втереть очки начальству, строил потемкинские деревни. Штаб, возглавляемый Яковлевым, сработал отлично. В коллективе не было откровенно зеленых, не было и "пенсионеров" — были люди, бо-

леющие за общее дело. Воинские звания на ступень выше занимаемой должности получили в период подготовки к инициаторству подчиненные майора Яковлева — начальник связи и начальник инженерной службы. Через полгода и ему подполковника дали досрочно.

Полк-инициатор обязательства свои выполнил. Командиру — орден. Начальнику политотдела — орден. Начальнику штаба... — выговор. Причем вдвойне. Он уже был назначен командиром другого полка, убыл к новому месту службы. Там его и нагнало взыскание. Проверяющий обнаружил недостатки в карауле по сопровождению груза, который отправлялся еще при Яковлеве. Стали искать "крайне-го", нашли уехавшего уже энша: он-де плохо готовил караул, плохо инструктировал.

Тут, по собственному его признанию, началась какая-то черная полоса. Работал как привык, честно. Полк принял с шестью ЧП, год прожили — опять ни единого. Но... Пошли стычки с недобрыми людьми. Сначала офицеры "взаимодействующего" силового ведомства хотели на дармовщину подхарчиться за счет полкового подсобного хозяйства. Он им сказал прямо: "Знаете что, ребята, славу полку приносят люди, которые по периметру ночью в мороз ходят — офицеры и прапорщики. У меня их шестьсот тридцать восемь человек. Так пусть хоть раз в год каждый из них принесет в семью хоть кило мяса, хоть одну рыбку, хоть один свежий огурчик". Видно, крепко обиделись те "ребята". И пошла писать губерния...

В опалу попасть можно запросто. Инспекторская группа МВД (это было во времена Федорчука) четыре месяца работала в части "по двенадцати позициям". Ничего не накопили. Но он вдруг стал не востребованным. Задавили интригами, сплетнями, беспочвенными обвинениями. Назначили с понижением. Работал. Перевели преподавателем в военное училище. Работал. Никакие насюки апатии не вызывали. Была абсолютная уверенность, что реализует себя в жизни полностью. Но было горько сознавать, что ничтожные люди с большими звездами походя щелкали его по носу...

— И тогда я написал рапорт. На что начальник Политуправления мне сказал: "Тебе платят заработную плату как перво-

му секретарю райкома, и поэтому ты должен служить и работать". Я ему тогда ответил, считаю, правильно: "Товарищ генерал-лейтенант, я отработаю все, что в меня вложило государство". Каждому свое время. Я уходил не потому, что обиделся. Было все против моих убеждений, моих принципов. А принципами не торгуют. Отдашь один, за ним — другой, завтра ничего не останется.

От подонков, от мрази надо избавляться. От предателей изнутри надо избавляться. С людьми способными, с "нешестерками", с личностями надо работать. Их надо искать. Их надо поддерживать. Взять тех же преподавателей военных училищ, которые находят, образно говоря, ту "курицу, которая будет нести золотые яйца". Им оказана какая-то честь, какое-то внимание уделено? Хорошо, если с моей преподавательской поры что-то изменилось. Знаю генерала, который кричит на подчиненных: "Вы профессионально неподготовлены!". А сам-то ты насколько профессионал? Пересев в вышестоящее кресло, только и знаешь, что резолюции для замов накладывать. А те, беря пример, тоже "спускают" указания.

Я патриот родных внутренних войск, я до сих пор в неоплатном долгу перед войсками и перед МВД. Часто встречаюсь с давними и добрыми знакомыми, с офицерами и генералами. Беседуем, обсуждаем проблемы. Вспоминаю, как в свое время меняли систему охраны объектов, учились выполнять задачи не числом, а умением, внедряли новое. Все думаю: может, не станут из года в год переписывать приказы, планы подготовки в училищах, планы подготовки войск. Может, кто-нибудь достанет из сейфов планы действий при ЧО и начнет по этим планам готовить людей.

Может, кто-нибудь, уволенный в запас, начнет строить микрорайоны, создавать предприятия, собственность. Мы же не в Америке, где полковник, увольняясь берет сразу и ранчо, и управляющего. Наши офицеры кроме пенсии нищенской ничего не имеют. У них нет сбережений, нет соб-

ственности, чтобы детям передать. Наши лавочники завтра наших детей к себе продавцами потянут.

**“НАДО ИСКАТЬ ЛЮДЕЙ,
С КОТОРЫМИ МОЖНО
ВЫТАЩИТЬ ЭКОНОМИКУ,
А ЭКОНОМИКА
ВЫТАЩИЛА БЫ ПОЛИТИКУ”**

— Когда ты структуру возглавляешь, которая должна работать, не должен разбрасываться. Для меня ты преступник, если ты знаешь, что назначаешь дурака, через год-полтора заменишь его на другого, и все это на государственные деньги, и эта дуристика будет продолжаться Бог знает сколько. Когда-то я бился над тем, чтобы мне дали возможность защитить диссертацию по философии. Она написана, лежит, кандидатский минимум сдан. И хоть называется серьезно — “Управление сложными системами”, доказываю я там абсолютно простые вещи. Определенную сложную систему-то я на собственной шкуре испытал. Помню, приехали тогда из главка и сказали: “Ты тут не очень-то размахивай своей диссертацией. Ты — никто”. Я смолчал тогда, обиду проглотил...

Сегодня даю командиру прославленной дивизии жалкие крохи, каких-то тридцать миллионов, все, что могу, и говорю при этом совершенно искренне. “Дорогой друг, твоя работа нужна, и ты ее должен делать, несмотря ни на какие трудности”. Потому что знаю, эта дивизия вместе со всеми войсками хлебнула лиха на чеченской войне.

Или еще недавний случай. Встретился в самолете по дороге в командировку с одним комбригом из внутренних войск. Тот рассказал, что никак не может подступиться к директору охраняемого предприятия. Это меня поразило. В свое время я, будучи начальником штаба, а потом командиром такого же полка, по-деловому общался и с директорами, и с местными властями. Все считали себя государственными людьми и решали вопросы к обоюдному удовлетворению. А тут вижу явную нестыковку, или расстыковку, как хотите считайте. А я-то как раз с тем директором летел решать свои вопросы. На следую-

щий день мы встретились втроем. Комбриг стеснительно хотел выпросить 15-20 миллионов на нужды части. Но и я, и директор прекрасно знаем, что почем нынче. Говорю директору: “Дай командиру денег, чтобы он хоть что-то сделал, ведь он не тебя лично охраняет, а объект государственной важности, на котором твои люди работают. И учти, что я тоже офицер, своих в обиду не дам. Пару квартир дай для офицеров части”. Дал.

Я знаю, что этот командир употребит все на дело, для части, для солдат. И лишнего никогда не попросит. Это как те старушки, что живут со мной по соседству. Я иной раз по воскресеньям иду в булочную, вижу — стоят, человек десять-пятнадцать. Говорю: “Возьмите хлеба кому сколько надо — я заплачу”. Ведь никто ни разу не взял целую буханку, по половиночке берут, а то и по четвертушке. “Нам лишнего не надо”. Тут и скромность, и гордость. А у меня мысли о тех, кто в это время бросает в Париже деньги на ветер. Их и называют “новыми русскими”. Стыдно за Россию.

Я далек от мысли, что это я спасаю Россию. Я далек от мысли, что мы с вами посидим-поговорим и начнем ее спасать. Но если мы для трех-четырёх сотен людей какие-то вопросы решим по большому счету, для тридцати-сорока тысяч — на каком-то среднем уровне, а для трехсот тысяч на каком-то минимальном, значит, живем не зря. Но если мы с вами будем только говорить, как многие, к примеру, нынешние думские деятели, будем лить крокодиловы слезы, будем, того хуже, митинговать с флагами или чем-то истинным, святым для нас поступать, тогда...

**“ВСЕ УЖЕ ОБЪЕДИНИЛИСЬ. ЧЕГО
ЖЕ ЖДУТ НАШИ ОФИЦЕРЫ?”**

Он не любит тех, кто митингует. К их числу относит и тереховский Союз офицеров. Усматривает парадокс и опасность в том, что при декларированной деполитизации и департизации армии офицеров пытаются сначала вытащить на митинги, а потом втащить в политику.

В самом начале нашей беседы он сказал, что не хочет призывать офицеров бежать из войск. И себя назвал исключением из правил. Так жизнь повернулась. Он

одинаково переживает за тех, кто сегодня служит во внутренних войсках, и тех, кто, уволившись в запас, не нашел себе достойного применения на гражданке. "Все мы, офицеры, люди одного поля", — говорит он. И всерьез думает о том, чтобы поле это возделывать во имя доброго урожая.

Подполковник запаса, президент Внешнеэкономической акционерной компании "Терминал" Анатолий Михайлович Яковлев предлагает нам объединиться, создав фонд. Пусть он называется, к примеру, "Защитник Отечества и правопорядка". Главная его задача — защита интересов военнослужащих внутренних войск МВД России на переломном для каждого офицера этапе — этапе подготовки к увольнению в запас и утверждения человека в новом уже качестве.

Анатолий Михайлович, возглавляя свою фирму, разрабатывая и воплощая в жизнь большие экономические проекты, связи с родными войсками не теряет. Он встречается и с командующим, и с офицерами, и с ветеранами. Рассказывая о планах создания НАШЕГО, ВОЙСКОВОГО фонда, он находит единомышленников. Все соглашаются, что есть проблема. Ее высказали недавно Яковлеву не старые еще запасники: "Государство должно было о нас позаботиться, но..."

Яковлев, по своему обыкновению, встретив проблему, тут же думает, как ее разрешить. Так появилась мысль о фонде. В центре внимания его должны быть офицеры, которым год-полтора до увольнения в запас. За это время заботами фонда, его структур эти люди будут готовиться к новой жизни. Фонд будет учить, перекалифицировать, психологически адаптировать, трудоустраивать. Если уж запустили механизм приватизации, почему не у дел должны оставаться наши офицеры? Фонд поможет. Создание предприятий, больших или малых, — почему бы нет? Ведь дело скорее будет делаться, если за него возьмется команда. Фонд не будет вмешиваться в дела командиров, офицерских собраний, советов ветеранов — он будет им помогать. Помогать профессионально (ведь все мы родом из внутренних войск),

заинтересованно. И материально — тоже. Вплоть до прибавок к пенсиям и выдачи всякого рода пособий.

Отделения фонда в регионах могут стать опорой командующим войсками наших округов, руководству внутренних войск России, министру, наконец. Работающие в структурах фонда офицеры и генералы будут прекрасно осведомлены о состоянии дел на местах. Причем в любых сферах — в войсках, в городах, в экономике.

Яковлев рассуждает справедливо: "Мы, офицеры, волей или неволей тянемся друг к другу, ищем друзей-однополчан и через годы. Так не лучше ли не терять наших связей? Мои двадцать лет службы в войсках и вся последующая работа убеждают меня в том, что если мы объединимся, нам по плечу будет любое дело.

Мы можем и должны делать работу. Работу, достойную офицера и необходимую России. Тогда и отношение к нам, военным, переменится, и чувствовать мы будем себя хозяевами собственной судьбы".

Через пять минут Анатолию Михайловичу предстояла встреча с премьер-министром Чувашии. А назавтра он собирался лететь в Поволжье для работы над интересными проектами. На прощание спросил его:

— Вы офицер запаса, были командиром полка. Как вас теперь называть — предприниматель, бизнесмен, "новый русский"?

Он улыбнулся, задумался:

— Я сам становился в тупик, когда приходилось встречаться с иностранными партнерами. Считайте, что я русский в новой экономике. Работаю в новой экономике, но в душе остаюсь офицером".

Т. СИБИРЦЕВ.

С точки зрения историка

Чечню усмиряют три века

*Имам Шамиль:
"Надоела война,
хочется жить мирно"*

Весной 1960 года мне впервые пришлось побывать в Дагестане. Проводилось обсуждение макета четырехтомной истории Дагестана, по поводу чего в Махачкалу съехались ученые Кавказа, других регионов России. На подобных обсуждениях, проводимых на Кавказе и выглядящих как конференции, дело заканчивалось банкетом. На нем место тамады неизменно занимал профессор Сумбатзаде, покорявший эрудицией и интеллигентностью. Лавры за лучший тост, однако, доставались на банкетах Зурабу Анчабадзе, всеобщему любимцу. В весну, о которой идет речь, банкет состоялся вначале в Махачкале, затем — в Гунибе.

Мне, впервые попавшему в Дагестан, интересно было все: и старая Махачкала с базаром, не похожим на владикавказский, и пляжи на берегу моря — песчаные и чистые, и люди — искренние и теплые, и, разумеется, обсуждение непростых проблем истории Дагестана. Но финалом этой поездки, потрясшей мое воображение, был Гуниб. Природа сотворила чудо. Чудо с явным предназначением. Неизвестно только с каким. То ли как последняя надежда, то ли как Божья помощь, то ли как просто награда для непокорного Шамиля. Увиденное не только впечатляло. Оно рождало эмоции, обращенные к истории народа, к драматическим событиям, происшедшим здесь в 1859 году...

В Гунибе никто из гостей не спал, хотя здесь мы находились более суток. В одну из "банкетных передышек" Зураб Анчабадзе предложил мне посмотреть камень, на котором сидел князь Барятинский в

ожидании сложившего оружие Шамиля. Мы шли по дорожке, ставшей для имама последней на его родине. Помню, Зураб Анчабадзе рассказывал о Барятинском, а перед моими глазами вырастала фигура Шамиля. Мне виделось, как в сопровождении полковника Лазарева и барона Врангеля имам величественно, с глазами, выражавшими глубокое душевное страдание, шел к фельдмаршалу, чтобы сказать: "Надоела война, хочется жить мирно". В окруженной молодыми березками беседке, укрывающей "камень Барятинского", я отколол кусок исторического камня. Под воздействием нахлынувших чувств здесь в присутствии Зураба Анчабадзе дал слово написать книгу о Шамиле. Свою молодость и незрелость в Гунибе я осознал много позже... Овладеть темой о Шамиле оказалось сложно — обстоятельство, заставившее убрать камень-талиман с письменного стола в книжный шкаф. Шло время, и я думал, остыну к Кавказской войне, к образу имама.

В 1973 году я был приглашен на исторический факультет МГУ для чтения лекций по спецкурсу "Россия и Кавказ". К тому времени у меня сложились представления, серьезно менявшие привычный образ Кавказской войны... В 1975 году меня вновь пригласили в МГУ. На этот раз слушателями спецкурса записались студенты всех курсов — факт, отнесенный на истфаке к редким.

В конце 70-х — начале 80-х годов в советском кавказоведении стали появляться исследования, приближавшие их авторов к концепции, над которой я работал около девяти лет. В избранном мною научном направлении особенно успешно двигался грузинский историк В. Гамрекли. Именно в этой ситуации я и решил опубликовать статью "Кавказская война: истоки, сущность", схематично изложив в

ней весь комплекс проблем, относящихся к теме. Статья рассматривалась мною как постановочная, писалась как предваряющая будущую работу. Поскольку отдельные принципиальные положения, выдвинутые в ней, были недостаточно раскрыты или же остались без необходимой аргументации, публикация вызвала форменный скандал. Но не только эти обстоятельства послужили причиной отрицательной реакции среди историков. Нарушение однажды принятых представлений о Кавказской войне не могло обойтись, естественно, без сопротивления. Бурное неприятие опубликованной статьи не являлось неожиданностью. Тем не менее причины для тяжелых переживаний все же были. К этим причинам я не относил ни письма в ЦК КПСС с политическими обвинениями, ни шквальную критику, развернувшуюся вокруг статьи, ни даже требования лишить меня ученых степеней и званий. Горечь вызывали жестокость и непрофессионализм, сдвинувшие дискуссию из плоскости научного обсуждения проблемы в плоскость обсуждения "субъекта Блиева". Особенно оскорбительно для меня звучали заявления о моем "неприятном отношении к горцам", о намеренном "подрыве дружбы народов" и пр.

В условиях подобной дискуссии, лишившей себя научного предмета, а меня — генетической принадлежности к Большому Кавказу, ничего не оставалось, кроме как продолжать работать над монографией. Чтобы ускорить завершение книги, я пригласил для написания одного из разделов профессора В.Дегоева, разделявшего мою концепцию Кавказской войны. Заодно для тех, кто на самом деле желал полнее представить мои подходы к проблеме, опубликовал в журнале "История

СССР" статью, посвященную истокам Кавказской войны. В 1990 году рукопись, состоявшая из тысячи страниц, была готова к печати. Постперестроечные невзгоды, однако, создали немало проблем, связанных с ее изданием. К счастью, эти трудности теперь позади, в 1994 году московское издательство "Росет" выпустило книгу под названием "Кавказская война".

Не могу не сожалеть о потерях, понесенных из-за публикации статей по Кавказской войне. Досаду вызывает происшедший на почве научных разногласий разрыв с коллегами, много и добросовестно работающими над проблемами истории Кавказа. К их числу отношу и профессора В.Гаджиева, с которым меня связывала давнишняя дружба. Мог бы сообщить Владлену, что, согласно договоренности, состоявшейся в 1982 году, в своем саду,

где более 170 прекрасно растущих деревьев, я выделил небольшой участок и в знак нашей дружбы посадил березу, три яблони, два абрикоса и одну дагестанскую черешню. Прижилась только береза... Еще две весны кряду сажал на этом же участке саженцы, но увя... Зато стройна и красива береза — как и те березки, что растут рядом с историческим камнем в Гунибе.

Кавказская война — традиционная в науке проблема. Обширна и литература вопроса: этой темой занимались и историки, и военные, и политики, и писатели, и просто любители кавказской экзотики.

Не столь разнообразной, как литература, оказалась, однако, методология, с позиций которой освещалась Кавказская война. Пожалуй, два взгляда — оба политические, в разное время высказанные о войне, имели решающее значение в периодически вспыхивающих политико-идеологических страстях. Один из них сложился в русской дореволюционной историографии, видевшей в Кавказской войне лишь противоборство России и горцев Кавказа. Другой — плод непрофессиональных суждений И. Сталина, в 1936 году назвавшего Кавказскую войну "национально-освободительным движением". Этому взгляду суждено было не только пережить своего автора, но и приобрести со временем особую распространенность. Этим двум основным подходам соответствовали принятые в советской литературе оценочные понятия — "реакционности" или "прогрессивности", напоминающие нам расхожий принцип "что такое хорошо и что такое плохо".

Набеговая система "вольных" обществ горного Дагестана

"Вольные" общества горного Дагестана составляли одну из наиболее значительных "баз" набеговой системы на Большом Кавказе. Набеги, направленные на низину, дореволюционные историки именовали "воровскими", "хищническими". Далькие от понимания социальной почвы так называемых "хищничеств", они, как правило, указывали на этнопсихические особенности горцев, побуждающие их к набегам.

В советской историографии А. Скачко рассматривал набеги как источник пополнения скудного горского хозяйства, видя в них своего рода "отхожий промысел". В

подтверждение своей мысли А. Скачко, кроме других данных, приводил заявление горцев русскому генералу Румянцеву, требовавшему прекращения набегов. "Набеги и грабеж, — говорилось в заявлении, — наши занятия, как ваши — хлебопашество и торговля". Но, пожалуй, более важно другое. Подчеркивая высокую "воинскую репутацию" дагестанских горцев, А. Скачко писал о социальных последствиях набегов: этот "способ производства" ускорило разложение родовых отношений и формирование раннефеодальных, поскольку "военная удача, большое количество захваченного скота и рабов — создавали мощь отдельных родов и власть их над другими". Сами по себе высказывания А. Скачко представляли определенный интерес. Однако они не были развиты и сведены в научную концепцию.

Одновременно с работой А. Скачко в 1931 г. в Баку была издана "Хроника войн Джара в XVIII столетии (предисловие В. Хулуфу, примечания Е. Пахомова)". Публикаторы источника указывали на утверждение среди дагестанских общинников ислама в качестве господствующей идеологии, мобилизовавшей их на "насилие и грабежи". Ими была отмечена важная сторона проблемы — набеги совершались не только ради военной добычи, но и для утверждения исламских догматов. Считая войну для "вольных" обществ Дагестана "постоянным доходным производством", В. Хулуфу и Е. Пахомов обратили внимание на выделение социальной фигуры кадия, со временем пополнившего ряды феодальной знати.

Среди "вольных" обществ горного Дагестана Джаро-Белоканские общества отличались особой склонностью к набегам. Видный советский историк И. Петрушевский исследовал общественно-политические процессы, протекавшие в этих обществах в первой трети XIX в., и пришел к выводу о господстве в них системы военной экспансии. По мнению ученого, военные походы горцев были с половины XVIII в. прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или получения выкупа. Организуемые феодализовавшейся родовой знатью в Джаро-Белоканских обществах военные отряды он рассматривал как "коммерческие", призванные "добывать" и реализовывать невольников на джарском рынке.

И. Петрушевский значительно расширил представления о целях участников набегов: набеги, по его данным, преследовали не только материальные, но и политичес-

кие выгоды. Свою мысль он иллюстрировал тем фактом, что в 1714 г. кахетинский царь, оказавшийся бессильным перед набегами джаро-белоканцев, обязался платить ежегодную дань в размере 100 туманов, а взятие в 1722 г. военным приступом Тифлиса повлекло за собой уплату "контрибуции в 60 тысяч туманов". Подобные события в XVIII — начале XIX в. случались часто и развивались с нарастающей силой. Учитывая это обстоятельство, И.Петрушевский считал, что система экспансии обусловила важное место аварских обществ как в политических комбинациях мелких ханств Азербайджана и Дагестана, так и в планах Турции и Персии, стремившихся заручиться союзом с аварцами. В этом отношении особенно преуспело Джарское общество. На вопрос: "Чем был вызван рост влияния Джара?" — И.Петрушевский отвечал: ролью организатора и значением в создании невольничьего рынка. Добавим, что в XVIII — начале XIX в. влияние Джарского общества распространялось почти по всему Закавказью. Оно было особенно заметно в султанстве Елисейском и ханстве Шекинском, временами попадавших в настоящую зависимость от джарцев: при избрании султана решающая роль принадлежала представителю Джара. Во всех вопросах политики султан следовал указаниям джарцев. Зависимое от Джара положение султана Елисейского и хана Шекинского не гарантировало им, однако, безопасности от набегов со стороны тех же джарцев. Так, в марте 1819 г. Измаил-хан Шекинский жаловался А.П.Ермолову: "Жители Джарской области часто делают хищничества в Шекинских владениях и нередко вооруженною даже рукою". В зависимости от Джар и Белокан часто оказывались и другие их соседи, в том числе и "вольные" общества.

Набеговая система тайповой Чечни

Набеговая система чеченцев достаточно полно описана в дореволюционной литературе, где наибольшую ценность представляют сведения У.Лаудаева. Первый чеченский историк, понятно, не мог знать подлинной природы набегов. Но приведенный им фактический материал воспроизводит необычную социальную напряженность в чеченском обществе на стадии

перехода его к новой формации. Это было время, когда "перестали уважаться обычаи отцов и не исполнялись условия адата: в Чечне стало господствовать только одно право — право сильного". В обстановке обозначившегося раскола общества формировались противоборствующие социальные силы: стремившаяся к власти и новым привилегиям родовая знать и сторонники сохранения тайпового уклада общественной жизни. Не без сочувствия к последним У.Лаудаев писал: "Благодаримые мероприятия любивших свою родину не имели, однако, между чеченцами успеха: сильные фамилии буйствовали и, не боясь никого, не исполняли приговоров адата. Воровство вошло у них в славу и доблесть — убивали и резали друг друга без причины и, наконец, начали совершаться невиданные до этого преступления... стали похищать или силою уводить беззащитных людей — своих собратьев — в неволю и продавать их в рабство в далекие страны". Крайне осложнившаяся социальная обстановка в чеченском обществе породила новые, неординарные явления. Так, поселившиеся на равнине ичкеринцы, частично находившиеся под властью аварских ханов, повели борьбу за свое освобождение: прекратили платить подати, захватывали земли. То же самое предпринимали малочеченцы против кабардинских князей. Из-за набегов на российскую пограничную линию ослабевало в Чечне влияние России. Вместе с тем, как отмечал У.Лаудаев, "беспорядки эти принудили благоразумнейших чеченцев позаботиться самим о водворении спокойствия в крае. Для этого они в различных аулах приглашали к себе князей для княжения (алолу дань), обязываясь на содержание их платить ясак". В результате борьба с чужеземными феодалами не была освободительной сменой властвовавших "кадров": ичкеринцы и часть шатовцев призывали "к себе мелардоевских князей (происходивших от боковых линий аварских ханов...)", жители Большой Чечни — кумыкских князей, Малой — кабардинских. Продолжением этой борьбы были внутренние межтайповые распри: битвы кадхароевского Жеме и дышинского Тусхароя, неоднократные сражения Ботагано Жокало (Майстинского) против шедалоевцев (хевсур) и бацбийцев (тушин). Смена "кадров" чужеземных князей, межродовые (межтайповые) раздоры из-за земли, скота, пастбищ, наконец, людей сопровождались многочисленными набегами. Они превратились в систему, нашед-

шую в Чечне благоприятную почву. На знамени участников набегов одна агрессивная формула сменялась другой, энергично звавшей к вооруженным набегам. По свидетельству У.Лаудаева, "в эти именно времена вошли в поговорку возгласы, ныне повторяющиеся только на пирuşках, но тогда бывшие во всеобщем употреблении: "Мир наш, кто, кроме нас, на свете!". Подобным возгласом, широко бытовавшим в Чечне, выражалось переживаемое чеченцами состояние, когда "поступкам их нет ответа, преступлениям — возмездия". Сведения У.Лаудаева согласуются с русскими источниками, в которых Чечня XVIII — начала XIX в. характеризуется как "разбойничья республика", где "в образе жизни, воспитании и внутреннем управлении чеченцы поступают, как следует отчаянным воинам". Аналогичны свидетельства западно-европейских авторов, посетивших Кавказ в первой трети XIX в.

Впервые в советской историографии набеговую систему чеченцев, нашедшую широкое отражение в источниках и работах дореволюционных авторов, соотнес с уровнем общественного строя М.Покровский: набег чеченцев он сравнивал с войнами тацитовских германцев.

В наше время на набег в свете генезисных процессов феодализма обратила внимание Е.Кушева. По ее мнению, одним из способов обогащения родовой по происхождению знати были набег за военной добычей. На высокую распространенность у чеченцев набеговой системы указывал М.Мамакаев, связывавший ее с господством военной демократии.

В последние годы в чечено-ингушской историографии все больше находит поддержку тезис о набеге как "антиколониальной борьбе горцев". Сторонники такого подхода не принимают во внимание причины набегов в Чечне — дальнейшего развития земледелия и скотоводства, требовавших новых земель, пастбищ, рабочих рук. Они не учитывают, что набег совершались задолго до присоединения Чечни к России, когда чеченцы еще не знали о России и ее политике.

Набег чеченцев практиковались задолго до XVIII в. Но до переселения на равнину они не приобретали устойчивости, ставшей характерной для них позже. Качественный сдвиг в виде беспрецедентного размаха экспансии произошел под влиянием двух взаимосвязанных факторов: переселения на равнину, вызвавшего подъем экономики, и развития частной соб-

ственности, придавшей новый импульс формационным процессам. На зависимость набегов, в особенности их интенсивности, от темпов формирования частной собственности и классовообразовательных процессов указывали дореволюционные источники. В записке В.Голенищева-Кутузова, например, отмечалось, что "пока чеченцы были бедны, пока народонаселение, разбросанное по редким хуторам на равнине, не составляло сплошных масс, они были покойны и не тревожны; но когда на тучных лугах стали ходить многочисленные стада, мирные дотоле соседи превратились в неукротимых хищников. Народонаселение в Чечне быстро возрастало, благостояние жителей увеличивалось ежедневно, дух воинственный достигал своего полного развития".

Объектами нападения были все сопредельные территории. По свидетельству С.Броневского, чеченцы так "обуяли в злодействе, что никого не щадят", совершая набег на Дагестан, Кабарду, Ингушетию и другие районы Северного Кавказа. Об этом свидетельствует и устное народное творчество как самих чеченцев, так и соседних народов. Выбор направления набегов и их интенсивность зависели от экономических выгод, которые мог сулить тот или иной район: предпочтению отдавалось районам со скотоводческим хозяйством. Так, карабулаки, считавшиеся одним из наиболее экономически состоятельных вайнахских племенных образований, являлись объектом постоянных набегов чеченцев. В результате в самом начале XIX в. более 200 семей карабулаков оказались в зависимости от чеченцев: эти и другие семьи "неоднократно прибегали к российскому покровительству, прося защиты от притеснения чеченцев" (С.Броневский). Начиная со второй половины XVIII и вплоть до середины XIX в. наиболее привлекательным объектом набегов для чеченцев стала российская пограничная линия. Переориентация набегов с юга на север была вызвана оживлением экономической жизни в Предкавказье и на русской границе.

М. БЛИЕВ,
 профессор Северо-Осетинского
 университета
 им. Косты Хетагурова.

ПОД СТРАЖЕЙ начальник конвойной стражи

Любопытный документ попал недавно в руки — деловой справочник "Вся Москва" 1930 года издания. В нем представлены довольно подробные данные — оказывается, и тогда в стране существовало некое подобие гласности — о многих столичных предприятиях, учреждениях. Нас, в частности, заинтересовала в книге такая вот информация:

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОНВОЙНОЙ СТРАЖИ СССР

Лесная ул., 61, т. 5-62-17.

Нач. ШИРВИНДТ Евс. Густ., т. 4-14-33.

Зам. КАЛНИН Карл Иван., т. 3-14-79.

Ст. полтг. инспектор БЕРЕС Алексей Петр., т. 3-14-80.

(Фамилия последнего в тексте искажена — напечатано БЕРСЕ. — Авт.).

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР

ул. Ильинка, 23.

Нарком ТОЛМАЧЕВ Вл. Никол., т. 4-14-34.

Зам. наркома КОРНЕВ Вас. Степ., т. 4-14-37, доб. 2.

Члены коллегии... ШИРВИНДТ Евс. Густ., т. 4-14-33, доб. 15.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Нач. ШИРВИНДТ Евс. Густ., т. 4-14-33, доб. 102".

Как видим, во всех перечисленных учреждениях (ЦУКС СССР, НКВД РСФСР, ГУМЗ) руководящие должности занимал один и тот же человек из когорты так называемых "пламенных революционеров" Евсей Густавович Ширвиндт. Кто же он такой? Как оказался среди тех, кто формировал пенитенциарную политику государства в те далекие годы? Как оказался во главе войск? Какой вклад внес в их становление и развитие? Какой, наконец, след оставили войска в его судьбе? Поиски ответов на эти вопросы позволили приоткрыть много любопытных страниц из биографии Евсея Густавовича Ширвиндта. Богатая и насыщенная событиями жизнь этого руководителя и военачальника, его взлеты и падения переключаются с судьбами многих государственных деятелей

такого высокого масштаба в то непростое время. Их трагедия заключается в том, что они были заложниками, а зачастую и жертвами создаваемой ими самими репрессивной системы.

В юности Е. Ширвиндт, будучи сыном достаточно известного в Киеве врача, получил неплохое образование. Окончил университет в Одессе (юридический факультет), затем три курса медицинского факультета Московского университета.

Со студенческих лет Евсей был одержим революционной идеей переустройства общества. Ему казалось поначалу, что лучше всех его идеалам отвечает партия левых эсеров. В последующем, правда, он в ней разочаровался. Наступила пора других ориентиров. В семнадцатом он член юридической секции Московского Совета, затем Петросовета, состоит в коллегии Наркомата юстиции РСФСР. В девятнадцатом вступает в ряды большевистской партии. Ему тогда было двадцать восемь лет. За плечами — кое-какой опыт организаторской работы по строительству, как он полагал, нового государства и невиданного ранее строя, с которым у него связывались все надежды и мечты...

Осуществлению их отныне подчинена жизнь. Диапазон деятельности Евсея Густавовича весьма широк — от военкома корпуса военных топографов Всероглашштаба до замнаркома юстиции Украины, члена коллегии ВУЧК. С мая 1922 года заведует исправительно-трудовым отделом Главного управления местами заключения НКВД РСФСР, а с 1924-го одновременно исполняет обязанности начальника войск конвойной стражи Республики.

Но и это еще не все, что предшествовало трем ипостасям Евсея Ширвиндта, означенным в книге "Вся Москва". Тогда же он буквально врывается в круг крупнейших ученых-юристов, специалистов пенитенциарного права. Изучает постановку этого дела в других странах, пытается сказать свое слово. Появились статьи и книги: "Наше исправительно-трудовое законодательство" (М., 1925), "Основы и задачи советской уголовной политики" (М.-Л., 1929), "Текущие вопросы административного строительства" (М., 1930) и многие другие. В предисловии к первой из названных выше книг нарком юстиции Д. И. Курский отмечает, что она отличается широтой постановки вопросов, весьма полезна и потому "должна служить настольной книгой для всех работников исправительно-трудовых учреждений Республики, а также для работников юстиции". Лестная оценка довольно посредственно-

го, по мнению современных исследователей, труда.

Несколько книг написано Е. Г. Ширвиндтом в соавторстве с известным в то время юристом Б. С. Утевским. Среди них: "Что нужно знать заключенному (права и обязанности)", изданная в 1927 году, "Советское исправительно-трудовое право", выдержавшая несколько изданий. Интереснейшая статистика приводится в труде, названном последним в списке. Оказывается, на заключенных, находившихся в советских тюрьмах, приходилось числящимися за чрезвычайными органами: в 1920 году — 30,4 процента, в 1921 году — 21,2 процента и в 1922 году — 2,0 процента. То есть обозначилась устойчивая тенденция к снижению арестованных органами ЧК-ГПУ. Могли ли предполагать авторы, какой будет статистика на сей счет через каких-то пять-шесть лет? И какая судьба ждет одного из них? Вряд ли.

А тогда Евсей Густавович трудился самозабвенно, сам, может быть, не сознавая, что активно участвует во возвращении ужасного монстра в виде жесточайшей репрессивной машины насилия над собственным народом.

Он, кроме всего, возглавляет Государственный институт по изучению преступности, редактирует основные труды этого института, является членом редколлегий журнала НКВД "Административный вестник", состоит в комиссии по амнистии при Президиуме ВЦИК...

Внес свой вклад Е. Г. Ширвиндт в организацию конвойной службы. Первым крупным шагом его было реформирование конвойных команд в полки. Многие здесь зависело от комплектования "нужными людьми" и обучения войск, материально-технического обеспечения, подбора командных кадров. И в решении этих непростых проблем Ширвиндт проявлял наполеоновскую настойчивость. Он сумел привлечь в войска опытных командиров. Среди них выделим, в частности, Алексея Илларионовича Селявкина, дважды краснознаменца. Авторам довелось встречаться с ним. В беседах с нами он отзывался о своем бывшем начальнике как о человеке колоссальной работоспособности. Вот фрагменты из его воспоминаний:

"Евсей Густавович сам, что называется, горел на работе и других зажигал своими идеями. Поставил перед нами задачу — поддерживать конвойные части на уровне частей Красной Армии. Каждый отдел управления имел свою четкую установку, в том числе и на перспективу. Проблем было хоть отбавляй — слабая техническая оснащенность войск, бытовое неуст-

ройство казарм и городков, отсутствие единообразия в вооружении конвоиров и т.д. и т.п. Их не раз выносил Ширвиндт на коллегию НКВД. Добился, например, перевооружения войск, обеспечив охрану нагами и карабинами. Решались шаг за шагом и другие вопросы.

Евсей Густавович стремился, чтобы в конвойной страже имелись свои военнанаучные общества, а там, где условия не позволяли, рекомендовал комсоставу участвовать в работе аналогичных организаций в местных гарнизонах. Много нам пришлось потрудиться по его инициативе над Положением об инспектировании войск конвойной стражи СССР, двухлетней программой боевой подготовки.

Ширвиндт требовал от командиров и штабов принимать активное участие в маневрах, смотрах, парадах, других ритуалах, проводимых в округах и гарнизонах. Благодаря его энергии была создана своя Центральная школа младшего комсостава войск конвойной стражи. По его настоянию наши командиры стали направляться регулярно на курсы "Выстрел", в войска постоянно начали прибывать выпускники военных академий. Примерно тогда же был разработан по предложенному им проекту Временный устав службы конвойной стражи".

Да, в ту пору перестройка в войсках шла весьма активно. Правда, в ней были свои приливы и отливы, диктуемые подчас самыми неожиданными обстоятельствами. Так, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 октября 1925 года организуется Центральное управление конвойной стражи (ЦУКС) при СНК СССР. Шутка ли сказать — конвойные войска при Совнаркоме! И ОГПУ было при Совнаркоме. Неужели уж такая значимость придавалась охранникам, что понадобилось управление этой вооруженной силой возвести на столь высокий уровень и приравнять ее к ведущим правительственным органам? Нет, конечно. Просто так все сложилось: войска в тот период времени некуда было пристроить. Влить их снова в Красную Армию посчитали нецелесообразным — у них, дескать, свои специфические задачи. Перед этим постановлением Совета Труда и Обороны от 27 сентября 1922 года конвойная стража в количестве 17 тысяч человек передавалась из Наркомюста в ведение ГПУ при НКВД РСФСР. Там ее переименовали в корпус конвойной стражи, но долго не задержали. Сначала освободили от окармливания мест заключения и сократили до 10 тысяч. С образованием Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) встал

вопрос о дальнейшей судьбе конвойников. ОГПУ и НКВД стали разными ведомствами и по задачам, и по положению в иерархическом раскладе органов власти и управления. ОГПУ — общесоюзный орган, а НКВД остался республиканским. При НКВД РСФСР имелось Главное управление мест заключения (ГУМЗ). Ему и решили подчинить конвоиров. Началась волянка с согласованиями. Коренной вопрос: кому подчинить войска в союзных республиках? В середине июня 1924 года в Москве состоялось совещание по этому вопросу с участием представителей союзных республик. Большинство склонялось к тому, чтобы иметь централизованное руководство конвойной стражей. А как это сделать? Ширвиндт настаивал, что лучше всего уполномочить начальника ГУМЗа при НКВД РСФСР осуществлять общее руководство конвойной стражей на всей территории страны. Но для этого надо с согласия республик предоставить ему такие полномочия. 26 июня того же года СТО вынес постановление о передаче конвойной стражи из подчинения ОГПУ в наркоматы внутренних дел союзных республик. 14 июля последовал совместный приказ Реввоенсовета и ОГПУ СССР, а также НКВД РСФСР о переименовании существующей конвойной стражи в конвойную стражу СССР, возлагающий руководство ею на начальника ГУМЗа, при котором было сформировано Управление КС СССР.

Так решили в Москве. Но в Харькове посчитали иначе. Всеукраинский Исполнительный Комитет послал протест в СНК СССР, назвав этот тройственный приказ неконституционным актом. Конечно, по степени значимости и влияния наркоматы внутренних дел отличались друг от друга, и особенно от НКВД РСФСР, хотя формально все были с ним на равных. Так почему же конвойная стража СССР должна быть при ГУМЗе НКВД РСФСР? Резонно! Пришлось Совету Труда и Обороны 29 августа вынести специальное постановление по этому вопросу и законодательно закрепить решение о создании конвойной стражи СССР, согласно которому и было образовано Центральное управление конвойной стражи СССР при Совнаркоме СССР. Постановлением правительства от 18 января 1926 года на пост начальника ЦУКСа назначен Е.Г.Ширвиндт, который теперь подчинил себе и лагеря, и стражу. Вот такая эпопея предшествовала его приходу на эту должность.

И в бытность начальником ЦУКСа Евсей Густавович жестко проводил в жизнь ре-

шения, направленные на разрастание и военизацию конвойной стражи. Стражников требовалось все больше и больше. Наряду с полками создаются отдельные батальоны и бригады, формируются две дивизии. Много было сделано по организации и упорядочению самой службы конвоирования. Так, в Москве и Ленинграде удалось ввести для перевозок арестованных автомобильный транспорт. Эта практика начала успешно применяться и в других крупных центрах Союза.

Последовательно шел Е. Г. Ширвиндт к осуществлению давней своей мечты — преобразованию конвойной стражи СССР в конвойные войска. Это событие состоялось — таки. Оно закрепляло принадлежность подчиненных Ширвиндту частей к Вооруженным Силам страны, способствовало в целом ужесточению службы, дисциплины и порядка в них. Согласно закону об обязательной военной службе, введенному в действие с 8 августа 1928 года постановлением ЦИК и СНК СССР, конвойные войска вошли в состав РККА как войска специального назначения и в вопросах комплектования, обучения руководствовались приказами РВС СССР, положениями и уставами РККА, а в выполнении специальной службы — конвойным уставом, положениями, наставлениями, издаваемыми Центральным управлением конвойных войск СССР.

Около восьми лет Е. Г. Ширвиндт руководил войсками. В июне 1931 года его зачисляют в резерв РККА и назначают начальником мобилизационного управления и военизированной охраны Наркомата водного транспорта СССР, а через полтора года он старший помощник прокурора СССР и Главный прокурор по надзору за тюрьмами и исправительно-трудовыми лагерями страны. В его руках судьбы тысяч и тысяч невинных жертв сталинизма.

Работать приходилось в условиях, когда законность все откровеннее начала подменяться произволом. Ширвиндт все больше погружался в атмосферу лицемерия, оглуления народа и террора над его лучшими сыновьями и дочерьми, в том числе и в самих органах правосудия, которых не миновали репрессии.

Евсей Густавович видел: Генеральный прокурор СССР Вышинский не только не препятствовал всему этому, но и сам насаждал беззаконие, под прикрытием борьбы с "врагами народа" устраивал основательную чистку ведомства, изгонял оттуда самых порядочных людей. Тех, кто ему в этом пытался противостоять, ждал арест.

358

Подошла очередь и Ширвиндта. За ним пришли. "Я был незаконно арестован Ежовым, Фриновским и Заковским, учинившими расправу надо мной", — писал позже в автобиографии Евсей Густавович.

Его обвинили в том, что он "с августа 1917 г. являлся активным членом партии левых социалистов-революционеров. В 1918 году в г. Москве принимал участие в левозсеровском мятеже... В период 1929-1930 г. Ширвиндт с помощью одного из руководителей антисоветской подпольной эсеровской организации Раевича вошел в состав этой организации, неоднократно участвовал в нелегальных собраниях организации, на которых обсуждались вопросы борьбы с Советской властью, подготовки террористических актов в отношении руководителей Коммунистической партии и Советского правительства".

Все это было, естественно, сплошным вымыслом и фальсификацией. Теперь достоверно известно, какими недозволенными методами велось следствие, как пеклись "доказательства" и добывались "признания" арестованных.

Закономерный финал: бывший начальник конвойной стражи сам попадает под стражу. Он не чувствовал за собой никакой вины, но понимал, что случиться может самое худшее. Сумел вывернуться и избежал расстрела. Военная коллегия Верховного суда СССР 20 июня 1939 года приговорила Ширвиндта к тюремному заключению на 10 лет с поражением в правах на 5 лет, с конфискацией личного имущества.

От Москвы до Канска путь неблизкий, а еще тяжелее в тюремных вагонах, по этапам и тюрьмам. Находясь в камерах с уголовниками, выдавал себя за недоучившегося медика или за военного топографа. Иначе смерть или "камерный суд" со своими судьями, обвинителями и адвокатами.

Потом были Краслаг, перевод на поселение. То есть те места, куда сам когда-то направлял этапы...

Ему вообще-то повезло: это было наименее тяжелое наказание, хотя и не предусмотренное уголовным кодексом. Чтобы выжить в суровых условиях Сибири, он не чурался никакой работы: колот дрова, чистил снег за кусок хлеба, нанимался копать картошку в колхозе. Иногда помогал сельским ребятишкам учиться, осваивать школьные премудрости, составлял письма и прошения в различные инстанции.

А главной кормилицей его была скрипка, с которой он ходил по домам играть на

свадьбах, поминках, крестинах. Кличку местные ему дали Евсей-скрипач. Покормят и с собой дадут кто яичек, кто шматок сала, кто сумочку картошки. Кормился сам и помогал выжить таким же ссыльным-поселенцам. Вместе с ним оказались в ссылке профессора университетов из Москвы, Ленинграда, член-корреспондент Академии наук СССР, кремлевский врач, московский писатель-фенолог, авиаконструктор, артисты. Их считали "врагами народа", а у населения они имели некое подобие авторитета. Потому что несли культуру в сибирскую глубинку.

Находясь в ссылке, Ширвиндт очень переживал за судьбу жены. Варвара Акимовна Мойорова была революционеркой, возглавляла общество Красного Креста и Красного Полумесяца, в числе первых женщин награждена орденом Ленина, но все это не уберегло ее от репрессий.

Он беспокоился о своих братьях. Близнецы, Филима и Анатолий, были преподавателями музыки. Первый по классу виолончели, второй — скрипки. Третий брат, Борис, — доктор медицинских наук, профессор, впоследствии Главный педиатр Советского Союза.

Нелегко пришлось его сыну и дочери. Везде их притесняли как родственников "врага народа". Сын Борис не смог учиться в вузе, а когда началась Великая Отечественная война, ушел на фронт, награжден орденом Красной Звезды. Только после реабилитации отца сумел получить высшее образование, защитить докторскую диссертацию.

... Когда ссыльным разрешили работать, Евсей Густавович стал юрисконсультом Она-Чунского леспромхоза. И только тогда узнали жители края, что Евсей-скрипач — профессор права и автор многих печатных трудов.

Оказавшись в Москве, Евсей Густавович, как это ни покажется странным, вернулся в науку — читал лекции, писал статьи. Его восстановили в правах, взяли на работу в НИО ГУЛАГа МВД СССР, разрешили преподавать.

Но физические силы были подорваны. Видимо, и запоздалое прозрение многого стоило. В 1958 году Евсей Густавович умер, находясь в санатории в Кисловодске. Кто знает, может быть, тени тысяч замученных им и ему подобными преследовали его до конца дней...

**Полковники в отставке В.КРИВЕЦ,
С.ШТУТМАН.**

Календарь

Сентябрь в истории войск

1920

Совет Труда и Оборона (СТО) принял постановление о создании войск внутренней службы (ВНУС) Республики, в состав которых вошли войска ВОХР.

1922

СТО постановил передать конвойную стражу Республики в состав войск ГПУ.

1930

Постановлением ЦИК и СНК СССР конвойная стража СССР переименована в конвойные войска СССР.

1934

В связи с передачей конвойных войск в состав войск НКВД упразднено Центральное управление конвойных войск СССР.

1942

Военный совет Закавказского фронта возложил оборону Военно-Грузинской дороги на Орджоникидзевскую дивизию внутренних войск НКВД.

1943

290-му стрелковому полку внутренних войск НКВД, отличившемуся в боях на Малой земле, присвоено почетное наименование "Новороссийский".

Сформировано Ташкентское суворовское военное училище войск НКВД. Расформировано в 1960 году.

1944

В п. Красная Глинка Куйбышевской области сформирована Центральная школа НКВД. Ныне — Санкт-Петербургское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России.

1990

Учрежден Всесоюзный фонд помощи семьям погибших работников милиции и военнослужащих внутренних войск МВД СССР.

ВОЛКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Документальное повествование

Старую тюрьму Баламут не узнал. Многое изменилось с тех пор, когда он последний раз мотал срок. После войны бывшие советские уголовники, освобожденные из лагерей и тюрем Германии (часть из них использовалась там в качестве провокаторов, информаторов, капо, т.е. надзирателей), были этапированы обратно в СССР. Вместе с ними направлялись в Союз и те, кто, проходя службу, совершал преступления на территории других государств. В ходе фильтрации некоторые были осуждены за пособничество фашистам. Но большинство, прибыв в лагпункты, стали объявлять себя авторитетами и качать права, получая при этом отпор от местных сидельцев, предпочитавших отсиживаться в отечественных лагерях, всеми правдами и неправдами увиливая от посылки на фронт.

В камере Баламут быстро нашел общий язык с арестантом по фамилии Мишин, а по кличке Дикарь. Это был настоящий вор с целевой установкой на противоправный образ жизни, начавший свою карьеру в довоенные годы. Как государство ни пыталось сделать из него пусть не героя — рядового солдата, защитника Отечества, ничего из этого не получилось. В 1944 году его трижды направляли на фронт, и все

три раза он бежал, был судим и теперь ожидал нового приговора.

Дикарь, как и другие авторитеты, презирал тех, кто добровольно и сознательно добивался отправки на фронт, кровью смывал свою вину, освобождал страну, а заодно и Европу от фашизма.

Война кончилась, и оказались многие из тех "воjak с уголовным прошлым" как бы и не у дел. Воровская натура давала о себе знать, да и богатые немцы, австрийцы, чехи, венгры сбивали их с пути праведного. Иные стали возвращаться к подзабытому ремеслу — кражам и грабёжам. А военные трибуналы в этих случаях никаких боевых заслуг не учитывали, поскольку имели на этот счет строгую установку сверху: давали срок и отправляли в Союз. В лагерях же вновь прибывших за воров никто признавать не желал, поскольку они предали воровскую идею — не состоять на государственной службе, а кормиться исключительно воровством. Их попытки оправдаться — мол, мы и не думали воевать, а только рассчитывали таким путем вырваться на волю — тоже никто в расчет не хотел брать: наличие приговора, заменившего лагерный срок направлением на фронт, документы, связанные с досрочным освобождением из лагеря, под которыми те ставили свои подписи, свидетель-

ствовавали об их неискренности. К тому же они были не в состоянии доказать, что не брали в руки оружия (еще одно нарушение неписаных норм). Словом, веры им не было. Их отторгали, окрестив "военщиной". Но это не снимало проблемы. Нередко вчерашние фронтовики силой пытались вернуть утраченное и занять подобающее место в лагерной иерархии.

Чтобы разрешить конфликт, и по всем лагерям, и на свободе прошли воровские сходки, где не только обсуждался статус пришлых, но и происходили кровавые разборки. В столичных Сокольниках (1947 г.), в Казани, Краснодаре, ряде других мест состоялись воровские съезды, собиравшие от двухсот до четырехсот делегатов. При этом в Москве и Краснодаре были осуждены и убиты сразу несколько воровских авторитетов. А итог всему был таков: прибывшие из зарубежья не имели права пользоваться воровскими привилегиями.

Но и видные авторитеты "военщины", поддерживаемые "польскими ворами", на своей сходке решили: если их не признают прежние сотоварищи, надо внести существенные изменения в воровские законы. В 1948 году они обьявили свои поправки, к примеру, разрешающие им работать на низовых административно-хозяйственных должностях — нарядчиками, завстоловыми, дневальными и т.д.

Война между воровскими группировками ожесточалась. При случае "военщина" силой (с помощью так называемого "трюмления") заставляла придерживающихся старых воровских традиций отказываться от них. Для этого был придуман целый обряд — целования лезвия "сучьего ножа".

Так стала формироваться еще одна преступная группировка — "ссучившихся", или "отколотых". "Военщина" принимала "отколотых" в свои ряды, но эксплуатировала нещадно и издевалась самым жестоким образом. Прежнее сообщество измены не прощало. "Отколотым" ничего не оставалось, как объединяться и вступать в схватку с теми и другими. Но, увы, создаваемые ими группировки были малочисленными и даже назывались в разных лагерях по-разному: "махновцы", "красная шапочка", "ломом подпоясанные", "один на льдине" и т.д.

Администрация лагерей, не признавая ни "идейных" воров, ни "отошедших", ни каких иных, именовала их в официальных

документах не иначе как "беспредельщиной". Но закрывать глаза на то, что реально существуют три ненавидящие друг друга группировки, конечно же, не могла. Чтобы избежать больших человеческих жертв, было решено изолировать их друг от друга. С санкции ГУЛАГа это и стало проводиться на лагпунктах Ивдельского, Каргопольского и Устьвымского лагерей.

Баламут с интересом впитывал все, что рассказывал Дикарь, ведь его путь после вынесения приговора напрямик упирался в лагерные ворота. Нужно ориентироваться в обстановке, поскольку авторитеты круты с инакомыслящими. Прибывающим "на зону" без "ксивы" (письма, подтверждающего личность) нередко устраивали "ломку" (тщательную проверку): расспрашивали о знакомых ворах, кто и где из них в данный момент пребывает, с кем и что произошло и т.д. и т.п. Своим признавался тот, кто отвечал уверенно, если же путался или знал маловато, считалось, что это не вор, а лишь подделывающийся под вора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По вновь установленному правилу срок пребывания вора на свободе без "занятий" не мог превышать шести месяцев. Если по истечении этого времени им не сдавались положенные отчисления в общаковую казну, предстояло объяснение перед воровской сходкой. Оправданием служила только болезнь, подтверждаемая медицинскими документами.

Довелось узнать Баламуту и о том, что помимо воровских группировок различных мастей в лагерях нередко учиняют бузу банды, состоящие главным образом из бандеровцев, оуновцев, власовцев, "лесных братьев". Эти вообще не признают никого, против воров ведут жестокую борьбу, а затем захватывают на лагпунктах все хлебные места. Дело дошло до того, что руководство ГУЛАГа вынуждено было направить специальное указание немедленно снять со всех должностей запятнавших себя в годы войны и впредь не допускать их назначения куда-либо.

Резко обострила положение в лагерях псевдогуманизация карательной политики. С одной стороны, 26 марта 1947 года в стране была отменена смертная казнь, с другой — в июне того же года заметно возросла мера ответственности за хищение государственного и общественного

имущества, личной собственности граждан.

По лагерям опять пошли воровские сходки, на которых выработывалась общая линия поведения в новых условиях. К чему пришел воровской мир? К тому, что "нужно воровать умнее и не там, где можно взять тысячи, а там, где можно взять сотни тысяч, чтобы знать, за что отбываешь такой большой срок.

Чем получать "десятку" на мелочевке, лучше заняться вооруженными грабежами и не в городе, а на селе, где труднее тебя застукать.

Не гнушайся оружия: в случае преследования убивать — все равно срок получать, но есть возможность и оторваться.

Плох вор, кто мотает весь срок. При желании можно бежать отовсюду. Указ страшен тем, кто идет на преступление впервые".

5. Побег

Настал день, когда Баламут направился по этапу сравнивать полученные теоретические познания с реалиями жизни. Казенная дорога оказалась довольно длинной, так как пофартило угодить на строительство железной дороги до Обской губы, которое вел Обский ИТЛ. Вскоре понял одно: в такую смутную тюремную пору надо вырываться на волю любой ценой.

Кончался сентябрь, а зима не подкрадывалась, она уже властно вривалась в тундру. Снежный шквал навалился внезапно. Ветер метался между бараками, перетаскивая с места на место сугробы. Под его напором стекла прогибались, и казалось, вот-вот разлетятся со звоном. Заключение держались от них подальше: сказывался, видимо, житейский опыт.

В этот день их даже не вывели на работу. Отославшиеся обитатели барака, разбившись на группки, занимались обычными делами: чифирили, перекидывались в картишки, слушали извечные тюремные байки, строили прожекты на будущее...

В углу, на нижних нарах рядом с Баламутом примостились Суховеев, Кравченко и Парафимович. Разговор шел о предстоящем побеге.

Парафимович накручивал восьмой месяц после очередной неудачной попыт-

ки. Тогда, в феврале сорок девятого, он и еще двое заключенных, воспользовавшись сильной пургой, преодолели проволочное ограждение, двинули строго на юг, но уже на вторые сутки были замечены с самолета. Каждому спецлагсуд по статье 58-14 отмерил еще по десять лет. Теперь надо было ошибок не повторять. На совещании приняли решение подготовить все необходимое и ждать первого подходящего момента. Ночь с 25 на 26 сентября оказалась именно такой. Около 12 внезапно погас свет и в бараках, и по периметру зоны. По опыту осужденные знали, что это надолго, а разжигать в такую пургу костры для освещения объекта охрана не станет.

Чтобы не привлекать внимания, из барака выходили по одному: вроде бы по нужде. Как и намечалось, используя простыни для маскировки, с южной стороны ограждения, между 21-м и 22-м столбами перерезали колючку и по одному преодолели запретную зону. Снежные вихри надежно укрывали беглецов, зализывали их следы.

Примерно через час ветер поутих, и с неба большими хлопьями повалил снег. Идти стало полегче. Километров через восемь повернули на юго-восток, а затем после короткого привала взяли строго на юг. Хлеб и сахар удалось растянуть на неделю. После того как было съедено последнее, группа уже не шла, а плелась. К тому же был потерян ориентир. Все чаще вспыхивали ссоры: куда двигаться дальше. Наиболее ожесточенно препирались Кравченко с Парафимовичем. В конечном счете Парафимович взял верх, и под его руководством шли еще почти целые сутки. Когда решили остановиться на ночлег, Суховеев взялся рубить валежник и разводить костер. Остальные, наломав лапника, расселись вокруг, ожидая, когда закипит вода.

Парафимович принялся сушить портянки. За этим занятием он даже не заметил, как подкрался сзади Суховеев. Удар топора пришелся по голове. Кравченко быстро разделал труп. Ягодичную мякоть обмыл растопленным снегом и быстро сунул в котелок с кипящей водой.

Полтру еще отварили мяса. Сил прибавилось, темп движения заметно возрос.

На исходе шестых суток после убийства Парафимовича мясо снова подошло к концу. Баламут начал было делиться своими соображениями насчет экономии, но

Кравченко его грубо прервал, кинув Суховееву: "Вари все остатки! Я чувствую, завтра выйдем к жилью". То ли заверение это не прозвучало, то ли еще отчего, только у Баламута по спине пробежал морозец. Он понял, к чему идет дело.

На удивление спокойно он поднялся с кучи лапника, подошел к Суховееву и протянул руку: "Дай-ка подрублю сушнячка". Тот подал топор, с которым не расставался все эти дни. Баламут так же неторопливо двинулся в сторону Кравченко, обошел пень, за которым тот прикорнул, и коротким резким ударом повалил на снег...

На десятый день после убийства Кравченко мясо опять заканчивалось. Оба прекрасно понимали: дальше можно еще продержаться какое-то время только за счет другого. И этим другим стал Суховеев.

Сутки Баламут отсыпался и отъедался. Затем направился на юг и шел, пока не стал забывать, и который день в пути, и который день без пищи. Ему просто повезло, что на обессилевшего и чуть живого, на него наткнулись ненцы-охотники. Они-то и доставили беглеца в надымский горотдел милиции.

Он сидел в одиночке, пока из Обского ИТЛ не прибыла оперативная группа для допроса и дальнейших розыскных действий. 12 ноября вместе с экспедицией отправился по маршруту побега в поисках останков беглецов...

Куйбышевские судмедэксперты признали его вменяемым. Дальше шла уже известная процедура: следствие, суд, 25 лет срока, Ивдельский ИТЛ.

6. Со Сталиным и без него

У без всяких рассказней сидельцев, уж только по наполнению пересылок было ясно, что к началу пятидесятых ГУЛАГ пополнился главным образом за счет совершавших имущественные преступления. Росло число авторитетов, а воровская касса не могла обеспечить всем им достойное существование. Идейные воры стали изгонять из своих рядов менее достойных, заставляя тех ходить на работы, толкали, провоцировали на прямую измену кодексу воровской чести. Как результат — количество идейных поуменилось, а группировка "отошедших" набрала силу. И вновь развернулась кровавая борьба:

внешне она велась вроде бы из соображений идейных, а по глубинной сути — за право обирать основную массу заключенных, за власть над ними.

Жизненные проблемы, касающиеся воровского сообщества, сходки разрешали споро. Убирали оступившихся без колебаний. И хотя поручалось это кому-то из воров (по воровскому обычаю вор умереть должен только от руки вора), но ответственность за убийство брал на себя фраер — кандидат в воры. Поскольку "вышка" ему не грозила, все происходило буднично и просто: резали ночью, а утром дневальный шел на вахту и заявлял надзирателям, чтобы забирали труп. Те приходили в барак, задавали sacramентальный вопрос: "Кто пойдет?" И фраер, уже собранный ворами в дорогу, поднимался с нар и уходил с надзирателями. Сколько бы ни брал он греха на душу, больше 25 лет ему не грозило. Только после ряда мокрых дел такого переводили на тюремный режим.

По фактам убийств администрация проводила расследования чисто формально. Важно было то, что раскрываемость высока, виновный назвался. Чего же еще?

Вот и получалось, что в условиях отмены смертной казни жизнь человека не стоила ни гроша. Хотя бывало, и не редко, что трупы зарезанных в зоне там же и сжигались, закапывались в землю или, как это делалось на лесобиржах, в опилки. Если убитого не находили, ответственность-то никто и не нес. Исчезнувшего объявляли в розыск как совершившего побег.

И все же отсутствие такого сдерживающего фактора, как высшая мера наказания за умышленное убийство своего ли брата заключенного, представителей ли администрации или военизированной охраны, заставляло ГУЛАГ искать выход из сложившегося положения. Стали организовывать специальные лагеря и тюрьмы для содержания особо опасных преступников, направлять их по отбытии наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ. Следующим шагом стала организация специальных лагерных подразделений строгого режима, предназначенных для содержания наиболее опасных осужденных (отбывающих срок за бандитизм, вооруженный грабеж, неоднократно судимых, получивших новые сроки уже в период отбывания наказания за убийство, разбой, побег и т.д.). С 1951 года на специальных лагпунктах строгого режима стали

раздельно содержаться и враждующие между собой воровские группировки.

Еще на этапе Баламут обратил внимание, как тщательно на пересылках заключенные скрывают свою принадлежность к той или иной воровской масти. Ехали все вместе. На станции назначения вагоны того или иного лагеря отцеплялись. Далее путь лежал по узкоколейке местной железнодорожной ветки с нанезанными на нее, как ожерелье, лагпунктами. Перед каждым делалась остановка, открывались двери, и подавалась команда: "Из вагонов с вещами выходи!". После пересчета под усиленным местным конвоем заключенных вели к воротам, сажали на корточки с поднятыми над головой руками. Затем, если это оказывалась "воровская зона", вводили воров, "сучья" — "сук", и так далее до "ломом подпоясанных".

В Ивдельском ИТЛ Баламут задержался совсем недолго. Скорее всего сыграла свою роль тюремная биография: какой же администрации хотелось иметь дело с людоедом?! К тому же завалившим мужиков тертых: один Суховеев чего только стоил — фронтовик, две Красных Звезды, медаль "За отвагу"... Впрочем, могли перевести Баламута и по другим соображениям: простая утечка информации — и жизнь его повисала на волоске.

13 января 1953 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ "О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях", положивший начало широкому наступлению на преступные группировки в местах лишения свободы. Неделю его разъяснили заключенным, а затем под текстом Указа, распечатанным на специальном бланке, они ставили подписи.

Бланки подшивались к личным делам, а жизнь тем временем шла своим чередом, мало в чем меняясь. Разве что авторитеты перестали прибегать к прямым убийствам нарушителей воровского кодекса чести или активно противившихся сообществу. Таких теперь стали доводить до самоубийства истязаниями и надругательствами.

В Каргопольском ИТЛ на лагпункте, где теперь обосновался Баламут, свел счета с жизнью заключенный Яковлев. Он продулся в карты, а расплатиться не смог. Группа авторитетов, среди которых был и Баламут, в присутствии самого неплате-

жеспособного приговорила его к смерти. Видя безвыходность положения, Яковлев выпросил разрешение самому свести счеты с жизнью. И повесился, но прежде написал записку, чтобы никто никого не винил...

Смерть И.В. Сталина повлекла за собой небывалую по масштабам амнистию, объявленную Указом Президиума Верховного Совета уже 27 марта 1953 года. Готовилась она спешно, затрагивала значительную часть осужденных и по своей сути стала обвальной — одновременной для сотен тысяч людей. А ведь многие освобожденные не имели своего угла, потеряли родственников во время войны. Но вопросы их трудового и бытового устройства заранее не прорабатывались. А в результате им ничего другого не оставалось, как, оказавшись на свободе, снова выйти на большую дорогу.

Амнистия имела отрицательные последствия и для самих мест лишения свободы, где остались одни отпетые головорезы.

Но в системе ГУЛАГа постепенно наметились и существенные перемены. В российских лагеря перестали этапировать осужденных из других республик. Заканчивалась бесконечная перетасовка лидеров преступных группировок из лагеря в лагерь. Их переводили в тюрьмы, а с самими группировками решено было кончать именно в тех учреждениях, где они возникали.

Многое тут зависело от решительности администраций, от умения и желания работать с осужденными. Не секрет, что иные руководители подразделений ИТЛ оказались просто не способными к этому. Как бы анекдотично ни звучало, но нередко они обращались в высшие инстанции с просьбой "направить группу паханов в вверенное учреждение для наведения должного порядка и дисциплины". Удивляться тут нечему: десятилетиями не прекращались попытки опереться в работе на уголовно-бандитствующий элемент и с его помощью поддерживать порядок в лагерях, что, по сути, выливалось в подмену перевоспитания уголовников расправой над ними руками тех же уголовников.

А для оздоровления обстановки в лагерях следовало прежде всего бороться с воровской идеологией, развенчивать ее, ставить барьеры на ее пути. Ведь, что

греха таить, чуть ли не девять десятых всех неудач в работе администраций связывается с ее воздействием. В том же Каргапольском ИТЛ вместе с Баламутом отбывало наказание 188 воровских авторитетов — один процент к числу всех содержащихся, но они срывали практически все благие начинания лагерного руководства.

С 1956 года начала заметно меняться тактика уголовников-рецидивистов. Причиной тому — усиление их изоляции в спецлагпунктах строгого режима. Тамошние условия попросту не позволяли ворам жировать за счет честно работавших на производстве, тем более что перестали выдаваться на руки заработанные деньги. О досрочном или условно-досрочном освобождении они теперь и не мечтали. Да к тому же из-за усиления охраны все меньше оставалось шансов на удачный побег.

Стремясь сохранить свое сообщество, воровские авторитеты чуть ли не каждый месяц вносили изменения в неписаный кодекс чести. Принимал в этом участие и Баламут. Он стоял за то, чтобы не было беспредела на спецлагпунктах, не возражал, чтобы вора, содержащимся в лагерях строгого режима, разрешалось работать на производстве, если бригада сплошняком состоит из воров, или чтобы они становились дневальными в бараках, где проживают исключительно воры. Однако, по его мнению, все это должно утрачивать силу, если вора переводят в лагерь с общим режимом.

Поскольку Баламут все больше укреплял авторитет среди заключенных, начальник оперативной части лагпункта при первой же возможности спровадил его на этап. Так Баламут оказался на лагпункте "Медвежанка" Северо-Кузбасского ИТЛ, куда из местных колоний, Южно-Кузбасского ИТЛ и Сиблага свезли всех авторитетов, не пожелавших "разоружаться".

Первое время воры отсиживались по баракам, занимаясь проверкой собственных рядов, лишая недостойных воровского звания (а куда денешься: кто-то должен выполнять роль хозобслужки). Но вот наступил день, когда всем предстояло выйти на работу.

Развод растянулся почти на полтора часа, однако прошел без особых эксцессов. Но как только воры вошли в зону оцепления рабочего объекта, так сразу же за-

палили костры, у которых весь день и просидели.

Сразу после ужина во втором бараке прошла сходка: обсуждали требования к администрации. Затем трое самых авторитетных были уполномочены довести принятое решение до "хозяина".

Штабной "шнырь", сидевший на корточках возле печки, завидев входившую в тамбур воровскую тройцу, вскочил, услужливо открывая дверь и прищепывая при этом: "Кум" там".

Дверь моментально закрылась. Охрана осталась в тамбуре.

Начальник лагпункта выжидательно смотрел на незваных гостей, рассаживающихся вдоль стены. А те без лишних слов предъявили ему ультиматум: с 6 утра следующего дня никто из администрации лагпункта, исключая фельдшера, не должен входить на территорию зоны; вода и продукты доставляются ежедневно в установленное время и место; начальнику добиться от руководства управления этапирования всех по прежнему месту отбывания наказания.

Начальник лагпункта попытался было возразить, но авторитеты тотчас поднялись и, не вступая в полемику, покинули кабинет.

Утром, как и обычно, надзиратели пошли на подъем, но стоявшая у КПП группа заключенных преградила им дорогу. Баламут довольно вежливо предложил служивым покинуть территорию жилой зоны. Тем ничего другого и не оставалось. Как только они скрылись из виду, метрах в тридцати от КПП была просыпана золой прямая линия и водружена табличка "Запретная зона".

Примерно через полчаса на лагпункта в сопровождении оперуполномоченного, командира роты и всех надзирателей, что были в наличии, попытался навести порядок. Тщетно. Сперва послышались угрозы, а затем из толпы заключенных полетели палки и камни.

На четвертый день противостояния прибили высокие лагерные чины и прокурор области. Но и эти переговоры ни к чему не привели: воры стояли на своем, и прежде всего — на отправке в прежние места отсидки.

К концу недели запыхали здания штаба и штрафного изолятора. Пожарные пытались сбить пламя, но их закидывали камнями, пробовали отгонять заключенных

струями из брандспойтов, но те порубили курава. Видя бесперспективность своих усилий и опасаясь, что вся зона может выгореть дотла, администрация пошла на уступки: под усиленной охраной ворье стали развозить по тюрьмам и следственным изоляторам. Эксперимент по приобщению воровских авторитетов к жизни честной, трудовой не удался.

В конце 50-х всех, не пожелавших отказаться от своего воровского звания, сконцентрировали в тюрьмах. Администрации с новыми силами начали наступление на воровские авторитеты. Впрочем, как заметил Баламут, и сами воры во многом способствовали своему уничтожению. Томясь от безделья в большущих камерах, они только и занимались прокручиванием биографий то одного, то другого, цепляясь ко всему, изгоняя из сообщества буквально за всякую мелочь.

Как бы там ни было, но ликвидация преступных группировок в зонах к началу 60-х завершалась, и кое-кто из высокопоставленных деятелей расценил это как полную победу над профессиональной и организованной преступностью в стране. Было во всеуслышание заявлено, что в 1980 году (видимо, с наступлением коммунистической эры) по телевидению будет показан последний преступник-профессионал. А раз так, то широкомасштабная наступательная работа, в которой не последнюю роль играли репрессивные меры, пошла на убыль, стали больше заботиться не о деле, а о надраивании литавр. И зло, загнанное в подполье, оживилось. Два десятилетия ждало оно своего часа, и он наступил.

7. Встреча

Во второй половине 60-х дважды разгромленные при Хрущеве органы госбезопасности и МВД утратили тотальный контроль за нетрудовыми доходами населения. Начала стремительно развиваться теневая экономика, порождая крупные хищения и коррупцию. Если в прежние годы чиновники всех рангов, находившиеся под пристальным вниманием правоохранительных органов, не позволяли себе вступать в связи с расхитителями государственной собственности, побаивались

брать взятки, т.к. нетрудовые доходы невозможно было материализовать, то теперь поле для обогащения открывалось широкое. А подпольные дельцы, цеховики ворочали сотнями тысяч, а то и миллионами рублей, что позволяло им на корню покупать руководителей властных структур, правоохранительных органов.

В изменившейся ситуации профессиональные преступники быстро сообразили, что выгоднее и прибыльней грабить ворюг-теневиков, чем рисковать шкурой из-за мелочевки. И воровское сообщество не устояло перед соблазном легкой наживы, начало охоту за подпольными бизнесменами. А в результате — уголовная преступность начала паразитировать на преступности экономической. Путем шантажа, угроз, физического насилия, захвата заложников воры отторгали у дельцов периода оттепели часть нетрудовых доходов. Правда, случались и проколы.

В 1968 году в одну из колоний Кемеровской области, где в ту пору отбывал наказание Баламут, прибыл из Грузии невиданный до этого этап осужденных. С собой они привезли даже мангал, видимо, полагая, что и за колючей проволокой будут баловаться шашлыками. По зоне "прошел базар", мол, это те самые фраера, которые у одного цеховика взяли три "лимона", а с другим залетели на восьмидесяти "кусках". И это соответствовало действительности: продержав второго делягу около месяца, преступная группа была накрыта. Сперва при получении взятки арестованы трое вымогателей, затем остальные двадцать восемь, в том числе и четверо сотрудников милиции.

Неоднократно судимые, длительное время находящиеся в местах лишения свободы проявляли особый интерес к процессам, протекавшим на воле. За время отсидки у каждого давным-давно сложились планы на остаток дней. Отсидевшим по полжизни глупо было допускать очередную ошибку, сгорать на ерунде. Хотелось повернуть такое дельце, чтобы денюжат хватило на все оставшиеся годы. Между тем ситуация складывалась так, что требовался компромисс между расхитителями совсобственности и лидерами преступной среды, поскольку от правоохранительных органов и те и другие несли существенные потери. И вот на одну из всесоюзных сходок, организованную воровскими авторитетами, приглашаются теневики. В результате достигается

принципиальная договоренность: воры берут на себя охрану цеховиков и прочих дельцов, а те выплачивают им 10-15 процентов от прибыли (в дальнейшем в ряде регионов ставка выросла до четверти от барыша). Таким образом, овцы оставались целы. А волки? А волки преступного мира свои деньги тоже стали пускать в дело. Более того, за определенную доплату принялись обеспечивать теневиков и такими услугами, как сбыт неучтенной продукции, ее сопровождение при транспортировке, борьба с конкурентами, слежка за попавшими под подозрение и т.д.

Свисток, не обремененный заботами, в середине 60-х вдруг вспомнил о сыне. Годы брали свое, и ему захотелось отыскать свой родной колос на безбрежном человеческом поле. Перво-наперво отправился в Каширу и много времени, энергии и денег ухлопал, прежде чем удалось ухватиться за ниточку. Катерина, работавшая в конце 20-х на кирпичном заводе, во время войны погибла под бомбежкой. Сын, судя по рассказам тех, кто ее еще помнил, пропал где-то в недрах ГУЛАГа, так как никаких сведений о его возвращении к родному очагу не имелось. Начались многочисленные запросы в архивы МВД. Положение дела облегчил тот факт, что Баламут оказался записан на фамилию отца. В тот момент он отбывал наказание в колонии небольшого городка Анжеро-Судженска, что в Кемеровской области.

Стояло лето 1969 года. В один из июльских дней Баламута в срочном порядке вызвали к начальнику колонии. По дороге он никак не мог понять, почему именно его персоной заинтересовался "хозяин". Толкнув дверь в кабинет, сдернул кепку с коротко остриженной головы и с ходу задал вопрос:

— Зачем вызывали?

Ничего не отвечая, начальник жестом пригласил присаживаться за приставной столик, по другую сторону которого расположился прилично одетый пожилой человек.

— Знакомьтесь, — прервал затянувшуюся было паузу хозяин кабинета. — Судя по всему, это ваш отец.

— Ну ты даешь, начальник! — только и выдохнул ошарашенный новостью Баламут, однако быстро пришел в себя: — То, что папаня у меня был, — это точно: про-

тив закона природы не поперешь. А вот то, что он у меня есть, — это ваши сказки.

У Свистка, не сводившего глаз с сына, внезапно, чуть ли не впервые в жизни, навернулись слезы, и, опустив голову на лежащие на столе руки, он беззвучно зарыдал. Пораженный Баламут застыл в недоумении.

Трое суток свидания пролетели незаметно. О многом было переговорено, и прежде всего каждый изложил биографию, обозначив не только жизненный путь, но и кредо. В итоге получалось, что и тот и другой честно идут по воровской жизни. Отец не завязывал с прошлым, а сын собирался отыграть за годы лагерной отсидки.

Расставались довольные друг другом. Свисток увозил с собой сыновнее обещание приехать к нему после освобождения, ждать которого оставалось меньше года...

Посылать телеграмму Баламут не стал, решил сначала осмотреться. Приехал в Самару, нашел нужную улицу и номер дома. Оценивающим взглядом окинул отцовы хоромы. Добротный кирпичный дом, крытый железом, производил хорошее впечатление. Забор надежный, калитка с прилаженным звонком.

Нажал на кнопку и, услышав залиvistый собачий лай, произвольно съезжился, вспомнив зону.

Свисток меж тем возлагал на сына большие надежды. По его задумке, именно под крыло Баламута должны были перейти городские карманники, себе же он отводил почетную роль советника и консультанта. Хотелось Свистку дожидаться и внука, а потому сразу по приезде из Анжеро-Судженска стал он присматривать Баламуту жену. Кандидатки вскоре обозначились, дело оставалось за ним.

Свадьбу сыграли честь по чести. В свой срок родился и малец — шустрый, ну вылитый дед, хотя многие черты унаследовал и от папаша.

— Не иначе как плачет по тебе тюрьма, — частенько приговаривал Свисток, выговаривая внучку за очередную проказу. И как в воду глядел.

С.КУЗЬМИН.

(Окончание следует).

**К 100-летию
со дня рождения С.Есенина**

“...Вся в крови душа”

Есенин — всенародная любовь и всенародная боль. Не юбилейным воодушевлением по случаю столетия со дня рождения поэта продиктованы эти строки, они констатация факта, не более. С того злощастного, по-петербургски сумеречного утра 28 декабря 1925 года, когда из гостиницы “Англетер” пришла горестная весть о самоубийстве Есенина, эти два чувства — любовь и боль — стали нераздельными в памяти о нем. В памяти сердца.

*Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.*

*Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте родину мою”.*

Казалось бы, восторг. А почему же — ком в горле? Да потому что мы, русские, во все времена предпочитали раю, каким бы доступным он ни был, свою многострадальную родину, и поэт, юный еще — стихи написаны в 1914 году, когда ему не исполнилось и девятнадцати, — уже осознанно лелеял в себе это. Любовь и боль сплавлены им в горниле души и шли в опоку стиха, его гибель лишь обнаружила высокое качество такого творчества — мы отозвались на нее именно обожанием и скорбью.

Вспомним Фета: “О, если б без слов сказаться душой было можно”. Из русских поэтов ближе всего к осуществлению та-

кого желания подошел, по-моему, именно Сергей Есенин. Еще в 1915 году, делясь впечатлениями о молодом поэте, известная строгостью и профессионализмом суждений Зинаида Гиппиус писала: “В стихах Есенина пленяет какая-то “сказанность” слов, слитность звука и значения...” Слово у него оказывалось — простите за парадокс — больше, чем слово. И не только из-за — скажу чужими словами — образа, в нем явленного. Оно у Есенина часть его самого, не написанное, а как бы содеянное:

Я сердцем никогда не лгу...

И в другом месте как пояснение:

А в сердце светит Русь.

В тихих заревых вечерах, в багрянце и золоте осени, в стозвонных зеленях и аржаном цвете полей, кроткой и воспрянувшей к новой жизни, она была пронзительной мила ему, как сыну земли, сыну хаты, и всегда одушевлена в образе, близком крестьянину:

*О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.*

И будущее ее представлялось ему сказочным царством крестьянского благополучия, мужицкой Инонией в духе раннего христианства — земным раем:

*Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланых коней.*

*С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.*

Поэма "Инония", из которой взято приведенное четверостишие, дала повод одиозной критике обвинить поэта в религиозности, в непонимании существа революционного преобразования мира. Боже, как все повторяемо. Да какое еще понимание нужно поэту кроме желания лучшей доли своим согражданам! Есенин надеялся, что приходит, недалеко уже время, когда, образно говоря, "люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего дерева, имя которому социализм". Наивно? Да. Утопично? Конечно! Иначе и быть не могло, ведь и сам социализм, как мы теперь знаем, оказался утопией. По крайней мере тот, который у нас проповедовался. Но и сейчас, перечитывая "Ключи Марии" (т.е. души), сочувствуешь поэту, мечтавшему увидеть воображаемый деревенский рай, где "нет податей за пашни" и избы крыты "кипарисовым тесом". Это не столько есенинская фантазия, сколько извечная надежда народа на лучшую жизнь, достойную труженика.

Упрек в религиозности вообще безоснователен, даже с позиции воинствующего атеизма. Во-первых, церковная терминология в "Инонии" и других повременных произведениях поэта выполняет мифологическую, сказочную функцию. Во-вторых, дает больше оснований обвинить автора в богохульстве:

*Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело
Выплываю изо рта.*

*Не хочу воспринять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.*

Это "иное учение" — не то ли самое, к которому так старались приобщить Есенина апостолы революции, и не в соответствии ли с ним наступал он на Бога:

*Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь...*

Но была тут одна заковыка: поэт уже определил себе место в завтрашнем, переустроенном мире — "пророк Есенин Сергей", чего никак не могли допустить "апостолы в кожанках". С этого момента и начинается пристальный (и пристрастный!) присмотр за его творчеством, и — за ним самим. Не из злых намерений пока, а

из любопытства — куда будет эволюционировать, в какую сторону.

А Есенин, захваченный бурей революции, дышал ее воздухом и с удивлением обнаруживал в самом себе привнесенные ею перемены:

*Небо — как колокол,
Месяц — язык.
Мать моя — родина,
Я — большевик.*

Пусть и внешние — как красный бант в праздник на будничном костюме. Но его поэзия становилась все же социально значимее, не утрачивая при этом лиричности и духовной свободы, идущей от стихии народного волнения — от крестьянского бунта, пугачевщины, что вскорости и поставят ему в вину пропагандисты Пролеткульта. Они думаются даже сопоставить строки из "Интернационала", тогдашнего гимна социалистической России: "Весь мир насилья мы разрушим до основанья..." — с есенинскими из "Певущего зова":

*Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!*

Пожалуй, именно реакцией на литературную политику Пролеткульта, вводившего "пролетарский режим" в литературе, и явилось острое противопоставление Есениным в "Ключах Марии" литературы "от осознания вечности" узкоклассовому искусству. В этой своей "декларации поэтического пути" он вообще восстает против марксистской опеки в идеологии: "Она строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове".

Нет, не он сворачивает с революционного пути, хотя и очень "окрестьяненного":

*Сойди, явись к нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.*

Но по этой колее уже бежал, "железной ноздрей храпя, на лапах чугунных поезд". А за ним, состязаясь, "как на празднике отчаянных гонок, тонкие ноги закидывая к голове", скакал... Да, красногривый жеребенок! И какая тужиль, какая щемящая жалость к живому и беззащитному вырывается из есенинской души:

*Милый, милый, смешной дуралей.
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он забыл, что живых коней
Победила стальная конница?*

Эта тужиль — кручина, печаль, тоска —

становится основным мотивом стихов и поэм Сергея Есенина, и тона ее меняются от светлого к сумерному. А критика — тут как тут: поэт-де погряз в патриархальности, не понимает, что "рабочий, руководящий революцией, уничтожая капитализм, совсем не намерен отказать в гостеприимстве железному гостю... его социализм — индустриальный, совсем не похожий на примитивную мужицкую "Инонию с сычевой брагой".

Что верно, то верно, но только отчасти. Дело не вполне в крушении мечты о мужичьем рае — Есенин увидел погибель, грозящую деревне вообще и земельной общине в частности. Ситуация, во многом схожая с нынешней. Вместе с разрушением сельского быта пресекались источники, питающие русскую национальную культуру, и кто сопротивлялся этому, хотя бы словесно, зачислялся в "попутчики", в чужаки, совсем недалеко, по "пролетарским" меркам, отстоящие от врагов революции. "...Идет совсем не тот социализм, о котором я думал", — с горечью признается в одном из писем. А в стихах запечатлевает не приемлемого им преобразователя: "Жилист мускул у дьявольской выи" — и уподобляет "гражданина села" волку, зажатому в тиски облавы:

*О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножку.
Как и ты — я, отсюда гонимый,
Средь железных врагов прохожу.*

"Нежная душа" ожесточилась", — справедливо замечает современный критик по поводу приведенных строк. И добавляет: "Вскоре сама жизнь заставит Есенина понять, что новый город и новая деревня — не враги, а друзья". И это после того, когда стало известно о массовых репрессиях против крестьян в начале тридцатых! Да крестьяне наши, кроме того, до 1956 года и паспортов не имели, а только "подушную" в правлении, поименный список то есть. Есенин почуствовал: "сдавили за шею деревню каменные руки шоссе". Мы видим: **удушили!**

Но не одно это повергло Есенина в уныние, понуждало к уходу от реального — отрешиться от всего, забыться:

*И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в глаза роковое...*

А оно страшило. "Веслами отрубленных рук вы гребетесь в страну грядущего", — говорит с укором и с вызовом. Понятно, в чей адрес. И спохватывается с ужасом:

*Что-то всеми навеки утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так падает мертвячиной
Над пропащей этой гутьбой.*

Критика заходила в брани: пьяница, дебошир, антисоветчик... Выводила на прямую наводку главный калибр — наркома просвещения Луначарского. В журнале "Печать и революция" он дал залп по сборнику стихов Есенина и двух его друзей-имажинистов "Золотой кипяток": "...Шарлатаны, желаящие морочить публику". Шарахнул с расчетом на оргвыводы. Ждал-пождал и... написал письмо в "Известия ВЦИК" (!), в котором заявил о сложении с себя звания председателя Всероссийского союза поэтов, т.к. этот союз "не протестовал против... протитурования таланта, вываленного, предварительного, в зловонной грязи".

До 1937-го было еще далековато. Но дорожка к нему мостилась, и некоторые из литераторов уже сучили ногами, нетерпеливо дожидаясь, когда можно будет на нее ступить.

Едва ли не первым вытоптал свой пяточок Ефим Алексеевич Придворов, в литературном мире — Демьян Бедный. Не громко, а под сурдинку — шепотом, но сурово! — извещал он о Есенине: пьяница, мол, и дебошир, куда смотрите? Терпите (это в Союзе поэтов), издаете (в издательствах). А раз Михаила Зенкевича, тогда еще рядового, по-настоящему не заявившего о себе писателя, "мобилизовал" против Есенина: посоветовал, отведя в сторону, подать в суд "за оскорбление национального достоинства" — поэт рассказал не очень подходящий анекдот. Просьбу заявителя уважили, но из-за незначительности проступка ответчика дело передали на рассмотрение общественности. В Союзе поэтов состоялось разбирательство, где "пострадавший" и выдал своего именитого советчика. Кончилось все тем, что после блестящей речи общественного защитника (им был критик Корнелий Зелинский) две девушки еврейки демонстративно взяли Есенина под руки и вывели из зала. Бедный жаловался потом Фурманову: "Такое ему спускали, ахнуть можно! Меня десять раз из партии выгнали бы... А его — холили вот, берегли!" Бахвалился: "Отойдет вот похоронная страда — лекцию прочту о нем... злую! Отхлещу от самого сердца!"

Мертвого-то? Не зря Фурманова комиссаром к Чапаеву ставили, с понятием человек: довел до потомков, не дал пропасть

мерзости Е. Придворова (жившего, кстати, "при дворе" — в кремлевской квартире) в отношении великого поэта. А может, и как укор самому неблагожелателю, возвращая его к есенинским "Стансам":

*Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.*

Вертелись у той налаживаемой "дороги в будущее" и ничевоки (было такое литдвижение ничегонесделавших), и заумники (творившие за умом, слившиеся позже с Лефом Маяковского), и пр., пр. Один из них, некто Алексей Крученых — ведом он вам? — оповещал о Есенине как о "кулаке на отдыхе". Попутно замечу: кулацкую психологию пришьют потом друзьям Есенина крестьянским поэтам Клычкову, Клюеву, Орешину, Приблудному и другим и — по вымощенной уже! — "поведут с веревкою на шею полюбить тоску".

Не буду множить примеры — очень уж не юбилейная статья выходит. Но что делать. Нас долго приучали к мысли: трагедия Есенина в богеме — вино, окружение и скандальный характер, — и разочаровании в революции из-за своего "крестьянского уклона" в ее восприятии. Он, дескать, и сам признавался:

*Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скользжу и падаю другою.*

Что тут скажешь, особенно человеку с дефицитом чувства юмора! Стихотворение "Русь уходящая" иронично, и "признания" автора в нем не более, чем прием, уловка в разговоре на извечную тему "отцы и дети":

*Я уходящих в грусти не виню,
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой розжью на корню
Остались догнывать и осыпаться.*

И нас сейчас сбивает с пути невосребованность опыта старших поколений в хозяйствовании и культурном строительстве — разрушаем да зачеркиваем! И в следующих за приведенными строками тоже не покаяние, а сарказм, адресованный кликушествующим неофитам:

*И я, я сам,
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.*

Это они, культовая прислуга новых хозяев России, думали так, а не он сам!

Впрочем, на сей счет заблуждались и люди, знающие цену улыбке и творчески достаточно искушенные. Неважно, намеренно или по недоразумению, если их заблуждения, скажем так, оказывались водой на колеса мельницы официальной критики, жерновами которой хотели перемолоть и ссыпать в общий сусек зерно поэтической индивидуальности.

В книге воспоминаний "Люди, годы, жизнь" Илья Эренбург в главе о Есенине резюмирует: "Признав в конце свое духовное поражение, он говорил:

*Принимаю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам.*

Он был счастлив".

Счастлив, что, сдавшись, не разоружился — оставил при себе свое поэтическое оружие, лиру? Какое же это поражение? Тем более дальше-то и вообще вызов: "Я не отдам ее в чужие руки... Лишь только мне она свои вверяла звуки..." Что же это за победители, раз позволяют такое побежденному?

Все куда проще: не воевал Есенин с властью! Критиковал, случалось, но порой, роднясь как бы, возлагал на нее свои вины:

*Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.*

"Есенин был дальновиден и умен, — засвидетельствовал хорошо знавший и любивший его Александр Воронский, редактор первого советского толстого литературного журнала, охотно и помногу печатавший поэта. — Он никогда не был таким наивным ни в вопросах политической борьбы, ни в вопросах художественной жизни, каким он представляется иным простакам". Эти качества вкупе с талантом, добавлю от себя, помогли Есенину сохранить свое творческое лицо, взрослея, а не перерождаясь. И это раздражало конъюнктурщиков, даже весьма и весьма даровитых, — в его присутствии лавры официального признания на их головах выглядели не совсем убедительно.

Думаю, эту неловкость испытывал и Владимир Маяковский. Не потому ли Эренбург в упомянутой книге воспоминаний счел нужным посочувствовать ему:

365

"Маяковскому пришлось бороться с непониманием, издевками одних, душевным холодом других, а Есенина любили при жизни. Были в его стихах та сердечность, то необыкновенное звучание, которые покоряли даже людей, против него настроенных..." Известен и разговор Маяковского с Есениным: "Вам хорошо, Сергей Александрович, вас охотно печатают, а мне придется лбом прошибать двери редакций".

Что ж, способ, как говорится, не из лучших, но все же давал неплохие результаты: печатали, платили... Вскоре и Есенина не стало. Но — остались его стихи! Их тоже печатали, большими тиражами, и, главное, охотнее раскупали. И Маяковский засучил рукава. Не столько для работы, сколько для борьбы со стихами безответного теперь уж поэта. Возмущался на высоком собрании: "Тов. Полонский (редактор журналов "Новый мир" и "Красная нива". — Е.Е.) радовался, что Есенин — распространенный писатель. Дай Бог такому писателю поменьше распространения". Гордился: "Была колоссальная задача побороть упадочническую лирику Есенина утверждением бодрости и трудности жизни. Выполнили ли это задание? Выполнили. И здесь битьем по упадочным настроениям были мои стихи Есенину". Сожалел о себе: "...Лежал бы в том самом гробике, в котором лежит Сергей Есенин, и мои книги имели бы такой тираж, какой имеют книжки Сергея Есенина".

Здесь нет возможности подробней остановиться на этой недостойной стороне деятельности "горлана-главаря", как под конец жизни назвал себя сам Маяковский. Замечу только: не без его поистине титанических усилий у нас всячески старались предать забвению и самого Есенина, и его поэзию. Но тщетно. Его стихи, верно заметил кто-то, как трава в романе Льва Толстого "Воскресение": сколько ни старались заглушить ее — замостить, вытоптать, она все равно находила дорогу к свету. Долгим было это пробуждение: только в 1955 году поклонники поэта смогли открыто отметить его юбилей. Спустя тридцать лет после смерти! В этот срок как раз уместилась вся его жизнь. А стихи продолжали волновать людей: редко-редко издававшиеся, они расходились по стране — из тетрадочки в тетрадочку. С письмами родных и любимых попадали даже на фронт. Цензура, говорят, не вымарывала их — понимали и там, как необходимы бойцу на краю гибели проникновенные слова о

доме, о матери, о возлюбленной — о том, что и составляет понятие "Родина".

Я, кажется, забежал вперед. Не только Эренбург поведал нам о прижизненной, не сравнимой ни с чьей славой Есенина как поэта. Я теряюсь, был ли вообще кто, не обмолвившийся об этом. Не вышел из ряда и Виктор Шкловский. Он только подчеркнул, как бы поставив точку: "Заслуженная слава". И тут же с присущей ему парадоксальностью обронил: "Дома в городе Есенин не завел". Да, поэт так и не заимел своего угла: московские власти ни за что не хотели выделить ему жилье. Хотя бы комнату. Сильная была власть в столице. Калинин, председатель ВЦИК, добивался, а Каменев, председатель Моссовета всего-то, не дал. Не посчитал нужным. Так и ютился Есенин где придется, у друзей и знакомых, если не удавалось снять комнату. И сестер, взятых на иждивение, таскал за собой. Даже мертвого некуда было привезти — из гостиницы, со смертного одра, сразу в Дом печати, для прощания.

Слава бесквартирника была не меньше, чем слава поэта. А еще — слава гуляки, слава неблагонадежного. Много "слав". Дурную частенько запускали вперед него. Николай Полетаев, поэт, вспоминал, как на каком-то литературном вечере услышал, что в помещение "рвется и скандалит" Сергей Есенин. "Я сейчас же вышел. Есенин был... трезвый". И не один, а с Казимым! Ах люди, люди...

Открываю сборничек поэта, давний, 1924 года, прижизненный еще, "Москва кабацкая". Сколько шумели по поводу его выхода, какие только ярлыки не навешивали на автора, а читаешь — и замирает сердце. От нежности — то ли к самому себе, то ли к пережитому: "Худощавый и низкорослый, Средь мальчишек всегда герой, Часто, часто с разбитым носом Приходил я к себе домой". И заземит ретивое от любви к величайшему нашему лирику и от пережитой им боли:

*Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа...*

И никогда не избыть нам в себе вины перед ним.

Е. ЕРХОВ,
член Союза писателей России.

Поэт, художник, скульптор. Из ярких искр многогранного таланта Виктора Михайловича Гончарова сотканы его книги, картины, скульптуры. Всю свою жизнь поэт-фронтовик посвятил великому служению красоте. Свое видение мира, ощущение неразрывной связи с ним он передал многим молодым поэтам и писателям, руководя поэтическими семинарами литераторов внутренних войск.

В сентябре Виктору Михайловичу Гончарову исполняется 75 лет. Мы горячо поздравляем юбиляра с этой большой датой и надеемся на новые встречи с ним и его замечательным творчеством.

Виктор ГОНЧАРОВ

“Мой каждый день хоть чем-нибудь да людям пригодится”

Полчаса

Часы мои вперед бегут
На целых полчаса.
И начали твориться тут
Со мною чудеса.
Носил я их сто раз чинить,
Но все равно спешат.
Я долго думал, как мне быть,
Бедой к стене прижат.
И сам сказал тогда себе,
Расправивши усы:
— Пешком, на лешем, на арбе,
Но догоню часы.
Все в жизни стало трын-трава.
В тельняшке налегке
Бегу неделю, месяц, два
С часами на руке.
Миную реки и леса,
Бескрайней тундры гладь,
Но этих жалких полчаса
Я не могу догнать.
И мне теперь уже нельзя
Никак остановиться:
Быть может, в этих полчасах
Моя любовь хранится.

Песчинка

А ты садись ко мне, садись
Скорее на колени.
На нартах
Тундрой понесут
Нас быстрые олени.
Полярной ночью голубой
Под звездами немymi
В снегах безмоленных
Хоть на миг
Мы станем неземными.
Люби меня, люби меня
Горячими губами.
Мне жарко меж холодных звезд
И стылыми снегами.
Мы две песчиночки сейчас
На дне чудес с тобою,
В огромной раковине мы
Меж небом и землею.
Гоните тундру быстреей
Сквозь голубые тени,
Бросайте паром из ноздрей,
Рогатые олени.
Дай Бог,
Чтоб нас
В морозной тьме

Не обманули дали.
Дай Бог, чтоб мы,
Песчинки две,
Жемчужинами стали.

Воробей

— О чем ты чирикаешь все, воробей?
— О ней, — он ответил мне, —
Только о ней.
Она у меня
Среди стаек лихих
Красивей и лучше
Из всех воробьих.
Я:
— Чем она лучше? —
Спросил воробья.
— А тем, что люблю ее
Искренне я.
И, прыгнув от радости
С ветки на ветку,
На лысину мне
Он поставил отметку.

Охота

Я был с ружьем, но без собак,
И вот меж камышами
Увидел то, что мне никак
Не описать словами.
Не то чтобы в нее стрелять,
В такую сизокрылую,
Я даже перестал дышать,
Любуясь сказкой милою.
Тогда-то там со мной в кустах
Такой момент случился,
Не знаю как, себе на страх
Я в гуся обратился.
И кто-то из моих друзей
В меня заряд всадил.
— Люблю! — я, помню, крикнул ей
И рухнул вниз без сил.
Каким-то образом потом
Я снова стал собой.
Вернулся будто в отчий дом,
Живу,
Но не живой...
Мы с вами шли тогда стрелять
Гусей на перелете,
Но я не мог предполагать,
Что вы меня убьете.

Как на земле...

Там вечный вечер, нету дня.
Надежды очень мало,
Но я хочу, чтоб ты меня
И там средь всех узнала.
Чижонком, перышки в крови
От вечного заката,
Я спел бы песню о любви,
Как на земле когда-то.

Вчерашний день

Упорно я искал и вот
Нашел вчерашний день.
В нем было то, что я забыл:
Как побеждают лень.
Я обнаружил нужный день
Средь хлама, что на выброс.
И на глазах моих тогда
Он в мальчугана вырос.
— Отец! — он крикнул
И обнял
Ручонками за шею.
Я улыбнулся.
— Мальчик мой,
Я плакать не умею.
— Отец, скажи, что я теперь
Не буду сиротою.
Все дни мои живут с тех пор
Всю жизнь мою со мною.
Ни одного не потерял,
Чтоб он пропал без дела.
Наверняка так Бог велел,
И так судьба хотела.
Я каждым днем своим могу
Хвалиться и гордиться,
Мой каждый день хоть чем-нибудь
Да людям пригодится.

Расплата

Сюда он приехал
Не просто для дела,
А чтоб, уцелев,
Убежать от расстрела.
При полном здоровье теперь
И на воле
Для жизни ему
Здесь раздольное поле.
Дела те, что были,
И трупы забыты.
И грязные деньги
Успешно отмыты.
Фигурой он сделался
Очень большой,
Красивая девочка
Стала женой.
Но мальчик с рожденья
У них инвалид.
Все видит, все слышит,
Но не говорит.
Как будто он что-то
Ужасное знает,
Как будто какую-то тайну
Скрывает.
Отмытые деньги,
Отмытая совесть, —
Пока никому
Не известная повесть...

**С. ПЫЛЕВ,
В. САМОВАРЩИКОВ**

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ ЗАДОРИНА

(Из рассказов чекиста Жихарева)

Постоянный читатель нашего журнала, вероятно, помнит, что несколько лет назад мы уже публиковали один из рассказов этого цикла — "Актриса". Герой его, лейтенант Жихарев, в послевоенные годы приходит на работу в органы внутренних дел, занимается в отделе опытного чекиста Ивана Егоровича Задорина борьбой с бандитизмом. При ликвидации одной из банд он получает ранение, попадает в госпиталь... О событиях, последовавших за этим, и идет речь в данном рассказе.

Выписался я из госпиталя в апреле сорок восьмого. Иван Егорович обзрел меня с ног до головы и предложил:

— Может, Федя, отдохнешь, под южным солнцем понежишься?

— Нет, — отвечаю, — отдохнул по самую завязку. Полгода на кроватях валялся.

— Тогда неделю на разминку — и за работу, — согласился довольный Задорин. — Ее у нас, как всегда, невпроворот.

За эту неделю я вошел в курс оперативной обстановки и под началом капитана Николая Крюкова приступил к делу. А оно было такое. Возвращался с курорта руководящий товарищ. С поезда, который поздним вечером на вокзал прибыл, направились они с женой в ресторан. Там он супругу свою оставил, а сам решил выйти посмотреть, не пришла ли за ним машина. Его еще дежурный по вокзалу предупредил, что долго по привокзальной площади

ходить не следует, небезопасно в городе в ночное время. Но руководящий, он и есть руководящий, кивнул снисходительно и вышел на улицу. А там его словно ждали, всадили в грудь нож по самую рукоятку, выгребли все из карманов кожаного пальто...

История была бы почти заурядной, если б не это самое кожаное пальто. Анализ оперативной обстановки показывал: за последнее время подавляющее большинство пострадавших от воров и убийц были одеты именно в кожаные регланы. И во всем этом не было пока найдено ни одной зацепки, которая вела бы нас к разгадке. Вот почему, принимая дело, я глубоко вздохнул и сам себе горько сказал: "Завязну, ой, завязну".

Первые же дни работы показали, что я был недалек от истины. Впрочем, как и другие мои коллеги, занимающиеся кожанками. Майор Задорин — и тот не знал, с какого боку подступиться к этой задаче. Он даже подсадных уток из нас делал: надевали мы такие же пальто, ходили по ночным улицам...

Освещение тогда не ахти какое было, свернул в переулок — и хоть глаз выколи, ничего не видно. Выработали мы для таких прогулок своеобразную тактику: один впереди, двое-трое крепких ребят сзади. Так и бороздили город около месяца. За это время без малого тридцать на-

летчиков обезвредили, и когда таким образом город почистили, четче обозначились действия одной устойчивой банды.

В разгар этих оперативных мероприятий вызывает меня капитан Мелков и приказывает поехать в областной центр. Положил я в шикарный трофейный чемодан необходимые пожитки и — в дорогу. Прибыл, получил там пакеты, густо залепленные сургучными печатями, и тронулся в обратный путь.

Добрался на пассажирском до узловой, кинулся на вокзал, а поезд уже ушел. Я — к первому встречному железнодорожнику: как быть? Он посоветовал идти на товарную и воспользоваться там какой-нибудь оказией. Так и поступил.

И вот стою я на тормозной площадке товарняка, радуюсь, что не пришлось целые сутки коротать на вокзале. Состав тем временем сбавил скорость на подъеме. Вижу, вскакивают в вагон двое мужчин, один молодой, другой лет на семь-восемь постарше, под тридцать, не более. Получилось так, что я находился с левой стороны по ходу поезда, а они с правой. Смотрят то на мой коричневый новенький реглан, то на чемодан, и, замечая, не просто из чистого любопытства смотрят. От них до меня расстояние в один прыжок, и его они собираются сделать. Я браунинг выхватил, гаркнул: кто, мол, хоть шевельнется, уложу на месте!

Их как ветром сдуло. Я кинулся было за ними, да вспомнил о пакетах с сургучом, будь они неладны. Так и упустил бандюг. И

всю оставшуюся часть пути думал, что им больше приглянулось: чемодан или кожаное пальто? Если пальто, то совпадение это или закономерное продолжение тех преступлений, над разгадкой которых мы ломаем головы?

...Задорин, выслушав меня предельно внимательно, сказал:

— Попусту гадать не будем. Так или иначе, ты все равно действовал правильно.

— Да как же правильно, если ушли эти двое?! Зла не хватает на чертовы пакеты! Если бы не они...

— Правильно действовал, — повторил Задорин. — Случилось бы что с документами, начальство бы нам головы снесло: "Почему везли без надлежащей охраны, да на товарняке, почему нарушили строжайшие инструкции?" А без голов мы банду уж точно не ликвидируем. Ты их хорошо срисовал?

— В полном объеме, — заверил я.

— Садись за рапорт. Время, детали встречи, их словесные портреты — все отрази.

В ту ночь было совершено еще одно убийство, и снова человека в кожанке. Мы приехали к месту происшествия через считанные минуты после получения тревожного сигнала. Пострадавший не успел сообщить ничего конкретного. Сказал: "Из ресторана вышел..." — и умер.

В последующие дни мы опять буквально перелопатили весь город, но... Вот тогда

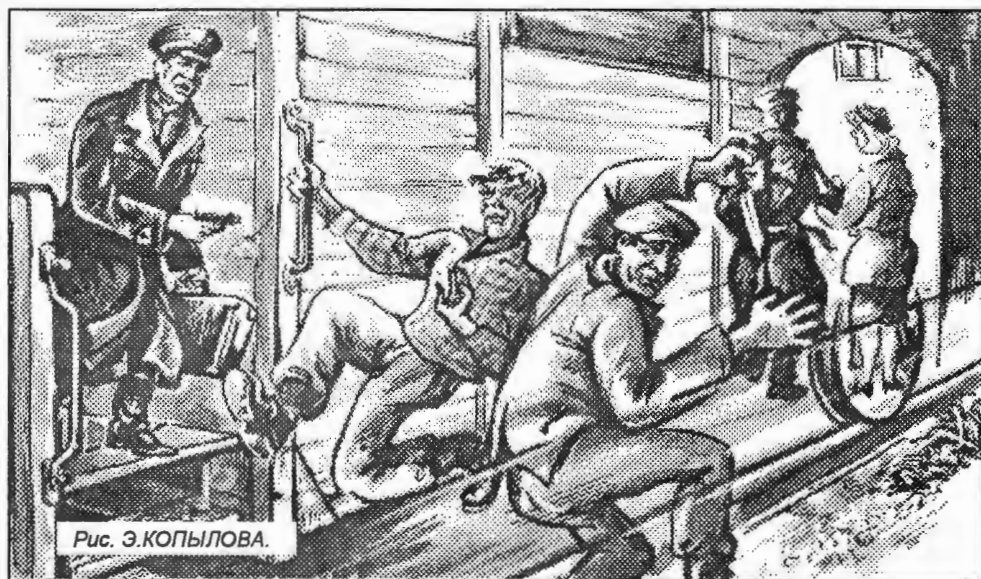

Рис. Э. КОПЫЛОВА.

Иван Егорович и принял решение усилить наблюдение за всеми увеселительными объектами, которые работают по ночам.

Ресторан "Неман" был закреплен за мной и Николаем Крюковым. Зачастили мы туда ужинать. Сидим как-то раз в самый что ни на есть час пик — вокруг дым коромыслом, с эстрады музыка гремит, привычная, в общем, обстановка — и улыбаясь наблюдаем, как один пожилой майор вовсю разгулялся. И песни заказывает, и соседей водкой угощает, а на его столе целая батарея бутылок выстроилась. И начала возле него виться девица одна, крупная такая особа, и повадки до того характерные, что Крюков без труда определил:

— Снимает фраера. Будь здоров почистит его сегодня.

— Да, — кивнул я. — Жалко мужика, фронтовик, наверное, войну прошел, а на бабе подорвется. Давай его подстрахуем, на всякий случай.

Майор уже расплатился с официантом, пошел со спутницей к гардеробу, мы за ними... Смотрим, гардеробщик помогает военному скрипучее кожаное пальто надеть. Мы многозначительно переглянулись: не зря, мол, такое решение приняли.

На ночной улице ни души. Это плохо, конечно: засветиться можем. Приходится топтать аж метрах в пятидесяти от пары. Если девица — своеобразная наживка, то ее наверняка или сопровождают, или ждут в условленном месте. Коль верно первое предположение, то опытным бандитам ничего не стоит засечь нас...

Сворачиваем в один переулок, другой, чтобы не потерять из виду пару, невольно сокращаем дистанцию. Стоп! У четырехэтажного жилого дома майор со спутницей остановились, говорят о чем-то, он головой кивает... А она внезапно для нас резко поворачивается на каблучках и бегом скрывается под темной аркой дома.

Не хватало еще, чтоб и майор в темноте затерялся. Мы подходим к нему.

— Огоньку не найдется? — спрашивает Николай.

Тот протянул ему трофейную немецкую зажигалку:

— Найдется. Память о Берлине.

— Так и я его штурмовал!

— Точно? — Майор, узнав, что часть Николая действовала по соседству с ними, полез целоваться, тут же предложил вернуться в ресторан и выпить за знакомство. Я спросил:

— Так жена же ваша, мы видели, убежала куда-то, как же мы без нее пойдём?

— Людка? Да какая она жена! — махнул рукой майор. — Мы с ней только познакомились. Все в гости звала, на чай, я уж было согласился, а она ни с того ни с сего смылась.

Все ясно: как того и опасались, засветились мы, и девка получила не увиденный нами сигнал сматываться.

— Так где тут выпить можно, ребята?

— Пойдем, есть одно место...

И мы повели нашего нового знакомого к военной комендатуре. Он понял это только тогда, когда увидел офицеров с альмами повязками на рукавах, и с обидой произнес:

— Своего брата-фронтовика продаете, а? Как же так?

— Продаем? Лучше спасибо скажи: мы тебя от верной смерти спасли, — произнес Николай. И уже в присутствии помощника коменданта продолжил: — Давайте теперь поближе познакомимся. Вот наши документы, прошу, товарищ майор, предъявить свое удостоверение, ответить на наши вопросы, а потом сесть и написать рапорт на имя майора Задорина о том, где вы познакомились с девицей, что узнали о ней, о чем говорили...

Покончив с формальностями, мы на машине военной комендатуры подбросили майора до его дома, а сами направились в отдел: отсыпаться было некогда, уже светало. Утром нас вызвал капитан Мелков и, поочередно выслушав, заметил:

— Возможно, это зацепка. Но не исключено, что нет в этой истории ничего криминального. Раздумала девка мужика к себе вести, вот и все. Разве не бывает такого? Но проработаем этот случай. А пока такая у нас новость: из центра прибыл генерал Долбилев, будет инспектировать нашу работу...

Вскоре после той инспекции Ивана Егоровича от нас забрали, на высшую должность поставили, а его место занял Мелков.

Шло время, а дело наше с мертвой точки не сдвинулось. И вот однажды сидим мы в гарнизонном Доме офицеров, слушаем оратора, и вдруг нашему Мелкову поступает записка из президиума. Развернул он ее — и мигом на сцену. Назвал с десятком фамилий, скомандовал: "На выезд".

За городом увидели мы удручающую картину: моторная часть крытого "студера" взрывом разворочена, изрешеченный

368

тент дымится, а из ковета жалобный стон доносится. У подорвавшейся на mine автомашины стоял коренастый сержант с перебинтованной рукой, глубокими затылками курил папиросу, а чуть поодаль на разостланных плащ-палатках сидели два солдата, возле которых суетились медики.

— Сержанта надо задокументировать, — сухо, по-казенному сказал мне Мелков, а сам зашагал к медикам.

Сержант оказался бывалым человеком. Почти год воевал в полковой разведке, добыл пять языков.

— ...Мина была управляемой, — рассказывал сержант. — Нас обогнал такой же крытый "студик", потом ЗИС. Они не подорвались, а вот мы... Меня взрывом из кабины выбросило, я выхватил ТТ, залег... Напавших не видел, они вели огонь слева и справа из-за кустов. По-моему, били из "шмайссеров" — звук у них особенный, лающий. Потом ударили фаустпатроном. Вот тут-то меня и задело.

Сержант показал на местности свою позицию. Огромный ствол сосны примерно в полуметре от земли был расщеплен. У основания его выгорела трава.

— Отсюда я отстреливался. Не пойму, как в живых остался.

— Как же вы ориентировались, если противника не видели? — спросил я.

— Так по звукам и по листве, — уверенно ответил сержант. — Голосов ничьих я не слышал, но выстрелы-то хлопали, веточки обламывались... Вот и бил туда, пока не потерял сознание.

— А потом?

— А что потом? Потом меня тишина поразила. Ну, решил, все, на небесах я уже. Шевельнулся чуть — сухая ветка под мной треснула. Ага, думаю, живу. И полез, как мог — ноги в первые минуты совершенно не слушались, — в кузов машины посмотреть, что с грузом. При погрузке мы три мешка положили у правого борта. А теперь их не оказалось.

— Мешки с деньгами были? — спросил я.

— Это знал только сопровождающий, а он исчез.

Когда мы с сержантом подошли к машине, возле нее уже находились представители финансовых органов, кто-то из начальства войсковой части и капитан Мелков.

Я доложил ему о результатах допроса,

заметил, что сержанта надо госпитализировать, и направился к легковушке. У нее меня поджидал круглолицый солдат с копушками на носу.

— Товарищ... — он посмотрел на мой штатский костюм и загнулся.

— Жихарев, — подсказал я.

— Товарищ Жихарев, рядовой Гриб приехал в ваше распоряжение.

— Откуда родом? — спросил я.

— Рязанский.

— Так это у вас в Рязани грибы с глазами?

— Их ядять, а они глядят, — солдат расплылся в улыбке.

— Хорошо говоришь. Но теперь, рядовой Гриб, шулки в сторону. Слушай меня внимательно. Выдерживаешь дистанцию и идешь строго по моему следу. Если что заметишь, сразу дай знать. Но сам никакой инициативы не проявляй.

— Понял, — солдат поправил ремень автомата, глаза его сразу стали серьезными.

Позицию налетчиков, о которой говорил сержант, я нашел без труда. Она находилась в двадцати шагах от обочины дороги, где вперемежку с разлапистыми елями рос молодой березняк. По сломанным веткам и сильно примятой траве, успевшей завянуть, я определил, что бандиты заранее подготовили сектор наблюдения и обстрела. Вокруг валялось много пустых гильз. Судя по ним, стреляли из двух "шмайссеров" и одного МП-40. Я велел солдату собирать гильзы, а сам направился в ту сторону, куда уходили бандиты. Сначала они шли след в след, потом побежали, рассыпавшись веером. За всеми вмятинами на сырой земле уследить было трудно, но один след я все же выделил. Видно, оставил его грузный мужик.левой ногой он ступал с вывертом во внутреннюю сторону, как бы срезая грунт каблучком.

Следы вывели меня на проселочную дорогу. День был базарный, и я ожидал встретить продавцов и покупателей, пеших и на лошадях, но, как назло, полчасика прождал напрасно. Потом сообразил почему: на базар ведь едут чуть свет, обратно — к вечеру. А сейчас разгар дня...

Я чертыхнулся с досады и решил повторно отработать следы. Подошел к ползющему на четвереньках меж следов бандитов Грибу. Спросил:

— Как успехи, следопыт?

Солдат выпрямился, поправил автомат:

— Бежали трое, товарищ Жихарев. И кое-что при этом потеряли. Смотрите.

И он показал мне фашистский офицерский парадный кортик с надписью вдоль лезвия: "Кровь и честь".

Находку я завернул в газету. Мы еще некоторое время осматривали этот участок местности, больше ничего примечательного не нашли и пошли назад, к тому месту, где обстреляли машину. Тут уже начальства прибавилось: стояли "оппели", "хорьхи", "майбахи", возле них важно покуривали шоферы. Само же начальство стояло группой на обочине дороги. Там был и капитан Мелков. Увидев меня, он сказал кому-то:

— Один сотрудник уже вернулся... Жихарев, подойдите, доложите, что увидели.

Среди старших офицеров я увидел уже знакомого по недавней инспекции генерала Долбилова. Ему-то и начал рассказывать, что мы с рядовым Грибом смогли установить. Показал стреляные гильзы, кортик.

В разговор вступил высокий худощавый полковник:

— Надо основательно прочесать всю местность, авось еще что интересное найдем.

— Думаю, это не даст результатов, — спокойно возразил капитан Мелков.

Полковнику, видно, не понравилось, что с ним заговорили в таком тоне:

— Почему вы противитесь этому предложению? — кичливо спросил он.

— А действительно, почему? — взглянул на Мелкова генерал.

— Солдаты — не розыскники, толку от такой операции не будет. Потратим лишь время и силы.

В свои кабинеты мы вернулись только к вечеру. Мелков дал каждому два часа собраться с мыслями и высказать свои соображения о том, как нам разгадать загадку с обстрелом машины. Первым докладывал Николай Крюков:

— Моя версия простая, — сказал он. — Надо начинать с сопровождавшего груз...

Эта версия и была принята за основную, раскручивать ее стала группа, где старшим назначили Крюкова. Меня Мелков ни в какую группу не включил. Он заинтересовался тем, что предложил я. Обстрелянный "студер" оказался из той самой части, где служил майор, с которым мы беседовали ночью в комендатуре. Я уже знал, что

фамилия его была Ханжилин Влас Семенович, должность — заместитель командира части. Лишь на уровне интуиции виделась мне связь между попадением на машину и выпившим офицером с девицей, неожиданно убежавшей от него в темноту...

Я прибыл на КПП и попросил позвать Ханжилина. Дежурный, изучив мое удостоверение, сказал:

— Этот майор уже уволился. Если вам нужен кто-нибудь из командования, то можете встретиться с политработником.

Политработник, невысокий, с умными карими глазами, видно, из приписников, оставленных после войны в кадрах армии, сообщил, что Ханжилина официально уволили по его личной просьбе, но на самом деле — за аморальное поведение. Неоднократно приходила в часть и жаловалась на мужа его жена: гуляет, мол, напропалую, выпивает, сквернословит. А тут еще и бумага из комендатуры пришла...

— В общем, ушел от нас Ханжилин, и мне показалось, без малейшего сожаления. Так сказать, с улыбкой на устах. Если хотите посмотреть материалы суда офицерской чести, то пожалуйста: вот папка...

После этого мы опять посоветовались с Мелковым и выработали программу действий на ближайшее время. Надо было установить нынешнее место жительства Ханжилина — от жены он съехал, — встретиться с ним еще раз, узнать, не было ли у него новых встреч с той ночной спутницей. И попробовать выйти на эту барышню самим: "просеять" дом, возле которого она рассталась с майором. Для этого надо прежде всего состыковаться с участковым. Там он человек опытный, своих жильцов знает хорошо...

И вот я уже расположился в его кабинете, передо мной сидит высокая дебелая женщина лет шестидесяти, а сам участковый пристроился на стуле у окна. Он и начинает разговор.

— Вы, гражданка Семакова, все время людей к себе на постой пускаете, так? Так. Мы знаем, что жила у вас полгода назад девушка по имени Людмила, моложавая, симпатичная.

— Помню, а как же!

— Мужиков часто приводила?

— Людка-то? Бог с вами! Только одного, и то потому, что у них серьезно все было, расписаться они думали.

— Что, тоже красавец мужчина?

Женщина кисло улыбнулась:

— Какой там... Только и того, что военный. А так и старше ее намного, и живот как у бабы беременной. Да и пьет еще.

— И что, поженились они? — задал вопрос уже я.

— Не знаю, врать не буду. Съехала она от меня, больше не встречались. И съехала как-то неожиданно. Перед этим сутки где-то пропадала, потом пришла ночью, забрала чемоданчик, попрощалась, расплатилась... Все по-доброму получилось.

— А военный к вам больше не заходил?

— Миленький, — расплылась в улыбку женщина. — Нешто я нужна военному? Вот сбросить бы лет сорок... — И уже серьезно добавила: — Правда, другие двое заходили, тоже офицеры. Один чернявенький, шустрый, другой седой, пожилой уже. Расспрашивали меня и о Людмиле, и об ухажере ее. Я им все, как сейчас вам, рассказала. Кто они, откуда — не знаю, не спрашивала...

Ханжилин, оказывается, уехал из Москвы, жил теперь в небольшом курортном городишке. Мелков подпужал мне туда командировку и напоследок сказал:

— Знаешь, что меня удивляет? Что майор так легко со службой простился. Ему ведь до выхода на пенсию меньше двух лет оставалось, а он, я так понимаю, сам инициатором своего ухода стал. Ты обрати на это внимание.

Встреча с бывшим офицером дала мне много новой информации. Мы сидели с ним в беседке, он одну за другой курил сигареты и разговор начал так:

— Теперь я далеко от столицы, от своих былых страхов, потому расскажу все как есть. Вот ведь как получилось: войну прошел, нигде не дрейфил, а тут... В общем, влип я, Жихарев, с этой девкой...

Поначалу все нормально было. Через пару дней после того случая в ресторане опять встречаться начали, в кино ходили, по городу, спать вместе стали. Но почувствовал Ханжилин, что разговоры их мало похожи на щебет влюбленных. Людмилу больше его служебные дела интересовали: что часть охраняет, что перевозит. Правда, поначалу это майору даже нравилось: вот, мол, какая подружка, безразлично ей то, чем военный человек занимается. Вот и рассказывал и что можно, и нельзя. А потом она его познакомила со своими товарищами, которые за ресторанными столиками уже форменные допросы устраивать начали: куда завтра машины выедут, с каким грузом, кто их сопро-

вождать будет, чем солдаты вооружены... Ханжилин попробовал было возмутиться, а они: молчи, мужик, мы по твоим наводкам уже славно поработали, так что загремишь под фанфары только так...

— Жил я, Жихарев, как на мушке у врага. Потому и обрадовался, что появился шанс вырваться из порочного круга. Про то, что увольняюсь, естественно, никому ни слова не сказал, а как только рассчитался со службой, получил на руки необходимые бумаги — рванул сюда. Думал, никому уже не буду нужен, никто меня тут не разыщет, да, видать, ошибся. Что меня дальше ждет?

Я вспомнил расстрелянную машину, похищенные деньги и ответил честно:

— Прокурор скажет.

Вернулся в Москву, захожу в отдел — а там гость, Иван Егорович Задорин. Получил он досрочно подполковника, но выглядел не очень радостным. Собрал сотрудников, сказал:

— Из-за вас, чертей, отпуск мне прервали. Высокое начальство прислало на прорыв, давать ценные указания. Конечно, понимаю, что если буду сейчас во все лезть, то помехой стану, потому никаких указаний от меня не ждите. Но отчеты ваши выслушаю...

В доклады старших групп он вникал досконально. Последним делал сообщение я. Оно Задорина очень заинтересовало.

— Возможно, это не та банда, которая на кожанки охотится, но я уверен: мы ухватились за ниточку клубка, что тянется от происшествия с военной машиной и похищением денег. Потому задача номер один — найти Людмилу, если это ее настоящее имя. Тут буду помогать чем могу. Все Людмилы и прочие красавицы, представляющие оперативный интерес, будут тщательно проверены. Только не обозначьтесь с Крюковым, которая — та. А пока мне нужны ее приметы. Надеюсь, ты у Ханжилина расспросил, где там у нее шрамик, где родинка?..

Прошла всего неделя, и вот я сижу в кабинете Ивана Егоровича, рассматриваю фотографию некой Кристины Яновны Гук. У меня неплохая зрительная память, и я просто уверен, что вижу сейчас снимок той самой Людмилы, которая уходила из ресторана "Неман" с майором Ханжилиным.

— Она это, товарищ подполковник!

Задорин удовлетворенно потер ладони:

— Семакова тоже ее узнала, и соседи Семаковой. Вот только больно радовать-

ся не приходится. В бегах эта девка. Выходим мы сейчас на тех, с кем она, так сказать, работала, но... Но и твоя помощь нужна, Жихарев. Вот, возьми стопку этих книг и брошюр, прочти внимательно, вникни в суть.

Литература, которую мне дал Задорин, касалась основ государственного страхования. Я недоуменно пожал плечами и растерянно взглянул на Задорина. Тот, видя мою реакцию, улыбнулся, пояснил:

— Родители Кристины-Людмилы проживают в районе Узловой. Вот туда вы с Крюковым и поедете как страховые агенты. Вживайтесь в образ.

...Для начала мы с Николаем посетили несколько соседних домов, потом направились к Гукам. Постучали в калитку. Женщина, копавшаяся в палисаднике, выпрямилась, близоруко прищурилась, проговорила:

— Входите, не замкнуто.

— Страхуем от всяких бед с выгодой для населения... — начал я, но женщина меня перебила:

— В хату пойдёте. Такие разговоры наспех не ведутся.

Одна стена большой комнаты, куда нас завела хозяйка, была завешана фотографиями. Мельком, но по привычке цепко оглядев их, я вздрогнул. На семейной фотографии, где были запечатлены хозяйка, пожилой мужчина, видно, ее муж, я увидел... Нет, не Кристину-Людмилу, а широкоплечего молодого парня в клетчатой рубашке. Это был один из тех, кто пытался на меня напасть на тормозной площадке товарняка.

— Мамаша, дайте нам кружку воды, — попросил Николай.

Как только женщина вышла, он спросил тихо:

— Узнал кого, что ли?

— Узнал. Тип, что на семейном снимке, — мы с ним в поезде stalkивались.

— А обратил внимание, что фотографий дочери нет? Но есть голые квадраты обоев, явно от снятых снимков...

Мы выпили воду, поблагодарили хозяйку, высказали сожаление, что не захотела страховаться, и пошли в соседние дома. Так и работали агентами по страхованию до вечера, естественно, не преуспев в этом деле. Ночевать решили остаться в этом же селении. Когда стемнело, Николай пробрался к бане, выстроенной в огороде Гуков, я же притаился за стеной

сарая, который был поближе к крыльцу дома. Но что толку-то, если хозяин и хозяйка на улице не выйдут, сидят в освещенной комнате за столом, пьют чай, разговаривают о чем-то. Гук то и дело приближает лицо к окну, зачем-то пристально смотрит в сторону баньки. Неужто Крюков как-то выдает там свое присутствие? Вряд ли, ведь опыта ему не занимать...

Только я подумал об этом, как услышал непонятные звуки, идущие как раз со стороны баньки. Присмотрелся, и в свете луны увидел, как от строения отделился силуэт человека, метнулся в сторону огорода, перескочил плетень... Крюков?

— Николай! — позвал я тихонько, но тут же понял, что мой сослуживец пониже ростом и манера бега у него иная. Я сорвался с места, поспешил вслед за беглецом, но меня опередил Крюков. Он прямо перелетел через изгородь, вместе с глубоким дыханием вышептывая ругательства, помчался по грядкам, в прыжке достиг незнакомца, и они оба упали.

Я уже был рядом, включил фонарик, в другой руке сжимая пистолет. Крюков с окровавленной головой восседал на парне, заломив тому руку за спину. Парень стонал, мотая от боли головой. Я узнал его. Он был в той же клетчатой рубашке, что и на снимке.

— Кто ж знал, что этот гад в баньке сидит! — пояснил Николай. — Видел он меня, понимаешь? Вот и выбрал момент, стукнул по голове и решил смотаться. Так или нет, бандюга?

Тот, к кому был обращен вопрос, застонал, но ответил:

— Точно. Но я ничего плохого не хотел. Я же не убивал вас, хоть мог...

— Спасибо, утешил! — разозлился Николай. — Зато я тебя шлепну не задумываясь! Жихарев, ведем его в овраг...

Я подыграл товарищу:

— Повели. Я узнал его, это он в поезде на меня напал.

У бандита расширились и побелели глаза.

— Не убивайте! Я вам все расскажу!

— Проверим. — Николай намочил йодом кусок бинта — аптечку мы всегда носили с собой, приложил к ране на голове, сморщился от боли. — Только учти: хоть чуть соврешь — это будет твое последнее вранье.

— Не совру!

— Мы знаем, что ты участвовал в напа-

дени на машину воинской части, которую вы расстреляли в лесу. Кто был инициатором этого нападения, и где он сейчас?

— Бачула, — не трата времени на размышление, ответил бандит. — В городе он сейчас, у Марыси на Заречной улице.

— А сестра твоя где? — спросил я.

— Так тоже в городе, в лесничестве работает, как и работала.

— Ты смотри, — сказал Николай, подмигнув мне. — Правильно все говорит, видно, хочет жить. А на меня-то зачем напал, а? И сидел бы себе тихонько в баньке, пока бы мы не ушли.

— Я так и хотел. А потом чувствую: засыпаю. А когда я засну, то храплю сильно. Вы бы услышали, взяли бы меня.

— Мы тебя и так взяли... А что тот военный, который груз сопровождал, ну, мешок с деньгами, он тоже на вас работал? — Видя, что бандит мнется, не спешит отвечать, Николай повысил голос: — Передумал жить, что ли?

— Нет, на нас он не работал. Его Герась с Климом связали и утопили. В лесу небольшое озеро было...

Задорин сам побывал на рекогносцировке на улице Заречной и составил план операции. Напротив дома, где жила Марыся, строилось здание, там допоздна крутились рабочие. Под видом каменщиков туда направлялась группа капитана Мелкова. Ее задача — следить за домом Марыси. Мы не знаем, как выглядит она сама, кто такой Бачул, и нет стопроцентной уверенности в том, что молодой Гук, называя их приметы, сказал нам правду. Хотя участковый уполномоченный по нашему пересказу сразу узнал ее: да, мол, так и выглядит Барановская Марыся, молодая брошенка, от которой два года назад ушел муж.

— Парни к ней по ночам шастают, может, и этот Бачул туда наведывается — слишком уж неопределенен его портрет.

Участковому в операции отводилась тоже одна из главных ролей. Если мы увидим, что к Барановской кто-то зашел, он должен был постучаться к ней в дверь якобы для проверки паспортного режима. Группа Мелкова в этот миг должна быть на страже: ведь бандит может или вступить в единоборство с милиционером, или попытаться уйти через окно.

— Все ясно, товарищи? Тогда поехали.

Иван Егорович решил принять непосредственное участие в операции: "Кос-

точки разомну, а то от кабинетной работы они уже ноют".

Первую ночь мы провели в пустых ожиданиях. Вторую ночь — тоже. Малков по этому поводу пошутил:

— В сказках все главное на третью ночь случается.

И он как в воду смотрел.

Только стемнело, как по улице прошел, чуть прихрамывая, рослый мужчина, замедлил шаги возле калитки Барановской, внимательно осмотрелся, прошел к двери и без стука исчез за нею: видно, его там ждали.

— Не будем пороть горячку, подождем еще немного, — распорядился Задорин.

Минут через пять, теперь уже с другого конца улицы, показался новый ночной пешеход. Так же вошел в калитку, в дверь дома. Еще через такой же промежуток времени третий, высокий, но сутулый человек, проследовал тем же маршрутом.

Задорин, поглядывая на часы, подождал еще немного, потом сказал:

— Пора! Занимайте каждый свое место, как условились.

Я отправился под окна, выходящие в сторону стройки. Уже стоя у стены, увидел, как не спеша, буднично прошагал по улице участковый, открыл калитку. Дальше он исчез из моего поля зрения, но я хорошо слышал, как поднимался он по скрипучим ступенькам крыльца, постучал в дверь, позвал:

— Марыся, открой! Это я, участковый. Проверка паспортного режима.

Женщина ответила не сразу, а только после того, как милиционер вновь попросил пустить его в дом.

— Сейчас, сейчас, я одеваюсь...

Тотчас окно неслышно отворилось, и кошачьи, совсем неслышно оттуда выпрыгнул на землю тот сутулый, который последним входил к Барановской. Согласно замыслу Задорина, если бандиты ползут в окно, я должен был задерживать замыкающего, потому, притаившись, безучастно смотрел, как сутулый перемахивает через забор, собираясь уходить в темноту улицы. Уходи, уходи, наши сотрудники ждут тебя...

Глубокое шумное дыхание раздалось рядом: второй гость Марыси влезал на подоконник...

И тут случилось непредвиденное. Сутулый, видно, зацепившись пиджаком за штакетник, громко заругался, рванулся

так, что затрещала ткань, — возможно, он подумал, что это держат его чекисты — и полоснул длинной очередью вокруг себя. Тотчас ударил автомат и из окна, а сам бандит, уже чуть было не спрыгнувший на землю, вновь заскочил в комнату, захлопнул ставни окна.

С нашей стороны не раздалось ни выстрела в ответ, и тем не менее я увидел, как сутулый ничком упал на землю. К нему тотчас подбежали бойцы, оттащили в сторону, ближе к стройке. Выглянул из-за угла дома участковый, сказал:

— Слышите, мебель таскают? Баррикадируются.

Подошел Задорин не таясь, стал давать распоряжения. Он предвидел и такую ситуацию, потому бойцы действовали без суеты, зная, так сказать, свой маневр. Некоторые полезли на крышу, заранее сбросив обувь, чтоб не грохотать там по жести. В руках у них были дымовые шашки. Другие взяли под прицел окна, двери.

— Товарищ подполковник, — попросил я. — Вы бы отошли за укрытие, неровен час...

— Жихарев, ты же уже опытный чекист, — ответил Иван Егорович. — Ты должен понять, что бандитам сейчас просто не до стрельбы, они логово свое ко обороне готовят. Вот когда жарко станет, тогда и укроюсь. Хотя, если честно, после кабинетной работы соскучился по горячему делу. Ну, где твоя шашка?

Я ударил рукояткой пистолета по стеклам, громко крикнул:

— Сдавайтесь, вы окружены!

В ответ из дома в разбитое окно вылетел рой пуль. "Как знаете, — пожал я плечами. — Но вам предлагали лучший вариант. Что ж, держитесь". Вставил в шашку запал, дал ему разгореться, швырнул в окно. Такие же шашки бойцы, взобравшиеся на крышу, опустили в трубу дома.

Два автомата и пистолет откликнулись на нашу дымовую атаку яростным огнем, но Задорин еще раз повторил уже заранее отданный приказ:

— Огня не открывать! Чтоб ни единого выстрела я не слышал! Без этого их возьмем!

Шашки сделали свое дело, уже не выстрелы, а натужный кашель раздавался из дома Барановской. Опять загрохотала мебель у двери, сама дверь распахнулась, послышался силпый бас:

— Сдаемся.

Еще миг, и на крыльцо вышел высокий и широкий в плечах мужик. Одной рукой он обхватил полураздетую женщину, в другой сжимал автомат. Поводя им из стороны в сторону, просипел:

— Порешу бабу, если кто хоть шаг ко мне сделает!

Марыся, а это была она, все это время выкрикивала:

— Я не виновата! Не виновата я! Пожалуйста, не стреляйте!

Огромный мужик начал пятиться от дома в сторону огорода. Я заметил, что он припадает на левую ногу, чуть выворачивая при этом ступню, и вспомнил след, оставленный в лесу возле уничтоженной армейской машины.

— Скорее всего, это и есть Бачула, — сказал я Задорину.

Тот кивнул, крикнул:

— Кончай спектакль, Бачула! И ты не ори, Марыся! Лучше скажи: то, что снято вами с убитых людей в кожаных пальто, оно в твоём доме хранится? И где деньги, захваченные из машины? Если не здесь, то, может быть, у Кристины Гук? Как понимаете, мы знаем все. И лучше вам сдать, так есть хоть маленький шанс остаться в живых. Ну!

Бачула замер, обдумывая предложение подполковника, потом зло бросил автомат на землю. Барановская, завыв, теперь уже естественно, опустила к его ногам.

— Вот и все, — устало проговорил Иван Егорович. — Мелков, ты где? Не теряй ни минуты, веди своих по тому адресу, где живет Кристина, бери и ее. Возьмешь — будем считать, что еще одно гнездо бандитское мы разорили, причем до основания, никто его уже не восстано...

И тут ахнул выстрел. Это сослепу, все время вытирая ладонью лицо, отплевываясь от дыма, нажал на спусковой крючок третий бандит, о котором лично я, честно говоря, даже забыл. Он закашлялся, упал на колени, и автомат его выпустил короткую очередь, теперь уже в небо...

Но что толку-то говорить, слепая пуля была или прицельная, если она вошла в грудь Задорина, и тот, вздрогнув от удара свинца, успел сказать, прежде чем упал:

— Ну вот и дождался горячего дела. Мелков, веди людей к Кристине, не ной тут возле меня...

341

ОТ РЫКОВА ДО ЩЕЛОКОВА

Книга, о которой поведу речь, наверняка вызовет разноречивые суждения и мнения, даже споры. Одним покажется, что в ней маловато мрачных красок, гневных эмоций и проклятий; другие, напротив, обнаружат чрезмерные дозы негативных замечаний применительно к некоторым личностям. Мир меняется стремительно, оценки одних и тех же вещей представляются парадоксально полярными. Кто-то сейчас не прочь обелить Берию, изобразив его то чуть ли не прогрессивным политическим деятелем, то просто ошибающимся и увлекающимся функционером. У кого-то из живых соратников и сослуживцев Щелокова теплится надежда на реабилитацию любимого министра Брежнева. Словом, жизнь есть жизнь, ее законы и извивы сложны и неподвластны автору самой умной и серьезной книги. Тем более столь взрывоопасной по теме и материалу...

Речь идет о книге Владимира Некрасова "Тринадцать "железных" наркомов", книге отнюдь не простой и не однозначной. В ней собраны очерки о тринадцати наркомов — министрах внутренних дел Советской Республики и СССР за 65 послеоктябрьских лет (с 1917 по 1982 год), от А.И. Рыкова, занимавшего пост наркомвнудела всего девять первых ноябрьских

дней 17-го, до Н.А. Щелокова, рекордный срок — целых 16 лет (с 1966 по 1982 год) — возглавлявшего союзное министерство.

ВЛАДИМИР НЕКРАСОВ

Тринадцать
«железных»
наркомов

Некрасов В.Ф. Тринадцать "железных" наркомов. Художественно-документальное повествование. — М.: Версты, Государственная фирма "Полиграфресурсы", 1995. — 416 с.: ил. 35 000 экз.

По-разному можно отнестись и к самому факту настойчивых исследовательских усилий автора, доктора исторических

наук, профессора, специалиста по истории органов и войск МВД В.Ф. Некрасова. Уместен, в частности, вопрос: а зачем все это? Для чего нужно восстанавливать и печатно афишировать биографические сведения, скажем, таких чудовищ, как Ягода, Ежов, Берия, и других "сталинских наркомов"? До Некрасова такое намерение, если не ошибаюсь, ни у кого не возникло, и впервые именно им осуществлено. Дело же, уверен, не только в личности и научных пристрастиях автора. Дело еще и в самом времени, которое чего-то не позволяло, а сейчас сделало доступным — да и то еще не до конца.

За страницами, подчас за отдельными строчками видна громадная поисковая работа с архивными документами, их критический анализ, изучение многотомных уголовных дел Берии и Щелокова, штудирование массы опубликованных и неопубликованных отечественных и зарубежных материалов, встречи и беседы с большим количеством участников событий — сослуживцев, соратников, родственников.

Можно, разумеется, написать научную монографию об историческом пути НКВД—МВД. Такие работы уже есть и продолжают создаваться — о боевом пути войск МВД (кстати, лучшая на эту тему принадлежит перу именно В.Ф. Некрасова), о деятельности милиции и других служб министерства. В данном случае история НКВД—МВД предстает перед нами в лицах, персоналиях, в биографических очерках о руководителях одного из важнейших ведомств государства или, как теперь принято называть, силовых структур власти.

Они разные, эти тринадцать. Есть среди них личности крупные, незаурядные, даже легендарные. Есть помельче, посерее, посредственные. Есть авантюристы, палачи, вурдалаки. Но что было, то было. И как наказ на будущее всем власть имущим автор книги поставил ее эпиграфом вещице и мудрые пушкинские слова:

*Владыки! Вам венец и трон
Дает закон, — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.*

Разные люди, разные судьбы, различные финалы. В большинстве — трагические. Эпитет "железные" в названии книги в кавычки автором взят не случайно. Его неизменно носил все годы советской истории Ф.Э. Дзержинский. В какой-то мере

применим холодный металл к Ежову, хотя тому больше нравились одноименные "рукавицы", а также к Ягоде и Берии. Но никакого железа или прочего твердого металла не найти в действиях и привычках того же А.И. Рыкова или, скажем, Н.П. Дудорова, Н.П. Стаханова.

Шесть из тринадцати наркомов стали жертвами того репрессивного аппарата, который они создавали и укрепляли, — осуждены и расстреляны. Сгорев на работе, на пятом десятке лет ушел из жизни неистовый Феликс. Застрелился Щелоков. Отверженный, морально и материально униженный, влачил буквально жалкое существование ветеран партии и государства Григорий Иванович Петровский. В результате несчастного случая погиб С.Н. Круглов. Отбывая дипломатическую ссылку в тропической Африке, скончался сердечник В.С. Тикунов... Таковы строки из этого мартиролога. Вот так весьма неоднозначно выглядит пейзаж с "железом". Число 13 воистину несчастливое.

Есть в очерках В.Ф. Некрасова вещи бесспорные, и вряд ли неумолимое время подвергнет их суровой ревизии, внесет какие-то коррективы. Из них надлежит лишь извлекать горькие уроки, прежде всего тем "владыкам", к которым апеллировал великий поэт. В самом деле, какие могут быть оправдания ежовщине и тотальному страху 1937-1938 годов? Ежов навсегда проклят, на веки вечные отмечен каиновой печатью кровавого карлика и изувера.

Но даже такая одиозная фигура, как Берия, намного сложнее и не столь одномерна, чтобы заклеить его единым словом. Палач, безмерный властолюбец, грязный развратник, он тем не менее проявил себя деятельным организатором современных секретных отраслей оборонной промышленности. Говорить об этом считается неприличным, но...

Думается, что рано ставить точку на свершившемся вроде бы развенчании Дзержинского. Хотя, сказать по правде, кроме озлобленных эмоций в его адрес, ничего вразумительного после 1991 года я так и не услышал. Свергнутый с пьедестала под улюлюканье хулиганствующей толпы и истерические причитания неких экзальтированных дамочек бронзовый Феликс не ушел из истории. Ведь Дзержинский — это не только ВЧК, а и восстановление народного хозяйства, транспор-

та, спасение от голода, холода и смерти детей и многое-многое другое. И кто знает, поживи он подольше, может быть, и кошмара сталинщины не было бы. Впрочем, это уже гадание...

Для автора настоящих заметок, с удовольствием прочитавшего книгу, она интересна еще и тем, что некоторые из руководителей МВД последних десятилетий являются не просто литературно-публицистическими абстракциями. По роду службы — и даже чуть раньше автора книги — я тоже кое-что знал о них, встречался в разных обстоятельствах, слушал их доклады и речи, лично общался и решал какие-то вопросы. Поэтому рассказы о Н.П. Стаханове, В.С. Тикунове, Н.А. Щелокове я пропускаю сквозь цветовой фильтр собственных впечатлений и наблюдений, которые в принципе в противоречие с прочитанным хотя и не вступают, но сопряжены тем не менее с некоторыми оговорками и уточнениями.

Говорят (и автор книги в том числе), что Щелоков (как и Чурбанов) сделал для министерства немало полезного. Не спорю. Во-первых, никто в истории МВД не стоял во главе его такое продолжительное время. Во-вторых, что еще важнее, ни у кого из его предшественников не было столь благоприятных условий из-за особой личной близости к генсеку. Если В.С. Тикунову для того, чтобы решить какой-то вопрос, приходилось преодолевать массу чиновничьих заслонов и заграждений в различных ведомствах — Госплане, Госснабе, Минфине и т.п. — и зачастую добрая идея оказывалась-таки похороненной в инстанциях (об этом тоже можно прочитать в книге), то Щелокову достаточно было заручиться согласием генсека, а все остальное — дело техники. Но делать всякое дело следовало чистыми руками — это завещал чекистам еще Дзержинский. Николай Анисимович Щелоков с гигиеной был явно не в ладах. У меня о Щелокове сложилось мнение как о человеке двуличном, корыстном и далеко не порядочном. И рассказанное в книге, например о мятарствах Тикунова, — это не что иное, как интриги вновь назначенного министра.

Никогда ранее в МВД не было столько показухи, парадности, манипулирования статистикой, как в пору правления Щелокова. У него, мещанина с вождистскими притязаниями (портреты в служебных кабинетах в центре и на периферии, в ленинских комнатах подразделений, бюсты

работы придворного скульптора А. Бичукова, двухчастный фильм...), никакой близости к литературе и искусству не было (а именно это утверждает В.Ф. Некрасов) — не было ничего, кроме жажды саморекламы и неумного стяжательства.

Со мной, знаю, не все согласится. Особенно возмутятся те, кому привольно жилось рядом с таким министром и кто не прочь поднять его на пьедестал и заставить "сиять заново". Сомневаюсь, что затея эта благотворна.

И последнее. О министерстве и его людях судить очень трудно еще и потому, что его функции, структура, задачи, приоритеты постоянно менялись. Проследить это нетрудно, читая книгу. И осуществлялись "перестройки" МВД зачастую отнюдь не ради государственных или иных высших интересов, а ради чьих-то личных амбиций и карьеристских поползновений. Вот и сейчас мы являемся свидетелями бесконечных экспериментов с органами безопасности. А ведь именно с этой составной частью НКВД связаны самые трагические страницы отечественной истории и деятельности наркомвнудела.

И. БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке.

“А Я ЕЩЕ НЕ ВЫШЕЛ ИЗ ВОЙНЫ...”

Начну с памятного.

Во второй половине марта 1990 года руководство “Советского воина” организовало выезд бригады московских писателей в Новосибирск, где проводились дни этого армейского журнала. Одно из наших выступлений проходило в военном училище. Курсанты аплодисментами встретили объявление о том, что сейчас перед ними выступит поэт Герой Советского Союза Михаил Борисов.

На край сцены вышел невысокий русоволосый человек, привычным движением поправил прическу и обратился к залу:

— Вы знаете, какое сегодня число?

— Двадцать второе марта, — весело и улыбчиво откликнулся зал.

— Это знаменательный день в моей жизни, — сказал поэт и, выдержав паузу, продолжил: — В этот день я родился...

Теперь уже хлопали все вместе — и курсанты, и мы, сидевшие на сцене, поздравляя Михаила Федоровича. Он явно был смущен. Выждав, когда аплодисменты стихнут, сказал:

— В этот день в сорок втором под Владиславовкой я был ранен и тяжело контужен. В сорок третьем, 22 марта, когда мы вели тяжелейшие бои на подступах к Чугуеву, меня снова контузило. В сорок пятом на западном берегу Одера, опять же 22 марта, получил очередное ранение.

Потом Михаил Борисов читал стихи, которые, по его словам, были навеяны жизнью в Новосибирске, глубокой привязанностью к академгородку. Одно из стихотворений так и называлось — “Академгородок”.

То была не первая моя встреча с Михаилом Борисовым. Не раз наши дороги сходились в дружном цэдээловском застолье за “рюмкой чая”, за жаркой душевной беседой на литературных вечерах. Но вот о знаменательной дате его биографии — 22 марта — я, как и собравшиеся в курсантском клубе, услышал впервые. И мне пришлось на память давнее поэтическое признание Борисова: “Биография — основа стихотворства моего”. Что ж, подумалось, все опять возвращается к тургеневскому:

Борисов М. Ф. Судьба моя — войны жнивье. — М.: Редакция журнала “На боевом посту”, 1995. — 64 с., 1000 экз.

“Читайте мои книги — в них вся моя жизнь” — и гетевскому: “Чтобы познать поэта, нужно познать его страну”.

А страной этой у Борисова является Алтай, где мне довелось побывать в длительной командировке в опять-таки знаменательный для Михаила Федоровича год.

Михаил БОРИСОВ

СУДЬБА МОЯ — ВОЙНЫ ЖНИВЬЕ

Тысячи верст, помнится, проехал я по степному Алтаю, на крайкомовском газике добежал до Бийска, по Чуйскому тракту вышел к монгольской границе, побывал на знаменитом Телецком озере. Именно там впервые и услышал я о Борисове. На турбазе “Медвежонок” спросила меня о нем девушка, показавшая его книжечку “Верность”, вышедшую в том же самом 1965 году в кемеровском издательстве. А я, признаться, о таком поэте ничего не слышал...

Только спустя десятилетие мне довелось лично познакомиться с полковником

Борисовым, который к тому времени переехал в Москву и работал в журнале "На боевом посту". Каждая наша встреча выявляла в нем какие-то черточки личности, штрихи биографии, хотя нельзя сказать, что Михаил Федорович принадлежит к людям словоохотливым. С этого времени каждую выходящую свою книгу он дарил мне. И в каждой по-новому открывался вроде бы уже знакомый поэтический мир. В нем что-то уточнялось, конкретизировалось, чему-то придавалась завершенность, а что-то только-только начиналось. А все завязи открытий и продолжающихся раздумий вели туда, на простор алтайских степей, к красотам великих и малых рек. Там, в поселке Михайловском, в крестьянской семье и родился он в 1924 году. Под одной крышей жили дед Сергей Захарович — саратовский переселенец, бабка Агафья Капитоновна с дочкой Настей, командовавшей в доме всем и вся, отец Федор Сергеевич и мать Анна Трофимовна из семьи Галицких, приехавшей в эти края из Черниговской губернии, да приемный сын деда — шестилетний Вася.

Труд в доме был всему голова. Работали от зари и до зари все, включая ребятिशек. Словоохотливым в семье был дед. От него Миша узнал про давнишнее жительство на Волге, про саму реку, которую тот считал самой красивой на земле, про русско-японскую войну, про казачий быт в станице Или, что близ города Верного (ныне Алма-Ата).

В 1930 году родители переехали в городок Камень-на-Оби, где прошло детство Михаила. Поразила мальчугана и, как оказалось, навсегда покорила местная степь. Здесь он пристрастился к чтению стихов Лермонтова, Байрона и особенно Пушкина. Незаметно и сам заболел стихами. Первая же проба сил оказалась удачной: получил премию на олимпиаде детского творчества. Успех запал в душу, породив шальную мысль: "А я ведь тоже поэт из Михайловского..." Вот только жизнь не позволила тешить себя мечтой о поэтической славе. Воскресное утро 22 июня 1941 года стало точкой отсчета времени народного лихолетья.

Как и многие юноши той поры, Борисов добровольцем просился на фронт. Но в райвоенкомате и слушать не хотели об этом: не вышел возрастом — и все тут. Однако Михаил не сдавался, дошел до военкома, который и определил: "Воевать тебе рано, а вот в Томское артучилище могу послать".

Через четыре месяца большинство курсантов ТАУ-2 направили в действующую армию. Борисов оказался в Краснодаре, боевое крещение принял в десанте под Камыш-Буруном. А дальше было то самое 22 марта 1942 года, о котором он вспоми-

нал, выступая перед новосибирскими курсантами.

После госпиталя его назначили наводчиком сорокапятки, или, как ее прозвали пушкари, "Прощай, Родина" и "Смерть расчету". 20 августа 14-я гвардейская стрелковая дивизия форсировала Дон и три месяца вела кровопролитные бои по расширению и удержанию плацдарма. Но не эти сражения оказались решающими в судьбе Борисова. Главное испытание ждало его в июле сорок третьего под Прохоровкой. В том бою 19 фашистским "тиграм" противостояли лишь четыре 76-мм орудия.

Подпустив танки на расстояние прямого выстрела, артиллеристы ударили первыми. Несколько машин вспыхнуло сразу. Но и ответный огонь противника вскоре вывел из строя три орудия и почти весь личный состав батареи. Подбежав к уцелевшей пушке, Михаил припал к орудийной панораме. Из уничтоженных 16 "тигров" семь оказались на его счету. Тяжелое ранение тоже. Наблюдавший за неравным поединком командир корпуса генерал Попов приказал подчиненным вытащить парня из-под огня. "Потому, видимо, — вспоминает Борисов, — и звание Героя мне присвоили не посмертно".

Затем был госпиталь и побег из него на передовую. Бои на Днепре. Фронтовые курсы младших лейтенантов. Командир взвода управления 4-й гвардейской отдельной истребительно-противотанковой артбригады РВГК встретил 22 марта 1945 года на западном берегу Одера и к полудню оказался в госпитале. А через десять дней вновь сбежал добывать врага.

В 1946 году по состоянию здоровья лейтенанта Борисова уволили в запас. В Новосибирске он окончил юридическую школу и поступил в институт. Но привыкнуть к гражданской жизни не смог. В мае сорок девятого снова вернулся в строй. Однако силы были уже не те. Получив инвалидность, ушел из армии, осел в Новокузнецке Кемеровской области. Строил шахты и Западно-Сибирский металлургический завод. И тут вновь повернулась душа к поэзии. Начал печататься. В "Комсомольской правде" доброе слово о стихах Михаила Борисова сказал Сергей Наровчатов. Через некоторое время стало ясно: надо всерьез заняться литературным трудом. Вскоре в Кемерове вышел его первый сборник стихов, затем при поддержке Ярослава Смелякова и Марка Соболя — второй.

Вновь надел шинель, переехал в Москву. Служба и поэзия оказались в одной упряжке. Поэтическая душа обрела возможность питаться новыма, близкими сердцу впечатлениями. В итоге — новые книги стихов, прием в Союз писателей и с

1981 года переход на профессиональную творческую работу.

Как видим, жизненная дорога поэта оказалась типичной для людей его поколения, а вот его поэтическая судьба иная, чем у большинства поэтов-фронтовиков. Орлов, Межиров, Львов, Гончаров, Максимов, Старшинов, Друнина, Карпеко, Смольников (ряд можно продолжать и дальше) счастливо обрели свой голос уже в первые послевоенные годы. Многие из них, сняв шинели, стали студентами Литинститута, в конце сороковых — начале пятидесятых издали первые книжки, о которых заговорила пресса. Михаил Борисов примкнул к этому поэтическому строю только спустя 20 лет. Вот почему стихи поэта иного душевного настроения. Если у его старших товарищей по перу слово о войне звучало как непосредственный отклик на происходящее, то у Борисова это память о пережитом. Историческое прошлое стало его поэтическим настоящим. Отсюда и некая трагическая нота в стихах, осязаемое желание непременно найти сердечный отклик на свое слово у младшего современника:

*Как правнукам об этом рассказать,
Чтоб на дорогах в солнечные дали
Они в душе по-доброму связали
Слова святые — "Родина" и "Мать".*

И еще неотступное желание сопутствует творческой его работе: поведать людям о том, чему сам был свидетелем, о своем товарище по окопному обществу, поскольку "Величье подвига всего При самом тщательном раскладе Не оценить без одного — Без горькой правды о солдате".

Таковы, собственно, опорные меты того, о чем мыслит, чем живет и о чем пишет поэт. Кажется, даже в сугубо лирических стихах, в пейзажных зарисовках слышно эхо пережитого на войне, хотя напрямую об этом — ни слова. "И стоит на часах у памяти придорожная тишина..."

Смею утверждать, что у художника с обостренным чувством фронтового прошлого крайне обострено и восприятие окружающего мирного круговорота вещей, фиксируемых в простых и красивых, как полевые цветы, метафорах и сравнениях. Откройте его последние книги "Березовому кланяюсь листу", "Последний тайм" и, наконец, выпущенную недавно редакцией журнала "На боевом посту" — "Судьба моя — войны жнивьё" и вы увидите, как просто, естественно, словно дыхание, вошли в его поэтический мир образы и милой сердцу алтайской стороны, и нашей среднерусской.

Вслушайтесь, взгляните, вчувствуйтесь в светлую ярмарку лирики поэта! "Река зашла от солнечного света",

"Светлая березка выглядит франтихой В кружевье своих зеленых кос", "Рассыпались вокруг бубенцами капли", "А юный клен, как кержачок тверезый, Пустился в пляс", "В туман сосны кутают ноги", "Приплясывает дождик разбитной На грунтовой проселочной дороге", "В силках тишины запуталась луна". И как аккорд этого ярмарочного многоцветья образ кедр, готового пожертвовать собой:

*Угрюмый кедр поднялся над откосом.
Весь в ивее, как в свадебном дыму,
Он тянется к заснеженным березам,
А те ответно тянутся к нему.*

Не одно сердце, думается, откроется на встречу стихам о любви, которых у Борисова не так уж и много. Опять же в этом факте заключена высокая философия: истинная любовь скупа на признания. Но те строки, что рождены сокровенным чувством, выдержаны в строгой, почти классической чистоте: "И я благословляю Вас на жизнь И на любовь, скорбя, благословляю".

О литературе, о поэзии Михаил Борисов практически ничего не говорит. Во всяком случае во время наших встреч разговор ведется, как правило, вокруг житейских дел, воспоминаний об общих знакомых и, естественно, как то водится вообще у русских, о политике. Но это отнюдь не значит, что о поэзии — деле жизни — он не размышляет. Конечно же, думает про себя, а потому и сквозит в стихах то, что мучает и что тревожит. Так я прочитываю его строки: "Не ради места под крылом Победы В своих стихах за строчку о войне Я отдаю последние рассветы". Сказанное, естественно, предполагает продолжение, уточняющее мысль о том, в чем же воин-поэт видит суть своей поэтической исповеди. И она, эта суть, ярче всего выражена в стихотворении "Моя душа покоя лишена":

*Есть у меня и слава, и почет,
А час придет — и попрошу, Россия:
Пусть кто-то и стихи мои простые
Тебе однажды все-таки прочтет.*

В сказанном о себе предельно выявлен, как мне представляется, закон всякого творчества. Именно это обстоятельство подчеркивает неразрывность художественного слова Михаила Борисова с творческой жизнью современников, которая, кровно связанная с национальной культурой минувшего, устремлена в будущее.

Бор. ЛЕОНОВ,
доктор филологических наук,
профессор.

Сам себе тренер

РУССКИЙ БОЙ УДАЛЬИЙ

**Тема занятия: освобождение от захватов тела;
освобождение от оружия**

**Освобождение от захватов
(удар тазом)**

Все четыре вида захватов тела (с руками и без, спереди и сзади) устраняются единым движением: удар тазом назад, руки вперед (с выкручиванием вовнутрь, но не выше плеч). Надо научиться работать тазом отдельно так, чтобы плечи удерживались на месте. Таким ударом можно отбросить нападающего метра на три.

При захвате руками спереди (рис. 1а) таз уходит назад, пропуская колено вертикально вверх (пах, ребра). Опускаясь, нога может работать пяткой по стопе и при необходимости подниматься для нанесения повторного удара.

Ни в коем случае не обхватывайте противника. Напротив, просовывайте свои руки к корпусу изнутри — на подъеме они будут отжимать таз, направляя удар. Контролируйте голову нападающего с грудкой. Разжимать "объятия" надо, направляя руки в пах, — так предотвращаются заходы на бросок.

Аналогичен порядок действий и при попытке противника произвести захват без непосредственного контакта руками, используя удавку. Плюс возможность обнять шею нападающего и опрокинуть путем воздействия другой рукой на болевые точки (нос, глаза) с последующим ударом коленом под лопатку. Это же "объятие" будет контрприемом от броска. Опрокидывать надо не отталкивая, чтобы нападающий не увлек вас, а подламывая ("ломок")

под себя, при этом его таз выводится в сторону — коленом под колено.

При захвате сзади (рис. 1б) следует мгновенно включить в работу таз — это решит все проблемы. Одновременно пятки бьют в пол (а то и по стопе) и наносится удар затылком назад. Последний и сам по себе эффективен, и увеличивает силу удара тазом. Руки, вкручиваясь вперед и вверх, не дают сойтись захвату, а если это случилось, то на возврате таза вперед, с винтом, по осевой работает локоть, поражая диафрагму, челюсть (при обхвате руками), или через верх — на осевую же — двойная отмашка локтями в голову, шею (при захвате без рук).

Отрабатывать захваты нужно с подхода (прыжка) партнера, а не в статичном положении. Удар тазом можно опробовать на груше или на гимнастическом коне (при ударе он должен слетать с "копыт").

Мирные варианты освобождений связаны с работой по точкам.

При захвате спереди без ручного контакта, как отмечено выше, — нос или глаза. Нос "отыскивается" снизу — скользящим движением ладони от подбородка. Глаза накрываются сверху указательным и безымянным пальцами. Давление — под надбровные дуги. Такой прием совершенно безопасен и в то же время очень результативен: "выключение" глаз имеет большое психологическое значение.

Для освобождения от "объятий" спереди и сзади — захватить мошонку, быстро сжимая ее и разжимая.

Эти варианты (рис. 1а,б) можно использовать, оказавшись в партере.

Если вас успели поднять в воздух, работайте тазом, заканчивая "волну" обеими пятками по голени, рукой — в пах. Случись вам упасть с партнером, не надо кататься, постарайтесь побыстрее встать, воздействуя на пах, нос, глаза. Техника здесь несложная: давите, подтягиваясь так, чтобы оказаться над болевой точкой, затем поднимаетесь, опираясь на нее. Можете быть уверенным: теряя над собой контроль от острой боли, противник сам поможет вам вскочить на ноги.

При освобождении от захватов тела активно работайте лбом, плечом, грудью.

К сожалению, во всех пособиях по рукопашному бою (и отечественных, и восточных) захваты рассматриваются в статике: нас держат, а мы красиво освобождаемся. В реальной же ситуации опасна динамика: захват, как правило, сопровождается ударами, бросками и т.д. Поэтому важно совершенствовать реакцию на агрессивные действия (тело в русской традиции всегда отклонено от нападающего): сгрудка, маятник, мощные движения тазом. Овладеть искусством взаимозаменяемости приемов. Словом, всячески уходить от жестких схем: начиная драться, мы не знаем, как нас схватят, а рассуждать некогда — нужно действовать, ошеломляя противника гибкой техникой защиты.

Освобождение от оружия

Защиту от оружия мы разбили на три этапа:

- 1) упреждение ударом;
- 2) собственно защита (рис.2-5 в №7);
- 3) освобождение от приставленного оружия.

Последним этапом часто пренебрегают, увлекаясь блоками, но он в наше смутное время, пожалуй, самый важный.

А теперь несколько общих правил.

1. Маятник всегда — в сторону оружия (не убежать!). Если оно уже прижато, не ослаблять давления на лезвие (ствол), иначе могут рефлекторно пырнуть (выстрелить).

2. "Наматывание" на тело и выкладывание лезвия (ствола) плашмя на себя (на тело противника, землю, стенку — по обстановке). Направление "наматывания" складывается из двух движений, указанных самим оружием (если мы его видим или ощущаем): вверх-вниз и вращение.

Поскольку мы всегда идем на оружие, а не на противника (он может быть и в стороне), всякие попытки прижать нас к стене, дереву и пр. роли не играют. Но запас движения надо обязательно подготовить. К примеру, нож прижат к подбородку. В этом случае встать на носки, согнув колени, чтобы была возможность уйти вверх, "наматывая" лезвие на шею (плечо, щеку). Лезвие направлено вниз, а мы уже сидим и дальше опускаться вроде бы некуда. Тогда уходить винтом, "наматывая" нож в сторону.

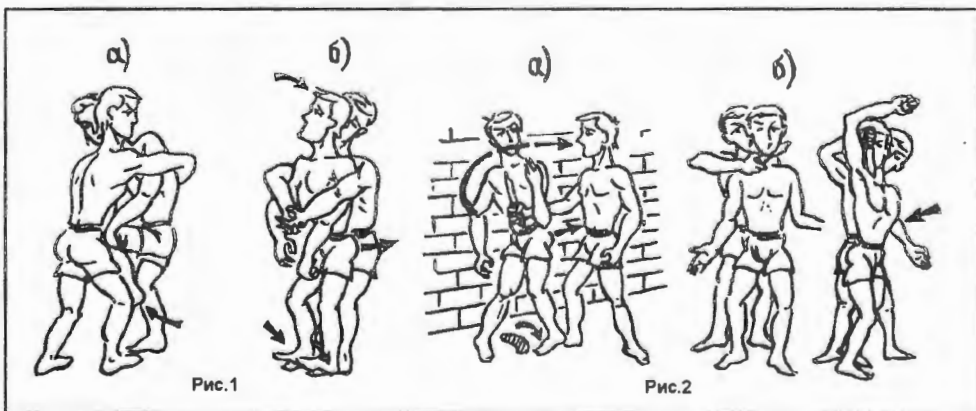
3. Фиксация оружия (если оно досягаемо и руки свободны) на теле. Производится одной или двумя руками одновременно с ударом (на рис.2а намечен подхлест правым локтем). Удары по возможности дублируются: локоть-колени. При захвате за руки работать только коленом, без фиксации.

4. Смотреть в сторону, чтобы не выдать себя взглядом. Это особенно важно, когда нападающий вооружен пистолетом.

Удары можно завершить опрокидыванием, применяя арсенал приемов освобождения от захватов, заломы плеча, а также "коленце" под бедро.

Нож приставлен к горлу. В этом случае, идя на лезвие, — подводить под него плечо или щеку (рис.2б) и затем "наматывать". Как продолжение этого варианта — нырок под правую руку (с ударом таза), нож прижат к щеке, колени бьет в корпус. (Правая рука противника зажимается нашим правым локтем.) Можно раскрутиться и в другую сторону.

Хотя на практике все многообразие приемов сводится к 5-10 ситуациям, важно опробовать различные варианты, совершенствуя технические навыки. Не исклю-

378

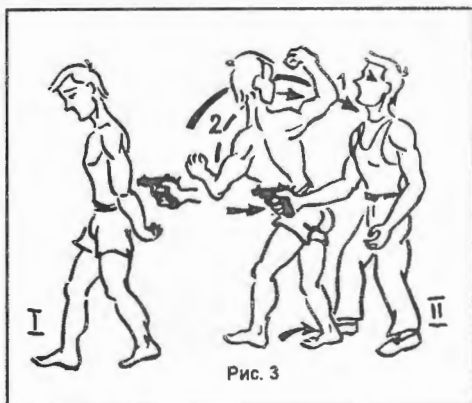

Рис. 3

чено, что вам придется вступить в схватку с преступником, вооруженным двумя ножами, которые направлены под разными углами, да и направление удара одним лезвием не всегда угадаешь. Короче говоря, нужна хорошая базовая подготовка, чтобы никакая неожиданность не застала врасплох.

Впрочем, бывают в жизни ситуации, из которых, кажется, даже опытному кулачнику не выйти победителем (противник дерзок и неукротим, оружие на боевом взводе, силы явно неравны). Лучшее, что можно сделать в таком поединке, — это озадачить нападающего неожиданным поведением: симитировать, скажем, инфаркт, судороги. Еще лучше — смех. Песенка очень может помочь. Главное, не показывать свой страх. Секундное замешательство преступника — и вы, как говорится, в дамках.

Освоив предложенную технику, можно смело использовать ее против ударов.

Незаменима она и в круговом бою, когда нет времени ни на анализ поведения нападающих (чем и как бьют), ни на проведение защиты. В стремительной динамике фазы освобождения сливаются в одну: наносим удары одновременно с "наматыванием".

Возможен режим работы, в котором удар по первому из нападающих оставляется на потом, а "наматывание" переводится в удар или стрельбу по второму, третьему противнику. В групповой схватке лучше не бороться за нож (пистолет): пока вы отбираете оружие у одного, сообщники его могут выстрелить или всадить лезвие вам в спину. Действовать надо так. "Наматываем" (рис. 2а) и выкидываем нож во второго ударом под локоток, добиваем первого тазом или коленом, чтобы не помешал. Если в руке нападающего пистолет, после "намотки" накладываем правую ладонь, жмем ею на указательный палец противника и всем корпусом поворачиваем плотно прижатый ствол. Во время стрельбы по сообщникам вырубам коленом хозяина пистолета.

Освобождение от оружия при конвоировании

Когда оружие упирается в вашу спину (затылок), двигайтесь тазом (плечами) на противника, в зависимости от обстановки поворачиваясь в разные стороны. Пистолет (нож) при этом может выбиваться (отводиться) ударом руки или зажиматься подмышкой (рис. 3).

Четыре основных варианта: вращение вправо-влево, с захватом и без захвата руки. Далее — плотный контакт или хотя бы сближение таза с конвоиром и работа локтем-коленом.

Если оружие не контактирует со спиной и вы не можете по звуку шагов, по тени определить расстояние до него, нагнитесь "завязать шнурок" и, наблюдая за противником между собственных ног, определите дистанцию. Можно "вывихнуть" ногу и вынудить конвоира подтолкнуть вас стволом.

При необходимости обезопасить себя от пистолета, наведенного в упор, обходя ствол, используйте маятник с вертикальной восьмеркой (рис. 3, 4 в №7). Для отвлечения внимания напомним противнику о необходимости снять оружие с предохранителя.

На маятнике можно:

1) выбить пистолет отмашкой правой ноги под локоть (левой — под кисть) или ударом двух ладоней: левая — ребром, правая — со стороны большого пальца (так называемые "ножницы");

2) отвести руку противника левой ладонью или предплечьем;

3) выстрелить из пистолета в нападающего или его сообщников: "ножницы" на маятнике — левая ладонь на тыльную сторону ладони, сжимающей рукоять, а правая (большим пальцем) — на указательный палец противника.

Все варианты должны завершаться ударом правым коленом, а в третьем после "коленца" — прицельными выстрелами.

Овладев техникой освобождения от ножа и пистолета, можно смело вступать в рукопашную схватку с преступником, вооруженным автоматом (в этом варианте исключены только выбивания). Против атаки штыком — приемы наружной защиты (рис. 3, 4 в №7).

На этом мы заканчиваем краткий курс по русскому кулачному бою. Дерзайте, друзья, вступайте в ряды поклонников нашего древнего боевого искусства!

Андрей ГРУНТОВСКИЙ,
преподаватель фольклорной студии.

ОТ АВТОРА. Информация для тех, кто считает: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В издательстве "Наше наследие" можно приобрести видеокассеты с записью учебного фильма "Русский кулачный бой". Заказы принимаются по адресу: 197373, г.Санкт-Петербург, а/я 35.

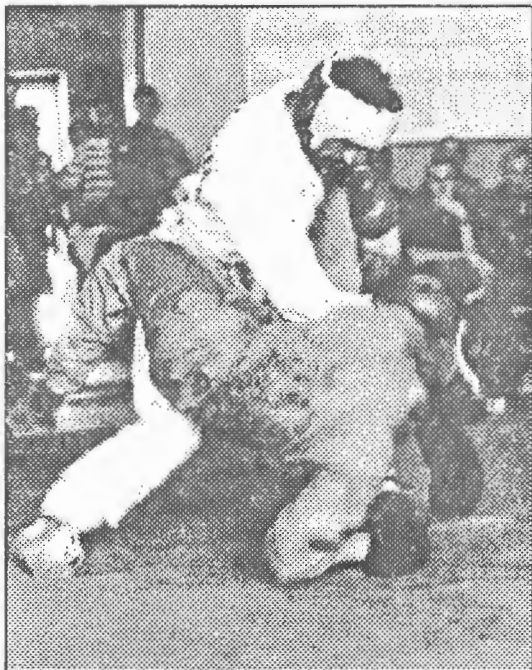

Еще перед самым началом соревнований я взял интервью у полковника И. Утукина, привезшего команду Приволжского округа внутренних войск, которую по подбору спортсменов заранее считали одним из фаворитов турнира. Первый мой вопрос был такой: почему, собственно, мы стали уделять такое пристальное внимание рукопашному бою, особенно в последнее время? Не самбо, не боксу, не экзотическим восточным единоборствам, а именно ему?

Полковник И. Утукин познакомил меня с мнением офицеров, неоднократно бывавших в горячих точках: два-три сильных рукопашника в разведке и ближнем бою заменяют если не взвод, то отделение солдат наверняка. Сейчас это понимают и милиция, и пограничники, и десантники — у них данный вид боя тоже на ведущих местах. И потом, спорт этот — приклад-

СПРАВЕДЛИВОСТЬ СИЛЫ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЕЛ ТРЕТИЙ ЧЕМПИОНАТ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ ПО РУКОПАШНОМУ БОЮ

ной, им можно заниматься во время службы. Только тут надо не упустить главное: втолковать бойцам, что сила их всегда должна быть лишь на стороне чести и справедливости. Правило это должно соблюдаться и на ковре, и в бою.

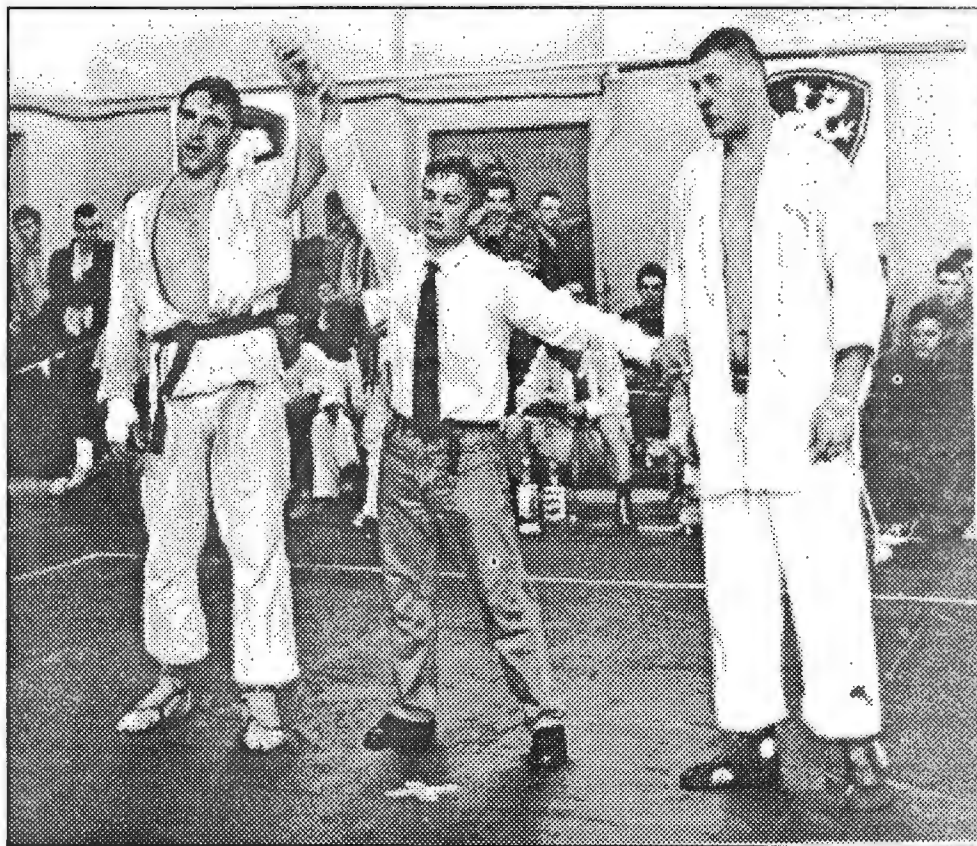
Зрители, посетившие соревнования, стали свидетелями того, что на коврах спортсмены выясняли отношения действительно благородно, без запрещенных приемов. Правда, приемов этих в рукопашном не так уж и много: нельзя, к примеру, наносить удары ниже пояса, локтем, коленом в лицо. Вот, пожалуй, и все ограничения. Они свято соблюдались, и потому медицинская помощь чаще требовалась... судьям: ведь каждая схватка для них равна пробегу на стайерской дистанции. Вот и не могут отдышаться в короткие перерывы, нюхают нашатырь...

Не буду описывать, как проходили сами поединки: это все равно словами не расскажешь, это надо видеть. Остановлюсь лишь на некоторых итогах чемпионата.

Самые красивые и впечатляющие победы на нем одерживал курсант из Владикавказа Сергей Путренко. День, когда его назвали сильнейшим в весовой категории свыше 85 кг, был для курсанта особым. Во-первых, Сергей отмечал свой

ОДОН остался вообще на последнем. В личном зачете только один из представителей этой дивизии поднялся на пьедестал почета, а из столичного округа вообще нет ни одного военнослужащего, который бы занял призовое место.

Но негоже на минорной ноте заканчивать повествование о празднике спорта. Посему даем мажор. Чемпионат был настолько представительным, что победители и серебряные призеры в каждой весовой категории получили звания мастеров

день рождения. Во-вторых, он завоевал звание мастера спорта. В-третьих, именно благодаря его победному очку команда Владикавказского ВВКУ поднялась на высшую ступень пьедестала почета среди наших училищ. Саратовцы и новосибирцы заняли соответственно второе и третье места.

По округам места распределились следующим образом: победили уральцы, ненамного отстали от них приволжцы и северокавказцы. Удивило слабое выступление москвичей: округ занял шестое место, а

спорта по рукопашному бою. Вот имена этих военнослужащих: Е. Репин, С. Самойлов, А. Фомин, С. Чернышов, В. Попов, Д. Атаев, С. Кастоев, М. Мирзоев, Н. Григорян, С. Истомин, О. Мельситов, С. Аристов, С. Путренко, С. Щипачев.

Вот и все. Прежде чем поставить окончательную точку, нам остается поздравить победителей.

М. АНДРЕЕВ.

Фото прапорщика А. ЗИНЧЕНКО.

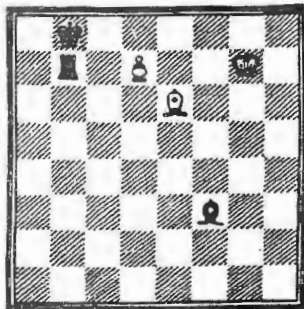

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

Авторы — участники войны

№25.

Г.Заходякин, 1982

Ничья

№26.

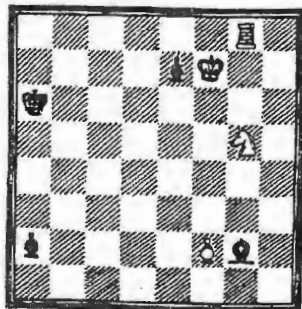
Л.Кайев, 1938

Ничья

№27.

Ф.Бондаренко, 1940

Ничья

Старшина Глеб Николаевич Заходякин был связистом, во время войны дважды ранен. Его композиции в художественном отношении превосходят. Мастер спорта Лев Алексеевич Кайев родился в 1913 году, погиб на фронте в 1942. Посмотрите решение его этюда.

1.Сg4+ Л:g4 2.Ла5+ с5 3.Л:с5+ Крh4 4.С:b2 Сb6 5.Сf6+ Крh3 6.Сd4!! Л:d4 7.Ле5! Ле4+ 8.Крf1 Л:e5 и неожиданный пат.

Подполковник Филипп Семенович Бондаренко был на ряде фронтов, он не только мастер спорта, но и талантливый шахматный писатель, его перу принадлежит ряд книг по этюдному творчеству.

Предлагаем решить симпатичные этюды №25, 27.

Алехин о шахматах

Жизнь А.Алехина до предела была насыщена спортивными состязаниями. Он участвовал в 87 турнирах, в 62 из них занимал первые места. Провел 23 матча, из которых 17 выиграл, четыре свел вничью и только два проиграл. В турнирах и матчах он сыграл 1264 партии, многие из них отмечены призами за красоту. Его спортивным успехам способствовало самокритичное и требовательное к себе отношение. Приводим некоторые его оригинальные высказывания.

"Для меня шахматы не игра, а искусство. Да, я считаю шахматы искусством и беру на себя все те обязанности, которые оно возлагает на его приверженцев".

"Я не играю в шахматы, в шахматах я борюсь. Я охотно поэтому сочетаю тактическое со стратегическим, фантастическое с научным, комбинационное с позиционным".

"Я считаю необходимым для успеха три фактора. Во-первых, понимание своей силы и слабости, во-вторых, точное разумение силы и сла-

бости противника, в-третьих, более высокую цель, чем минутное удовлетворение. Эту цель я вижу в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматную игру в ряд других искусств".

"Посредством шахмат я воспитал свой характер. Шахматы учат быть объективным. В шахматах можно стать хорошим мастером, лишь осознав свои ошибки и недостатки, т.е. совершенно так же, как в жизни".

Проверьте свои решения

("На боевом посту" №7, 8, 1995)

№20. Ж.Байер. Кре3, Фа8, Cd3, Cf2, пп.a7, h3(6) — Крf1, Kg1, Kh1, пп.e2, h2(5), мат в 4 хода. 1.Фg2+! Кр:g2 2.a8C+!! Крf1. 2...Кр:h3 3.Cf5X, 3.С:h1 К — 4.С:e2X.

№21. А.Калинин. Крh8, Фе4, Лb2, п.h7 (4) — Крh1, Лg2, Лg1, пп.h4, h2 (5), мат в 6 ходов. 1.Фb7! h3 2.Лb1 Л:b1 3.Ф:b1+ Лg1 4.Фb7+! Лg2 5.Фe4! Крg1 6.Фe1X!

№22. А.Калинин. Кра7, Лh2, Ch8, Ка4, п.e3 (5) — Крb1, п.a3, мат в 3 хода. 1.Са1! Крc1 2.Кc3 a2 3.Сb2X!, 1...Кр:a1 2.Кc3 a2 3.Л:a2X.

№23. А.Калинин. Крh4, Лg5, Сb4, Кf7, Kg3, п.e2 (6) — Крf4, Лd6, Сс8, Cd8, пп.e7, e3, f5, h5 (8), мат в 4 хода. 1.Сс3 Лd5 2.Се5+! Л:e5 3.Кh8! Ле6 4.Л:f5X, 1...Лd4 2.С:d4 Сс7 3.Кh8 и 4.Кg6X.

Решение гетеродоксальных задач. Без №. Крд4, Лh1, Ch6 (3) — Кра5, Ла3, Ла2, Ке4, пп.d6, d5 (6), кооперативный мат в 3 хода. 1.Крb4 Ла1 2.Ла5 Сс1 3.Лa4 Лb1X!

№1. Крf4, Са1, Ке4 (3) — Крb1, Лb3, пп.a2, b4 (4), кооперативный мат в 3 хода. 1.Лg3! Ch8! 2.Лg7 Кd2+ 3.Крa1 С:g7X!

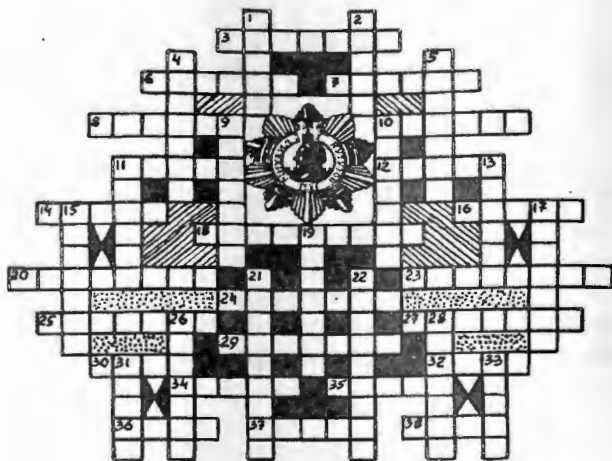
№2. Кре6, Фd5, Лс7, Лf6, Са3, Се4, Ка5, Кg7, пп.h6, h7 (10) — Крf8, Ch1, Кb4, Кf7 (4), обратный мат в 4 хода. 1.Сg2! С:g2 2.Фа8+ С:a8 3.Кb7 С:b7 4.Лс8+ С:c8X!

По горизонтали:

3. Великий русский писатель, автор романа-эпопеи о войне России с Наполеоном. 6. Герой Отечественной войны 1812 года, в Бородинском сражении командовал отдельным казачьим корпусом. 7. Командующий кавалерией в армии М.И. Кутузова при сражении с турками под Рушуком. 8. Условие, необходимое для успешного ведения войны, которое впервые выдвинул М.И. Кутузов. 10. Кавалерист в конном или пешем строю в русской армии. 11. Маршал Франции, в наполеоновской армии командовал кавалерийским корпусом, потерпел поражение от Кутузова под Тарутином. 12. Передовой опорный пункт у деревни Шевардино при Бородинском сражении. 14. Река на западе Московской области. 16. Мелкие свинцовые шарики для стрельбы из охотничьего ружья. 18. Русский полководец, ученик и сподвижник М.И. Кутузова. 20. Российский город, где установлен памятник героям Отечественной войны 1812 года. 23. Русский полководец, которого М.И. Кутузов считал своим учителем. 24. Министр полиции при царе Александре I, входивший в состав особого комитета по ополчению в 1812 году. 25. Деревня в Волынской губернии на Украине, где жил М.И. Кутузов, отстраненный от всех военных дел. 27. Военское звание, полученное М.И. Кутузовым в период русско-турецкой войны 1787-1791 гг. 29. Военачальник, обладавший широкими военными и политическими правами. 30. Река в Московской области, которую преодолели войска Кутузова перед тем, как остановиться в Тарутине. 32. Передвижение армии Кутузова с Рязанской дороги на Калужскую. 34. Основное средство обеспечения управления войсками. 35. Маршал Франции, в 1812 году командовал корпусом, который потерпел поражение от русских войск

КРОССВОРД

Посвящен 250-летию со дня рождения М.И. Кутузова

под Клястицами. 36. Место, где М.И. Кутузов командовал батальоном и был тяжело ранен в 1774 году. 37. Река в Белоруссии, через которую 22 июня 1812 года переправилась армия Наполеона, начав войну с Россией. 38. Тактическое подразделение, которым командовал М.И. Кутузов в Астраханском пехотном полку в 1761 году.

По вертикали:

1. Взрывчатое вещество для снарядов и патронов. 2. Должность, на которую был назначен М.И. Кутузов в 1792 году в Турцию. 4. Предмет, который преподавал будущий полководец в инженерной артиллерийской школе после ее окончания в 1759 году. 5. Отличительный знак установленного образца на форменном головном уборе. 9. Лицо, длительное время прослужившее в армии. 10. Герой Отечественной войны 1812 года, в Бородинском сражении возглавлял атаку четырех кавалерийских полков у деревни Семенов-

ское, а затем командовал партизанским отрядом. 11. Маршал Франции, в 1812 году возглавлял императорскую Молодую гвардию, после оставления русскими войсками Москвы был назначен военным губернатором города. 13. Страна, в боевых действиях против которой впервые участвовал М.И. Кутузов. 15. Великий русский полководец, наставник и учитель М.И. Кутузова. 17. Город в Силезии, где скончался М.И. Кутузов. 19. Пункт сбора резервистов-пехотинцев для пополнения армии М.И. Кутузова в сентябре 1812 года. 21. Народные массы России, поднявшиеся на борьбу с французскими войсками. 22. Должность, на которую был назначен М.И. Кутузов после взятия в 1790 году Измаила. 26. Город в Смоленской области, где в 1812 году произошло крупное сражение русской и французской армий. 28. Русский военный деятель, начальник объединенного штаба армии М.И. Кутузова. 31. Решительный момент наступательных действий. 33. Командующий русскими войсками, участвовавшими во взятии Измаила в русско-турецкой войне 1787-1791 гг.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 8

По горизонтали: 1. "Космос". 4. Окоп. 7. Луб. 10. Багратион. 11. Робот. 12. Квас. 13. Компромисс. 15. Бригада. 16. Ямайка. 19. Страна. 21. Дмитрий. 23. Комплимент. 25. Угон. 27. Лиман. 28. Наместник. 30. Рой. 31. Айни. 32. Инфант.

По вертикали: 1. Куб. 2. Сигналист. 3. Опал. 5. Конопля. 6. Перфорация. 7. Лобби. 8. Батист. 9. Пирог. 12. Куба. 14. Капablanca. 17. Караганда. 18. Овен. 20. Армянин. 21. Динамо. 22. Окуляр. 24. Мамай. 26. Ясон. 29. Кит.

Составил Е. КУЛИКОВ.

ВАША

реклама в журнале

“НА БОВЕВОМ ПОСТУ”

107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8,

тел: 361-81-71

путь к вашему
УСПЕХУ

Журнал “На боевом посту” — военно-публицистическое и литературно-художественное издание. Учредителем его является Министерство внутренних дел Российской Федерации. Издается ежемесячно. Распространяется в розницу и по подписке, подписные индексы: 70610 для индивидуальных подписчиков, 73175 — для предприятий и организаций. Имеет еженедельное приложение — газету “Ситуация”, подписной индекс 50157. Журнал и газета “Ситуация” распространяются не только в России и государствах СНГ, но и в странах Западной Европы, Америки, Азии. Редакция предоставляет всем желающим услуги по размещению рекламы на страницах своих изданий.

ПРЕДЛАГАЕМАЯ СТОИМОСТЬ РЕКЛАМЫ ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1995 ГОДА:

- 3-я (цветная) страница обложки — 2 млн. руб.;
- 4-я (цветная) страница обложки — 2,5 млн.руб.;
- цветные вклейки в журнале (одна страница) — 2 млн.руб.;
- внутренние (черно-белые) полосы журнала — 1 млн.руб.;
- полоса в газете “Ситуация” — 1 млн.руб.;
- для объявлений — 1000 рублей за кв.см или 100 рублей за типографский знак;
- надбавка за перевод, редактирование рекламного материала, художественно-графическое оформление — 15 процентов от общей стоимости;

СТОИМОСТЬ РЕКЛАМЫ В КАЖДОМ КОНКРЕТНОМ СЛУЧАЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ДОГОВОРОМ

Банковские реквизиты:
редакция журнала “На боевом посту”
получатель: р/с 340616 АБ “Лефортовский” МФО 201207
банк г.Москва, РКЦ ГУ ЦБ код 201791, к/с 437161900

*Люблю начало той поры —
не первой половины года, —
когда последние дары
отдать готовится природа.*

*Когда, себя поняв, она
вновь величания достойна —
и ранней зрелостью спокойна,
и поздней юности полна.*

В.ЖУКОВ.

Фото Б.ПОПОВА.

Орден "За военные заслуги"

Статут ордена "За военные заслуги"

Орденом "За военные заслуги" награждаются военнослужащие:

за образцовое исполнение воинского долга военнослужащими подчиненных подразделений, частей, соединений, безупречное выполнение ими служебных обязанностей и достижение высокой боевой выучки;

за высокую боевую готовность войск и обеспечение обороноспособности Российской Федерации;

за высокие личные показатели в служебной деятельности, храбрость и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга;

за заслуги в укреплении боевого сотрудничества и военного сотрудничества с дружественными государствами.

Награждение орденом "За военные заслуги" производится за указанные заслуги и при условии добросовестной службы не менее 10 календарных лет.

Орден "За военные заслуги" носится на левой стороне груди и при наличии других орденов Российской Федерации располагается после ордена Мужества.

Описание ордена "За военные заслуги"

Знак ордена "За военные заслуги" из серебра с эмалью и представляет собой восьмиконечную звезду. Диагональные лучи образуют пятиугольники, покрытые эмалью цветов Государственного флага Российской Федерации. На центральном медальоне по кругу располагаются венок из дубовых и лавровых ветвей и рельефная надпись "За военные заслуги". В центре медальона - рельефное изображение Государственного герба Российской Федерации. Диаметр знака ордена 48 мм. На обратной стороне знака - номер ордена. Знак ордена при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой муаровой лентой синего цвета с красной поперечной по центру между двух тонких белых полосок. Ширина ленты 24 мм, ширина красной полоски 5 мм, ширина белых полосок 2 мм.